

ПЕРВЫЕ ФОМИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник по материалам конференции 1 августа 2021г.

Москва - Санкт-Петербург - Королёв - Нижний Новгород - Челябинск -
Киров - Таллин - Ростов-на-Дону - Сизтл

MMXXI

ПЕРВЫЕ ФОМИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ

1 АВГУСТА 2021

MMXXI

УДК 94(47)+783
ББК 63.2(2)+85.313
П26

Первые Фоминские чтения: сборник материалов конференции 1 августа 2021 г. / под ред. М. Борозенца, Л. Ключаря, М. Медоварова. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2021. — 125 с.

ISBN

Первый сборник материалов Олега Фомина-Шахова (1976–2017) и посвященных ему исследовательских статей и стихотворений открывает серию публикаций по истории, культуре, музыке в ключе, заданном книгами, песнями и общественной деятельностью лидера группы «Злыдота», форума «Артания», некоммерческой организации «Третий Муром». В центре внимания сборника – не только личные размышления разных авторов о вкладе Фомина в русскую и мировую культуру, но и глубокие исследования по сакральной географии, музыковедению и иным аспектам.

УДК 94(47)+783
ББК 63.2(2)+85.313

© Фомин-Шахов О.В., 2015-2017
© Медоваров М.В., 2018, 2021
© Борозенец М.Н., 2009
© Ключарь Л., оформление, 2021
© Иванов А.Н., 2018
© Мошкин М., 2021
© Лушникова М., 2021
© Бондарев Д.А., 2021
© Каждан Л.М., 2016
© Матвеев Й., 2021
© Асадуллин Б., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие от составителей	4
Пресс-релиз Первых Фоминских чтений	6
Тезисы докладов	8
<i>Мошкин М.</i> Будетлянство Олега Фомина-Шахова	8
<i>Лушникова М.</i> Скоморошество Олега Фомина	12
<i>Бондарев Д.</i> Олег Фомин-Шахов как создатель жанра «светской наони» в русской музыке	18
<i>Медоваров М.</i> Олег Фомин как историк и краевед: проблема метода	22
<i>Борозенец М.</i> Царь и вор	24
<i>Ключарь Л.</i> Сакральная география Олега Фомина	29
<i>Каждан Л.</i> Беловодье – «Опоньское царство»	37
<i>Матвеев Й.</i> Артания в средневековой еврейской и арабской книжности	48
<i>Асадуллин Б.</i> Изгнанник страны Гуррикапа, или Об Урфине Джюсе замолвите слово	56
<i>А. Изуверов.</i> Последнее интервью Олега Фомина газете «Завтра»	66
Поздние стихотворения О.В. Фомина-Шахова (2015–2017 гг.)	78
Там	78
Подарки для дурака	80
Поездно	81
Бесконечная суббота	82
Соседка	83
На маленьком плоту...	84
Подражание Хортице	85
Не хочу в Питер	86
Котятки русские больны	88
Огни плывут	90
Свобода	91
Русская любовь	93
Мечта	95
Угль и гусли	96
Вековский чап-чап	97
<i>Карпец В.И.</i> Пью с Фоминым	99

Стихотворения памяти Олега Фомина	101
<i>Чередников В.</i> Памяти Олега Фомина-Шахова	101
<i>Шмырёв М.</i> Импровизация памяти Олега Фомина-Шахова	103
<i>Осинов Г.</i> Памяти Фомина	104
<i>Спесивцев И.</i> Памяти Олега Фомина	105
<i>Яковлев А.</i> Памяти Олега Фомина-Шахова	106
<i>Левченко И.</i> Куда уходят скифы? (Памяти Олега Фомина)	107
<i>Медоваров М.</i> Олег Фомин-Шахов. Сонет-акrostих	108
<i>Мошкин М.</i> Памяти Олега Фомина-Шахова	109
In Memoriam. Статьи 2018 года	111
<i>Иванов А.</i> Православие и «гиперборейская теория» (памяти Олега Фомина-Шахова)	111
<i>Медоваров М.</i> Русский Моррис. Слово об Олеге Фомине-Шахове	119

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

На протяжении более чем трех лет после кончины нашего гениального друга и наставника спонтанно обсуждались различные способы актуализации, популяризации и издания его многообразного наследия. В конце концов, к 2021 году зародилась идея проведения Фоминских чтений. В процессе организованного 1 августа в среде Zoom мероприятия неожиданно выдвинулась на первый план мысль о подготовке и издании полноценного Фоминского сборника, с перспективой продолжения данной серии. Уже в начале сентября такой сборник был составлен, и теперь он перед вами.

В силу различных причин не все горячо желавшие принять участие в Фоминских чтениях близкие Олегу люди смогли подключиться к конференции. Некоторые подключались без доклада, лишь с кратким приветствием. Детали происходившего 1 августа отражены в публикуемом ниже пресс-релизе. Поэтому в последующий период было решено предоставить возможность сказать свое слово и тем, кто не выступал на чтениях. В результате структура сборника приобрела следующий вид.

Вначале публикуются статьи либо тезисы участников Фоминских чтений и всех, кто целенаправленно прислал свои материалы в сборник. Тезисы открываются культурологическим очерком Михаила Мошкина, который задается вопросом о месте творчества Фомина на фоне различных направлений в искусстве XX века. Затронутая в данных тезисах музыкальная тема получает полноценное развитие в тезисах солистки «Злыдоты» Марии Лушниковой и специалиста по наонному пению Даниила Бондарева. В результате выпукло и с разных сторон получают освещение особенности творчества Фомина как композитора, исполнителя, музыковеда.

Следующий блок тезисов, посвященный исследованиям Фомина в области сакральной географии и истории, открывает заметка Максима Медоварова о соотношении научного и символического метода в исторических исследованиях Олега. В память о дискуссиях, происходивших на форуме «Артания» в 2009–2012 гг., публикуется тогдашняя статья Максима Борозенца о Гермесе и Аполлоне, вызванная к жизни соответствующими главами «Священной Артании» Олега Фомина. Ключарь продолжает тему, представляя отрывок из своего фундаментального труда о сакральной географии как науке и ее методе. Повторно публикуется статья Льва Каждана о Беловодье, напечатанная ранее в составе его «Агарты и Шамбалы» в 2016 году. Принципиально новым исследованием является статья Йоэля Матвеева, впервые прочтенная им на Фоминских чтениях. Она содержит принципиально новое открытие об упоминании Артании в средневековых еврейских источниках на фоне широкого персидского и арабского контекста. Булат Асадуллин

завершает раздел докладов тезисами из его большой работы о сказках Александра Волкова – темы, неоднократно обсуждавшейся Фоминым, Борозенцом и прочими артанцами.

Источниковый раздел нашего сборника открывается перепечаткой последнего интервью Олега Фомина газете «Завтра», опубликованного ею на следующий день после его ухода. Затем представлены стихотворения Фомина последних трех лет его жизни. Все они публиковались либо им самим на странице «В Контакте», либо позже Георгием Осиповым (графом Хортицей) на Фейсбуке, однако до сих пор остаются неизвестными широкой публике. Тематика данных стихотворений разнообразна: от религиозной покаянной лирики до «хулиганских» сатирических опусов, от тонких пейзажных зарисовок до финального и оглушительного посвящения памяти Владимира Карпца, ушедшего из жизни девятью месяцами раньше Олега... Единственное стихотворение, которое мы по этическим причинам не стали включать в сборник – «На смерть Карпца» – было написано 29 января 2017 года в соавторстве Фоминым и Осиповым (с пометками об авторстве каждой строки). Неудивительно, что данный раздел завершается перепечаткой «ответа» Карпца Фомину, написанного еще в 2009 году.

Кончина Олега вызвала целый вал стихотворений его памяти, опубликованных в социальных сетях. В нашем сборнике впервые собраны все восемь стихотворений разных авторов о Фомине, которые удалось выявить.

В качестве приложения сборник завершают две фундаментальные по намерению осмыслить наследие Олега статьи «артанцев» Александра Иванова и Максима Медоварова. Написанные еще в 2018 году к первой годовщине ухода Фомина, они до сих пор сохраняют свою актуальность и подводят своеобразный итог данному – первому, но не последнему – сборнику в честь одного из наиболее разносторонних и оригинальных мастеров русской и мировой культуры начала XXI столетия.

Редколлегия

Сентябрь 2021 г.

ПРЕСС-РЕЛИЗ ПЕРВЫХ ФОМИНСКИХ ЧТЕНИЙ

1 августа 2021 года в онлайн-формате состоялись Первые Фоминские чтения, посвященные наследию выдающегося музыканта, поэта, дизайнера, евразийца, философа-традиционалиста, краеведа, пролайф-активиста, эколога Олега Фомина-Шахова (1976–2017).

С приветственными обращениями выступили вдова Олега Татьяна Фомина и его друзья Максим Борозенец (Таллин, Эстония) и Александр Иванов (Киров/Вятка). Максим Медоваров (Нижний Новгород) передал приветствия участникам конференции от сестры Олега Юлии Литвиненко (Ростов-на-Дону), соратницы по его музыкальным группам Марии Лушниковой (Москва), а также по поручению поэта Максима Шмырёва (Рязань) прочитал его стихотворение, посвященное памяти Олега Фомина. Вторая сестра Олега Марина Дунаравич (Сиэтл, США) рассказала о созданном ею Фоминском фонде при университете штата Вашингтон, предназначенном для поддержки исследований творчества Олега, а также его деда полного тезки и видного актёра. Михаил Мошкин (Москва) сравнил творчество Фомина с исканиями будетлян круга Велимира Хлебникова.

После этого прозвучали научные доклады. Даниил Бондарев (Королёв, Московская область) сравнил русское наонное пение с французской манерой песен с произношением «немых» гласных, подчеркнув роль Олега Фомина как пионера в создании нецерковных наонных песен. Максим Медоваров охарактеризовал научность исследовательских методов Фомина как историка, уделив особое внимание идентификации Артании арабских источников первично как района Дона – Приазовья (родины Олега) и вторично как Центральной России, чему была посвящена книга Фомина «Священная Артания». Художник из Челябинска, известный в Сети под именем Ключарь, посвятил свой доклад сакральной географии как особой дисциплине, методы которой остались неизменны со времен античности до трудов Фомина – апологета «нелинейного» краеведения. Огромный интерес вызвал доклад Йозеля Матвеева (Санкт-Петербург) о средневековой еврейской рукописи, в которой Артанией названо подземное царство в иранской Гиркании, куда Александр Македонский заточил эсхатологические народы Гога и Магога (согласно «Повести временных лет», это произошло в Уральских горах). Матвеев также привлек к сравнению похожие эфиопские и арабские средневековые манускрипты.

Затем участники чтений обменялись мыслями по поводу перспектив создания виртуального или реального музея Олега Фомина-Шахова и организации будущих чтений с выпуском тезисов докладов. Татьяна Фомина сообщила о подготовке к изданию новой книги – сборника статей Олега «Биополитические вызовы постмодерна». Как известно, в последние годы жизни Фомин углубленно занимался биополитикой, готовил исследования

о рукотворных эпидемиях и, несомненно, стал бы одним их ключевых экспертов по нынешней пандемии, если бы дожил до нее.

В заключение Михаил Мошкин прочитал собственное стихотворение памяти Олега, и участники чтений приняли решение провести следующее собрание в течение полугода.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Михаил Мошкин (г. Москва)

Будетлянство Олега Фомина-Шахова

1. Проблема названия и определения того дискурса, который сформулировал, сформировал и в котором действовал Олег Фомин-Шахов.

«Археофутуризм» при кажущейся адекватности обоих составляющих (ἀρχαῖος и futurum) иррелевантен, т.к. тащит за собой целый ворох ненужных коннотаций – Гийом Фай, который придумал этот термин, «миграции и европейская культура» и т.д. и т.п.

Еще менее подходит «археомодерн», термин А.Г. Дугина – сугубо механическое, неосмысленное пребывание осколков Премодерна и Модерна в нездоровом социальном сознании, болтовня и бормотание современного русского *das Man* – т.е. опять не то.

Выбор Олега – шаг от современности, через голову (через труп) Модерна в сторону русского Архэ, был волевым и сознательным жестом, по большому счету не предопределенным его семейной или личной историей. Ср. фразу из последнего, посмертно опубликованного газетой «Завтра» интервью: «Я открыл и обрел свою духовную Родину, ставшую для меня образом мира – *imago mundi* – и картой мира – *mapa mundi*»¹.

Т.е. речь идет об осознанном, индивидуально-волевым, в хорошем смысле слова модернистском жесте – не столько *против* современного мира, сколько *прочь* от него. Вопрос – куда?

2. Имя найдено? «Будетляне», «будетлянство» – слово, изобретенное Велимиром Хлебниковым в начале XX века, совпадает по настрою с тем, над чем работал ОФ в начале XXI века.

Радикальное, корневое отличие русского будетлянства от европейского/итальянского футуризма, которому вроде бы наследовала группа «Гилея»², состоит в том, что европейский футуризм – явление зрелого модерна, его акме, отрицание «святых камней» и музейной культуры, доставшейся от предыдущих веков. Воспевание линейной увлеченности к горизонтам прогресса, созвучность эпохе восстания масс (уже давно прошедшей, *Plusquamperfekt* эпохе, футуризм устарел).

«Время и Пространство умерли вчера. Мы уже живём в абсолюте», – писал Маринетти в «*Manifesto del futurismo*» 1909 года, и с итальянской непосредственностью сам же себе противоречил: «Мы утверждаем, что великолепие мира обогатилось новой

¹ См. в данном сборнике.

² Замечание на полях: «Гилея» – важное эллинское слово, священный скифский *лес* у Геродота, и важный топоним в биография ОФ – Дон, Ростовская земля.

красотой – красотой скорости». Преклонение перед техникой, именно в том ее изводе, о котором говорил Хайдеггер – техника как забвение бытия и его открытости.

Не то будетлянство. Тезис Ильи Доронченкова: «Славянский корень русского самоназвания указывает на доцивилизационные, доисторические основания русского футуризма»³. Особенно ярко этот подкоп и подрыв под культуру нового времени, одновременное обращение к будущему и прадревнему проявился у самого Велимира – например, в «Ладомире»⁴ или в работах художников круга Ларионовой и Гончарова, и в тех манифестах, которые за них тогда писал Илья Зданевич. «Мною пройдено всё, что мог дать Запад до настоящего времени, а также все, что, идя от Запада, создала моя родина... Мой путь — к первоисточнику всех искусств: к Востоку» (Гончарова, 1913). Авангард был всегда. Истоки кубизма – в искусстве Египта, Месопотамии, Руси (Александр Шевченко, художник ларионовского круга).

Завет супрематиста Казимира Малевича – обэриутам: «Идите и останавливайте прогресс».

3. Русский футуризм создавался людьми, воспитанными в классической западноевропейской эпистеме, и основывался на – и отталкивался от авангардного искусства Запада. ОФ получил классическое советское, читай европейски-модернистское образование, получил классический музыкальный и филологический базис.

Ср. его исходный музыкальный интерес, и попытки его осмысления в раннем музыкальном творчестве – европейский арт-рок (т.е. сочетание прогрессив-рока с обращением к классической, в т.ч. русской академической традиции), собственно русская академическая школа, западный минимализм Терри Райли и Ла Монте Янга, краут-рок как сочетание академического минималистского авангарда и электронной музыки.

В этом смысле показательна параллель с интересами В.И. Карпца, не столько учителя (учитель – Микушевич), сколько старшего товарища, едино- и сходно-мышленника Олега Карпец, по своему генезису, контексту, по литературным и личным связям – казалось бы, почвенник, представитель «старой правой» и т.д. Но – глубоко разбирался в музыке Новой венской школы, авангарде второй половины XX века, в авангардном кинематографе (и его собственные опыты в кино), в авангардной литературе – и сам переводил антироманы Жана Парвулеско.

При этом отметим общий интерес ОФШ и ВИК к обэриутам, в первую и главную очередь – к Александру Введенскому, с его тягой к архаичному и временному. «Еще в

³ Как начинался русский футуризм. Содержание седьмой лекции из курса Ильи Доронченкова «Приключения Моне, Матисса и Пикассо в России». Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/1436>

⁴ Замечание на полях: поисковые системы по запросу «Ладомир» выдают ссылки на магазин по продаже стиральных машин. Ирония постмодерна.

начале 20-х годов сам Введенский говорил: «Меня интересуют три темы: время, смерть и Бог»... На самом деле Введенский – никакой не «левый». Напротив, он принадлежит полностью коринской «Руси уходящей», – отмечал ВИК в развернутом эссе о Введенском⁵.

И Фомин, и Карпец (см. его позднее стиховое творчество) сделали одинаковый выбор в пользу сочетания авангарда и архаики.

«Гетическая» группа «Злыдота», которая определяла свою музыку как «сплав плясовых скоморошин, гуслиарских попевок, античных мелосов, средневековой православной церковной музыки и хлыстовско-скопческих «розпевцев». От арт-рока – к «волк-опере», к музыке под, которую можно вершить суд скифского Леса.

4. «Если пока еще и в наших строках остались грязные клейма ваших «здорового смысла» и «хорошего вкуса», то все же на них уже трепещут впервые Зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова», – говорится в составленном Хлебниковым первым манифесте будетлян⁶.

Слово в стихах Фомина зачастую приближались к этой «самовитости» – в песнях на поэтически «реконструированном артанском языке». Например, в работе «Арта Крестосо»⁷, можно, имея некоторый объем исторических знаний, можно примерно «догадаться, о чем идет речь», но рискнем предположить, что все же автор в первую очередь стремился к самоценному словотворчеству. Слово не столько как лексема и единица информации, сколько как элемент песни, наговора, заговора. Около зауми.

«ГЛАЗ ПЕРВЫЙ, правый, в Китай-бор-от вперяется —

В Кси-лучах Кюри князь Кир-Юр не теряется,

Синий же Ус да от брады соблюдет себя

Да не Труп Вора в ладье причалит, гребя...

Илия-солея волот Муромский – иль я

Что-то здесь ищу, только Гусь-река гуслея»⁸

(«Четвероглазник», музыка ОФ, слова ВИК).

5. Будетлянский праксис. Русские будетляне разделяли неогегельянское представление о том, что искусство не просто отражает национальную ментальность – оно способно формировать ментальность народа или класса (тезис Доронченкова).

⁵ Карпец В.И. Двухоконная рука и Гость на Коне // Завтра. 13.03.2014. Режим доступа: <https://zavtra.ru/blogs/dvuhokonnaya-ruka-i-gost-na-kone->

⁶ Пощечина общественному вкусу. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пощечина_общественному_вкусу

⁷ Фомин О.В. Священная Артаня. М., 2004. С. 391.

⁸ Четвероглазник. Глаз первый. Око конунгов. Режим доступа: <https://teksti-pesen.ru/8/Zlydota---Unsorted/tekst-pesni-Chetveroglaznik-Glaz-pervyy-Oko-konungov>

«Национальное возрождение начинается с краеведения и освоения древних ремесел, преданий, песен», – ОФ в своем последнем интервью.

В этом смысле совершенно оправданно проделанное Максимом Медоваровым сравнение творчества Фомина с работами такого неортодоксального художника зрелого европейского модерна как Уильям Моррис, чьи интересы простирались от поэзии и возрождения ткацких промыслов до политических практик⁹.

Но также укажем на постоянный, с детских лет сохранившийся интерес ОФ к технике, в смысле хайдеггеровского технэ, «про-из-ведения», «раскрытия потаенности». Его интерес к космосу и астрономии, о котором он писал в автобиографической повести «Там на Северном, за «Звездой» – и который отразился в его раннем музыкальном творчестве («Фуга звезд»).

Так мы поймем «позднего Фомина», с его неожиданным на первый взгляд интересом к «шестому технологическому укладу», к неортодоксальным экономическим теориям (Чаянов и его крестьянская утопия). И – с совсем уж «нетипичным» для архаиста-почвенника, певца прадревней Артании интерес к ультрасовременным методам агротехники, пермакультуре Зеппа Хольцера, и сверхлегкой малой авиации. Этот интерес, оставшийся во многом не замеченным, ввиду «моррисовского» разброса и разнообразия интересов и проектов, которые начинал Фомин, крайне важен.

Разгадка – в словах в последнем интервью: «Бог ведет Адама в космос. Или вы думаете, Бог создал все эти мириады галактик, квазаров, звездных туманностей, черных дыр просто для того, чтобы мы в радиотелескопы на них любовались? Бог – величайший математик, физик, биолог, архитектор Вселенной». Как было сказано там же – возвращение к истокам национальной идентичности — не догма, но средство самопознания и строительства будущего. Пожалуй, это можно назвать формулой будетлянства по Олегу Фомину-Шахову.

⁹ См. статью в данном сборнике. Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/russkiy-morris-slovo-ob-olege-fomine-shahove>

Скоморошество Олега Фомина

«Друзья Олега знают: он не только поэт, но и музыкант, не столько поэт, сколько музыкант, не столько музыкант, сколько поэт. Но таковы были провансальские трубадуры, и Олег Фомин — один из них, русский трубадур», — писал в статье «Весёлая наука Олега Фомина», опубликованной в сборнике стихов «Лунный календарь» (который Олег Фомин издал в конце 1990-х), поэт, переводчик и наш с Олегом учитель Владимир Микушевич. И далее: «Когда последнюю твердыню альбигойцев осадили мрачные северные рыцари (не этим ли меченосцам давал отпор на льду Чудского озера Александр Невский?), вдохновительница трубадуров Экларамонда де Фуа вышла на стену замка, обернулась голубицей и улетела на Восток. В своём сиротском полёте голубица обернулась голубем, и не этот ли голубь — Олег Фомин, поэт с именем русского князя, возвещающий в последнее наше время “весёлую науку” трубадуров?»¹⁰

Фомин действительно был трубадуром — поэтом-мистиком, которому открываются тайны мира. А ещё точнее, он был скоморохом. Причём не только в общепринятом значении этого слова (то есть музыкантом, потешающим честную публику игрой на гудке, бубне, свирели, гусях и других народных инструментах), но, прежде всего — носителем тайных знаний, брахманом, постигающим сакральную суть вещей и передающим их посредством музыки и через, казалось бы, бессмысленное дурашливое паясничество.

Примеров такого дурашливого паясничества можно вспомнить немало. Чего только стоит «скомороший концерт» на Рижском рынке, где под восторженные крики и аплодисменты торгового люда ещё молодой студент-Фомин, взбравшись на прилавок, дурачился, пел и играл на свирели, а представители торговли угощали его разносолами. В минуты такого «дуракаваляния» в Фомине просыпалось неистовое дионисийское начало, и он начинал походить на врубелевского «Пана».

Скоморошья натура Фомина настолько «била через край», что её отмечали не только близкие друзья, но и сторонние наблюдатели. В своём подробном и глубоком исследовании, посвящённом творчеству группы «Злыдота», Наталья Игнатьева пишет: «...»То, что Олег Фомин-Шахов – скоморох, не вызывает сомнения... “Скоморохи – жрецы постмодерна”, – говорит Александр Дугин, подтверждая свой вывод размышлениями: “Всё современное искусство в христианской и постхристианской цивилизации развилось из некоего общего комплекса, в котором сосредоточивалось наследие дохристианского – “языческого” – религиозного и эзотерического культа. В Европе это была культура

¹⁰ Микушевич В.Б. Веселая наука Олега Фомина // Фомин О.В. Лунный календарь. М., 1999. С. 1.

труверов или миннезингеров. На Руси главным братством такого рода после окончательного искоренения волхвов и их традиций стали скоморохи, «веселые люди»... все элементы их деятельности были объединены общим сакральным знанием космологического порядка – их шутки, даже самые грубые, были формой изложения символической доктрины, пляски представляли собой теургические магические жесты, в своих песнях они передавали инициатические секреты... при этом сами они, и их зрители впадали в состояние транса, т.е. особого духовного настроения (прелести), в котором ясно ощущается присутствие потустороннего мира”...»¹¹.

Считается, что скоморохи были прямыми потомками жрецов бога Велеса, покровителя ведунов и сказителей, или же служителями культа Трояна. Не даром в древние времена без скоморохов не обходились ни годовые праздники, ни семейные ритуалы славянских общин. Однако после крещения Руси и, в особенности, в эпоху первых Романовых всё кардинально изменилось. Ни официальную, ни церковную власть не могли радовать ватаги комедиантов-«язычников», устраивавших «бесовские» народные гуляния, которые зачастую выливались в локальные крестьянские восстания. Не случайно во второй половине XVII века скоморохи подверглись целенаправленной ликвидации государством как класс. «Соборное Уложение» 1649 года предписывало поверстать весь бродячий элемент в тягло, то есть приписать к крестьянской или посадской общине, чтобы бродяги занимались трудом, несли повинности и платили подати. Тем самым царь Алексей Михайлович фактически подписал указ, запрещающий скоморошество на Руси.

Жестокие гонения, пытки, уничтожение музыкальных инструментов не прошли бесследно. Со временем от древних обрядов осталась лишь зрелищная часть, а жрецы (калики переходные?) из служителей богов, которые знали толк в волховстве и могли исцелить хворого, постепенно превратились в лицедеёв, противопоставляющих своё искусство церковной христианской культуре.

Однако представление об Олеге Фомине как о скоморохе-оппозиционере или сравнение его с комедиантом времён начала романовского правления будет явным заблуждением. У Фомина (православного по вероисповеданию) никогда не было негативного отношения к христианству, а за его порой резким музыкальным творчеством скрывалась не оппозиция, а глубина, до которой мог добраться только подлинный искатель истины. Подобно древним сказителям-ашугам, которые сочиняли и декламировали старинные песни, легенды и сказки, Фомин передавал слушателям позабытые знания через творчество «Злыдоты».

¹¹ Игнатъева Н. Злыдота – тады зло! Дипломная работа. Режим доступа: <http://www.arthania.ru/content/natalya-ignateva-zlydota-tady-zlo>

Утверждают, что гении (Тесла, Эйнштейн и многие другие) использовали метод пробуждения до того, как организм ещё не успел погрузиться в глубокий сон. Именно в состоянии дрёмы, когда человек находится между сном и явью, его сознание способно проникать в «небесную сокровищницу знаний». Фомин, городской житель, родившийся в эпоху постмодерна, непостижимым образом умел «подключаться» к этому невидимому источнику (ноосфере?) и черпать из него ценнейшую информацию. Он рассказывал, что часто стихи и музыка приходили к нему во сне. Однако доступ к высшим сферам сопряжён с опасностью. Человек, наделённый талантом «считывать» информацию и умеющий проникать в недоступные для других «места», становится своего рода сталкером, занимающимся исследованием опасных объектов и территорий, и с риском для жизни находящим и исследующим сокрытые знания. Именно поэтому в творчестве «Злыдоты» зашифровано то, чего нельзя произносить вслух. И именно поэтому судьба нашего Олега сложилась так трагически.

Неслучайно в своей рецензии на альбом группы «Злыдота» композитор и музыкант, художественный руководитель ансамблей «Круг» и «Русичи», Борис Базуров, иронически заметил, что в прошлые века за столь смелые тексты вся группа полным составом могла бы запросто угодить на дыбу. И далее: «Истинно скоморошья наглость в костюмах, в подаче, в вокале. Даже в облике основных действующих лиц на сцене! Удивительное сочетание детской сказки, медиа-контента минимум для трёх диссертаций и фолковой психоделики в одном весьма экзотичном флаконе, найденном в сундуке времён тишайших и грозных».

Вот именно, для диссертаций! Всего лишь за 17 лет существования «Злыдоты» её лидер сотворил столько, что хватит для нескольких десятков серьёзных научных работ. «Исследуя добаховскую — в Европе — и дораскольную — на Руси — музыкальную традицию, Олег Фомин(-Шахов) вскрыл целый ряд ладовых, мелодических и гармонических начал, которые и были применены “Злыдотой”. Результатом стал сплав — плавка, Философское Плавание — плясовых скоморошин, гусярских попевок, античных мелосов, дониконовой русской церковной музыки и “розпевцев”», — писал в своём очерке о «Злыдоте» Владимир Карпец¹².

Однако, продолжает Базуров, «людям, не знакомым с основами народного православия, апокрифической литературы и старославянских диалектов, этот диск покажется диким. Современным полевым фольклористам тоже можно не беспокоиться — материал их озадачит и посеет кучу вопросов. У публики, слушающей мейнстрим-фолк “около-кельтского разлива” тоже будет когнитивный диссонанс между полушариями, ибо

¹² Карпец В.И. Волк – оперу // Завтра. 17.11.2014. Режим доступа: <https://zavtra.ru/blogs/volk-operu>

ни в один из существующих жанров музыка и поэтика команды Олега Фомина-Шахова не вписывается!»¹³

Базуров, хорошо знакомый с фолк-публикой, знает, о чём говорит. «Злыдота» установила столь высокую планку, что осмыслить творчество этой группы под силу лишь учёным самого серьёзного уровня, работающим на стыке множества дисциплин и не являющимися, по меткому выражению Владимира Микушевича, «жертвами школьной науки».

Упомянутым Борисом Базуровым полевым фольклористам точно можно не беспокоиться. После общения с рядом известных исследователей фольклора, которые всю жизнь посвятили изучению «старины глубокой» и которым я, в надежде пробудить интерес к уникальному творчеству Фомина, демонстрировала наш альбом, стало понятно, что эти люди зря едят свой хлеб. Кругозор этих коллекционеров, увы, уже почти мёртвой народной культуры и их познания крайне узки, и всё, чем они заняты — это бессмысленный сбор разрозненных фактов. Трактовка древних текстов и поиск смыслов им не по зубам, а те, кто понимают чуть больше своих коллег, предпочитают «сидеть тихо и не отсвечивать», дабы не стать изгоем в стройных рядах апологетов «официальной науки» и не прослыть «мракобесом».

Неудивительно, что творчество Фомина для таких фольклористов непонятно, а значит, неинтересно. Ни древнерусские одеяния, расшитые рунами, световыми роженицами и коловратами-«кержаками», восстановленные народным мастером России этнографом Владимиром Теплышевым, ни старинные инструменты — гусли, русская лютня, колёсная лира, гудок, выполненные известным мастером по дереву, фольклористом и музыкантом Виталием Галицким, ни тексты песен с тайными смыслами — на древнерусском, церковнославянском и «псевдодревнеарийском» («артанском»). Ответ у них всегда один: это не аутентично. Но что же тогда аутентично? Пошловатые городские романсы, глуповатые частушки или осколки обрядовых песен, дошедших до нашего времени в искореженном виде и потерявших всякий смысл?

После одной из таких безрезультатных встреч с «уважаемым фольклористом» мне вспомнилось, как в начале 2000-х мы с Фоминым, зайдя в Российский НИИ Культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, что на Берсеневской набережной, встретили Вадима Рабиновича, у которого Олег должен был защищать диссертацию (которая впоследствии превратилась в книгу «Священная Артания»). По окончании непродолжительного разговора, который сводился к тому, что для гарантии удачной

¹³ Базуров Б. Рецензия на альбом «Злыдоты». Режим доступа: https://vk.com/wall39156854_671

защиты Олегу надо заручиться хвалебной рецензией определённого «признанного учёного», которую тот по причине своей «признанности» ему ни за что бы не дал, Фомин, поняв, что переговоры зашли в тупик, внезапно взорвался: «Ну не могу же я расстрелять всю эту сволочь!».

И действительно, творчество Олега Фомина — не для сволочи и не для «жертв школьной науки». Оно по зубам лишь сталкерам. А их крайне мало. Но они, к счастью, есть.

В частности, в газете «Завтра» выходили блестящие статьи Владимира Карпца («Злыдота: спуститься в шахту»¹⁴ и «Волк — оперу»), а несколько лет назад увидела свет потрясающая работа Натальи Игнатъевой («Злыдота – тады зло»).

Рассуждая о глубинной сути группы Олега Фомина, Наталья Игнатъева пишет: «...Несомненно, что своим творчеством группа “Злыдота” не керигматически (через лекции или статьи), а именно архаическим способом пытается восстановить архео-структуру. Но нам, чтобы отпустить себя на волю полноты нерассудочного понимания, нужно применить не только “интеллектуальную интуицию”, нам потребуются и другие специальные знания, например, исследования о праязыке Германа Вирта»¹⁵.

И далее: «...Творчество группы «Злыдота» осуществлено в весьма разветвлённой сети контекстов. Во-первых, это книги предводителя группы Олега Фомина-Шахова. И в первую очередь «Священная Артания». В песнях «Злыдоты» в предельно сжатом виде отображается её содержание. Основная идея, высказанная и доказанная в этой книге, заключается в том, что таинственная Артания, упоминавшаяся в древних хрониках, которую до этого тщетно искали учёные, находится в междуречье Оки и Волги. Племя, населявшее Артанию, называлось русами-урсами-арсами и отличались они от славянских племён не в национальном смысле, а в своём предназначении. Это было племя воинов и одновременно волхвов. Становились русами все те, «кем двигала пассионарная воля к созданию империи...».

Однако, замечает Наталья Игнатъева, «...многие песни “Злыдоты” остаются непонятными даже после прочтения “Священной Артании”, даже после подробных авторских пояснений: двуперстные “Сирски писмены”, беспоповское правило “Гроб деревянной”, древнеарийский эпос “Русские сны” и пасхальное песнопение “Час чаши”, а также ставшие уже любимыми исповедь мелюзины-кукушки “Летучее серебро”, сказ о птицерыбе “Арсмаки” (говори да приговаривай!), проповедь часовенного с копытом “Поучение от зайца”, сарматское стояние “Красный дар”, перебранка гностического

¹⁴ Карпец В.И. «Злыдота»: спуститься в шахту // Завтра. 15.12.2016. Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/zlidota_spustit_sya_v_shahtu

¹⁵ Игнатъева Н. Указ. соч.

спасителя с женой-самаряныней “Колодец герметикум”, евразийское славословие “Арта-Кристосо”, и, конечно же, культовое шатание “Баташов и злыдота”. Непонятны потому, что требуют ещё более широкого контекста»¹⁶.

Найдутся ли исследователи, способные «расшифровать» столь сложный эзотерический пласт? Появятся ли stalkеры, желающие познать глубинную суть скоморошества и стать частью этого тайного братства? Несомненно, изучение творчества композитора и поэта с именем русского князя, возвещающего в последнее наше время «весёлую науку» трубадуров под силу лишь тому, «кто одолеет». Так кто тот, «кто одолеет»?

¹⁶ Игнатъева Н. Указ. соч.

Олег Фомин-Шахов как создатель жанра «светской наони» в русской музыке

В настоящей статье слово «светская» употребляется в значении «не являющаяся напрямую литургичной», а не в значении «десакрализованная».

Наонное пение в славянских языках возникло, когда после падения редуцированных церковные певчие стремились сохранить размер церковных песнопений, какой был до их падения. С этой целью они перевели Ъ в О и Ь в Е не только в сильных позициях, но и в слабых, где в разговорной речи эти звуки отпали. Пример Съпасъ – «Сопасо», дньсь – «денесе».

В таких песнях, как «Арсамаки» и «Летучее серебро», Олег Фомин-Шахов также использовал наонь, хоть и не везде этимологически последовательно, однако он есть основоположник жанра. Важен сам факт что он выдвинул данную идею. Разберем примеры из песни «Арсамаки»:

Поженуто (вообще в церковной наони было бы «поженутЕ» по образцу древнерусского, где окончание глагола тут –ть, а не церковнославянское –тъ); будуто; разохожена (не этимологично); ото; порелесотона (правильно – прелестена; тут не этимологично); сосоставляема (тоже не этимологично); ходито; умена; пасете (первое Е не этимологично); во; умо; воселяема; дажде; резенья; мечико; солавный (О не этимологично); сораменный (О не этимологично); во росу; сИру («и» из ѣ); инехо; колесницехо; конехо; оборонехо (-ехо вместо –ахо по аналогии с мужским родом); совоссияю; начнетоя; захлебнетоя; потечето; стането.

К несчастью, в русском обществе часто имеет место пренебрежение своим родным. Однако аналогичные явления присущи не только русскому языку. В частности, во французской поэзии и музыке поются все «e caduc», то есть неясные Е, возникшие из слабого А народной латыни.

Первоначально автор этой статьи хотел сослаться на песню «Vive Henri IV», но такое сравнение независимо от него сделал лингвист-популяризатор Микитко Сын Алексеев¹⁷.

Потому ссылка будет на иную французскую песню про Жанну д'Арк¹⁸.

Жирным подчёркнуты те звуки, что в разговорном французском опускаются:

Jeanne, Seigneur, est ton oeuvre splendide

Un cœur de feu, une âme de guerrier

Tu les donnas à la Vierge timide

¹⁷ Микитко сын Алексеев. Беседа №5. История древнерусской орфографии. 07.07.2021. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=iUZBScTTgI4>

¹⁸ Chant à Sainte Jeanne d'Arc. 06.01.2018. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=sI2v4FckAuw>

Que tu voulais couronner de lauriers

Sainte Jeanne de France

Notre espérance repose en vous

Sainte Jeanne de France

Priez, priez pour nous.....

И это только первый куплет!

Известны типологически сходные примеры и в английском пении.

Таким образом, совершенно недопустимо свысока относиться к наонному пению, презирать его.

Кроме вопроса техники языка, важен вопрос о самом перенесении в современность средневековой музыки. Это тоже вполне нормальная тенденция, наше время уже устало от того что ему навязывают ритмы, сводящие с ума, оно требует более разумной и сердечной музыки. Популярность групп, исполняющих и пишущих средневековую музыку, неуклонно растет в определенных нишах. К примеру, светское григорианское пение исполняет группа «Gregorian». На сайте Youtube существует целый канал «Medieval cover», где на средневековые инструменты при старой шестинотной системе перелагаются современные песни. Можно вспомнить и группу «Universalia in re». Сам Олег Фомин-Шахов неоднократно говорил, что он первым возродил русской средневековую музыку так, как подобные группы возрождают музыку западноевропейского средневековья.

Таким образом, наш долг почтения к Олегу Валерьевичу состоит, в том числе, в популяризации и развитии им созданного нового жанра, во внесении в наше унылое время свежей струи из нашего прошлого, которое есть и наше настоящее, и наше будущее.

Олег Фомин как историк и краевед: проблема метода

Примечательно, что в первых опубликованных книгах Олега Фомина историко-краеведческая проблематика преобладает над метафизической, культурологической, литературной и прочими. Причем эта проблематика концентрировалась вокруг вопроса о локализации Артании арабских источников и о локальной истории Москвы, Мурома, Костромы, Гуся-Железного и прочих городов Волго-Окского междуречья.

Вопрос о том, где же находилась пресловутая Артания, является одним из самых сложных в исторической науке. В этой связи поражает глубокое знание Фоминым, который не был профессиональным историком, трудов по данной теме¹⁹. Следует подчеркнуть, что по вопросу об Артании до сих пор нет единого мнения историков, однако аргументы О.Н. Трубачева заставляют нас склоняться к предположению о ее размещении в районе устья Дона, то есть на родине Фомина – в Ростове-на-Дону, что может восприниматься промыслительно.

Промыслительные совпадения вообще были одной из любимых тем Олега. В отличие от «фриков» от истории и лингвистики, выдвигавших антинаучные этимологии названий, Фомин четко придерживался научных критериев историко-краеведческих и топонимических исследований. Это очень важный момент. Он никогда не отрицал академические этимологии, просто шел дальше, считая «народные этимологии» не случайными совпадениями, а мудрым и промыслительным источником двойных, символических смыслов. Разумеется, название реки Гусь имеет финское происхождение («ель»), но столь же верно и то, что во времена Баташова в русской культуре она воспринималась уже через символизм гуся. И это только один пример. Блестящий методологический очерк своего подхода Фомин дал в той же «Священной Артании»²⁰, и мы не можем упустить случая его процитировать: «Этимология не может быть ложной. Если этимология одна – она ложна наверняка. Множественность этимологий не опровергает, а подтверждает верность каждой». Фомин обращал внимание на эрозию слов, на их деэтимологизацию с течением веков, в связи с чем их смыслы подчас реставрировались в словах иного происхождения (Плѣс – полюс). Этот метод, наложенный поверх обычного топонимического метода, но не отрицающий его, Олег называет «фонетической кабалой» (не каббалой! От лат. *Caballus*) и, надо признать, в его исполнении он смотрелся даже убедительнее, нежели в трудах самого Грасе д'Орсе, методологическая важность которых в последние годы получает у нас всё большее признание. Пришла пора признать, что в

¹⁹ Фомин О.В. Священная Артания. С. 418–420.

²⁰ Там же. С. 251–256 сл.

культуре Нового времени XVI–XIX вв. очень многое сознательно зашифровывалось в виде ребусов по принципу случайных созвучий (нарисованный калач означал калачакру и т. П.). Расшифровка подобных посланий в картинках, камне и «абракадабрах» является одним из самых трудных и перспективных направлений исследований.

Аналогичным образом Фомин поступал и в конкретных работах об архитектурных и скульптурных символах в городах и весях Центральной России, будь то «Коломенское, новогодняя земля», Кострома с ее Ипатьевским монастырем («Позолоченный аптекарь»), Москвы («Масонская башня») или Кимры («Кимвров котёл»). В каждом случае он отталкивался от твердо установленных фактов – например, наличия Артемия Ди, сына Джона Ди, при русском дворе и участия англичан в Смутном времени в Холмогорах – чтобы за уже известным установить ещё неизвестное, сокрытое. Этим же путем уверенно идут и друзья и ученики Фомина²¹.

Сегодня мы живем в довольно своеобразный период, когда разгул лженауки, «лингвофричества», безумных фантазий на исторические темы захлестнул не только прилавки с массовой литературой во всех странах, но и немалую часть лиц, имеющих формальные научные степени. Запрос в народе на подобную продукцию отчасти вызван реальной проблемой замалчивания некоторых неудобных исторических сюжетов (масонских, алхимических и проч.) в академической литературе. Восполнить этот пробел, нисколько не погрешая против требований точного научного исследований, но углубляя его на целый уровень сакрального символизма – это то, что умели делать лишь немногие гении, озарившие нашу скудную эпоху, такие, как Олег Фомин – или как методологически тождественный ему о. Павел Флоренский. Исследовательский метод Фомина – это именно то, к чему призывал в свое время Клайв Льюис: *Further up and further in* – выше и глубже!

²¹ Иванов А.Н. От язычества к христианству: путями Последней Австразии. Киров, 2010; Иванов А.Н. Наследие прародины: традиционалистские очерки. Киров, 2017; Каждан Л.М. Агарта и Шамбала: избранные статьи. М., 2016.

Царь и вор²²

Как известно, изначально высшее место в иерархии традиционных языческих пантеонов занимали боги с ярко выраженными стихийными атрибутами — громовержцы и землетрясы, метатели молний и метеоров. Страх был основой поклонения и поводом для войн и распрей, этим первым попыткам соответствия высшим силам. Однако история показывает, что на одном страхе невозможно построить какую-либо структуру, способную стать основой культуры, и тем более цивилизации. Постепенное преодоление страха формирует последовательное осмысление, которое в свою очередь сплетается в Ариаднину нить, помогающую разуму выйти из сумрачного лабиринта. Мирное время, а с ним и перспектива социального становления, требует других качеств и иных ориентиров. Таковым, прежде всего, было подражание размеренной цикличности природы, и более конкретно — поклонение ее светлomu, дающему жизнь началу.

Появление солярных (солнечных) культов у того или иного этноса свидетельствовало в первую очередь о развитии Знания, этого «побочного явления» мирного существования, которое быстро определилось как принцип власти. Знание требовало постижения природы Всевышнего, выявления закономерностей его движения по небу, что также прояснило бы и то, что происходит внутри любопытного наблюдателя. Таким образом, сословие духовенства, а с ним и все мифологические, религиозные и вообще культурные догматы слагались на основе астрологии. Астрологические факты формировали принципы измерения пространства и времени, а символические соответствия планет, звезд и созвездий ложились в основу всей человеческой эпистемологии, и вообще культуры. Мы не будем сейчас углубляться в детали астрологических аналогий, общих практически для всех образов солярных «сынов Божьих» — египетского Гора, иранского Митры, индуистского Кришны, и так далее, вплоть до Иисуса Христа — это тема для отдельной статьи. На данный момент нас интересует чистый символизм солярного начала, доминирующий в человеческом обществе, его культуре и истории.

По всем солярным привилегиям, ни один бог дохристианской эры не пользовался таким блистательным успехом, как Аполлон. По преданию Аполлон появился из мистических земель крайнего севера — Гипербореи, где праведники живут по закону Разума и чтут превыше всего мораль и искусство. Согласно Диодору Сицилийскому, гипербореи живут счастливой жизнью и расстаются с ней исключительно от пресыщения,

²² Первая публикация: Новый берег. 2008. № 19.

бросаясь в море, а пока живы непрерывно воспевают Аполлона в гимнах, и он за это является им каждые 19 лет²³.

О неиндоевропейском происхождении Аполлона свидетельствуют в первую очередь все тщетные попытки раскрыть этимологию его имени²⁴. Однако, всякий герой интересен не столько своим происхождением, сколько деяниями. Аполлон с триумфальной бесцеремонностью Александра Македонского²⁵ и обезоруживающей харизмой Иисуса Христа²⁶ вторгался в местные пантеоны Европы и Ближней Азии, и ассимилировал прежних богов-обскурантов, интегрируя в себя их ведомости и функции — как губительные, так и благодетельные. Например, дар прорицания Аполлон «позаимствовал» у Геи; покровительство музыке — у Гермеса, а заодно и предводительство над музами (Аполлон Мусагет); искусство врачевания — у Асклепия и т.д. и т.п.

То же самое касалось атрибутов и имен прежних богов. У анатолийцев Аполлон соответствовал Аппалиунасу, чье имя означает «отец-лев» или «отец-свет». У этрусков его называли Аплун (Апулу, Аплу), что также соответствует Аплу хурритов и хеттов, которого массово призывали во время чумы (например, во время Пелопоннесской войны)²⁷.

Аполлон был также на стороне троянцев в легендарной войне, воспетой Гомером, и от них перешел к грекам²⁸. Именно у греков началась безудержная слава Аполлона, где он своим блеском затмил не только Зевса и Афину, но и Солнце как таковое — бога Гелиоса, всецело отождествившись с великим светилом, которое в представлениях греков так же, как и Аполлон, обладало в равной мере губительными и благодетельными качествами. Наконец, римляне, переняв эстафету от греков, распространили культ Аполлона по всей Европе среди кельтов и прочих варваров, где он воспринимался уже не иначе как Бог-

²³ 19 годам соответствует Метонов цикл, предложенный в 433 до н.э. афинским учёным Метоном и лёгший в основу древнегреческого календаря.

²⁴ Происхождение имени Аполлона неоднократно исследовалось еще в Античности. Например, Платон в диалоге «Кратил» соотносит его имя *σαλολυσις* «искуплять», с *απολυσις* «очищение», и с *απλου* «простой», особенно в отношении фессалийской формы имени *Απλου*, и наконец с *ἄει-βαλλων* «вечностреляющий». Версия *απλου* также повторяется Плутархом в *Moralia* в смысле «единство». Гезихий (Hesychius) указывает на связь с дорическим словом *απελλα* «собрание», понимая главную функцию Аполлона как покровителя политики. Позже греки ассоциировали имя Аполлона с глаголом *απολλυμι* (*apollymi*) «разрушать».

²⁵ Образ Аполлона с характерным наклоном головы, приоткрытыми губами, большими глазами и курчавыми волосами, ниспадающими на шею, был неотъемлемым изображением Александра Великого с 300 до Р.Х. и лицом эпохи эллинизма.

²⁶ Внешний образ Христа в период раннего христианства воплотил в себя все традиционные качества Аполлона, и потому поначалу изображался безбородым. Даже «приобретя» бороду, Христос долгое время изображался с солнечным ореолом вокруг головы, неизменным атрибутом Аполлона Гелиоса на многочисленных античных мозаиках. Император Юлиан Отступник отрекся от Христа также в пользу никого иного как Аполлона.

²⁷ Вследствие этого Аполлон также приобрел прозвище Пеан — «разрешитель болезней», поэтому традиционные гимны Аполлону назывались «пеаны» — у римлян стало обычаем петь их до и после решающей битвы. Существует также версия, что Аплу происходит от аккадского *Aplu Enlil* «сын Энлиля», прозвища, данного богу Нергалу, имевшего отношение к Шамашу, вавилонскому богу Солнца.

²⁸ Сравните греческое название Трои — Илион, то есть Город Солнца, Гелиоса. Туда же относится солярный образ малоазиатского пророка Илии.

Солнце, благодетель и исцелитель, со следующими прозвищами: Apollo Ateromarus («великий конюх» или «обладатель великой лошади» — у кельтов лошади традиционно понимались как солнечные животные); Apollo Belenus («светлый» или «сияющий»); Apollo Cunomaglus («повелитель псов»); Apollo Grannus (Граннус был исцеляющим богом весны, позже полностью интегрировавшийся в образ Аполлона); Apollo Moritasgus («морская вода» — атрибут врачей); Apollo Vindonnus («ясный свет»); Apollo Virotutis («благодетель человечества?»), и наконец Apollo Maronus²⁹.

По свидетельству Гомера, Аполлон, этот вечно юный, изящный, полный красоты и изысканности, своим появлением на Олимпе внушил неподдельный ужас олимпийским богам. Этот классический образ бесстрашного героя и светоча мудрости следует понимать как противостояние пережиткам древности, как рациональный протест эманациям слепой равнодушной природы. В этом была, если так можно выразиться, мифо-историческая миссия Аполлона Гиперборейского, вобравшего в себя все традиционные солярные черты для установления внешней, централизованной, официальной власти посреди культурного хаоса. Этот агрессивный, всепроникающий свет Культуры, оформленный как политическая идеология, проявляет все качества классического тоталитаризма, свойственного, увы, не только античным империям. В культурно-религиозном понимании такое возвеличивание одного бога за счет умаления прочих также создало естественную историческую почву для возникновения монотеизма.

Архетипическая миссия Аполлона проявилась еще в его мифической юности, когда в качестве своего первого подвига он сразил чудовищного змея Пифона (Питона), порожденного землей Геей. Пифон сторожил древнее прорицалище Геи и Фемиды в окрестностях Дельф, отваживая посторонних различного рода дезинформацией³⁰. За свой интеллект и ораторские качества ему в свое время Герой было поручено воспитание Тифона, который своим монструозным обликом в полной мере выразил все гадости, что у Пифона были «на языке»³¹. Аполлон, убив Пифона, основал на месте древнего капища свой

²⁹ В кельтском пантеоне Maronus или латинизированное Maronus («божественный сын») был богом юности и сыном богини-матери Dea Matrona. Таким образом, общим для Мапоноса и Аполлона стал аспект юного бога как наследника и переемника (ср. с Аплу Энлиль). Уэльский вариант имени Мабон используется в неопаганстве как название праздника осеннего равноденствия, где «сын великой матери» символизирует урожай. Сравните также с Гором, сыном Осириса и Изиды.

³⁰ Обладая всеми качествами Змия из библейского Эдема, Пифон был в последствии переосмыслен христианами демонологами как покровитель Лжи. В зоологии питон, как и удав, известен тем, что молча душит своих жертв.

³¹ В латинском варианте Python и Typhon — анаграммы. По Гесиоду Тифон — последнее чудовищное порождение Геи (земли), зачатое от Тартара (хаоса), обладает невероятной силой рук и ног и имеет на затылке сто драконовых голов, с чёрными языками и огненными глазами; из пасти его раздаётся то обыкновенный голос богов, то рёв ужасного быка, то рыканье льва, то вой собаки, то резкий свист, отдающийся эхом в горах. Позднее отождествлялся с Сетом, осологлавым египетским богом Зла, в христианском мистицизме — с Дьяволом.

храм и учредил Пифийские игры, по своей роскоши и популярности уступавшие только играм Олимпийским. Это символизировало, таким образом, свержение суеверного хтонического архаизма новой олимпийской властью, торжеством света и разума³². Именно в таком качестве образ Аполлона был переосмыслен в Ренессанс и радушно принят в эпоху Просвещения, по-прежнему оставаясь символом античного классицизма.

Но у каждого светоча есть своя тень, ибо нет света без тьмы. Традиционным антагонистом ясного и рационального Аполлона выступает его брат Дионис (Вакх), темный бог экстаза и инстинкта, чей неизменный атрибут — вино. Уже в новейшее время их онтологическая связь воспета ранними филологическими работами Ф. Ницше, который внес в дискурс европейской мысли понятия «аполлоническое» и «дионисийское». Дионис занимает место своего брата, когда тот на запряженной лебедями колеснице отправляется на родину, в Гиперборею, чтобы в урочное время летней жары возвратиться в Дельфы и опять навести порядок после буйных вакханалий. Со временем противоположные образы Аполлона и Диониса начинают сближаться — после VII в. до Р.Х. в Дельфах богам устраивали общие оргии на Парнасе, и сам Аполлон нередко почитался как Дионис и обладал его атрибутами — например, плющом. Однако в данном случае мы видим идейную противоположность Аполлону не в образе Диониса, ибо какой праздник может всерьез противостоять господствующей власти? Таковой является лишь ее обязательной частью, законным отдохновением от нее, и вынужденным поводом для ее водворения и даже ужесточения — об этом знали сами древние, перемешавшие элементы образов Аполлона и Диониса. Реальной оппозицией власти, и особенно власти явленной, официальной, может считаться только власть тайная, доступная лишь узкому кругу воистину избранных. Покровителем таковой традиционно считается Гермес, бог ловкости, красноречия и обмана, сопутствующий торговцам и ворами, чародеям и алхимикам.

Гермес, как и Аполлон, фигура знаковая, архетипическая. Это классический пример трикстера³³, который в среде простолудинов отождествился с культурным героем. В рамках западной цивилизации, понимающей бытие как бесконечный процесс становления,

³² Считается, что в образе Пифона воплощен реальный источник, чьи ядовитые испарения вызывали у пифийских жриц галлюцинации. О том, изменился ли метод пророческой работы в храме Аполлона, история умалчивает. Но, по словам А.Ф. Лосева, «двусмысленный характер предсказаний, допускавших самое широкое толкование, позволял дельфийской коллегии жрецов воздействовать на всю греческую политику».

³³ Трикстер (англ. *trickster* — трюкач, шалун) в мифологии, фольклоре и религии — божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия. Трикстер нарушает установления богов или законы природы, иногда злонамеренно (например, скандинавский Локи) но при этом, как правило, добиваясь, пусть и неосознанно, какого-нибудь позитивного эффекта. Часто нарушение правил происходит в форме различных уловок, хитростей (напр., у Эриды) или воровства. Трикстеры бывают хитрыми, или глупыми, или же могут совмещать оба этих качества; часто являются предметом осмеяния, даже будучи священными существами или выполняя различные культурные функции. Яркий тому пример — гётевский Мефистофель: «Я тот, кто вечно хочет зла, и вечно совершает благо».

где идеалом становятся ценности, не перенятые в соответствии с Традицией, но приобретенные как результат развития и продукт эволюции — это длинный ряд характерных персонажей от Прометея до Фауста. Шпенглер, к примеру, называл европейскую цивилизацию, балансирующую на грани заката, не иначе как фаустовской. Так Гермес, бог-посредник со всем спектром соответствующих функций — от почтальона богов до проводника душ на тот свет — стал символом европейского духа. Если Аполлон — это власть господствующая, официальная, стремящаяся удержать время и потому обладающая качествами автоматизма³⁴, то Гермес с крылатыми сандалиями — это бунт, это власть темных переулков и туманных недомолвок, динамизирующая любой стазис.

Легенды гласят, что никто не мог превзойти Гермеса в ловкости, хитрости и воровстве. Первое воровство он совершил, ещё будучи в пелёнках — покинув свою колыбель, он отправился в Пиерию и угнал пятнадцать коров, которых пас не кто иной, как Аполлон. Чтобы их не нашли по следам, он привязал к их ногам ветки (другой вариант — приспособил сандалии, которые впоследствии стали его атрибутом) и пригнал в Пилос, где укрыл в пещере. А сам тем временем из панциря большой черепахи и из тонких кишок убитых коров сделал лиру. Аполлон же в поисках коров прибыл в Пилос и, расспросив местных жителей, узнал, что коров угнал мальчик, но следов найти никто не смог. Догадавшись, кто это сделал, Аполлон пришёл к Майе, матери Гермеса, и обвинил последнего в краже. Мать показала ему ребёнка, лежащего в пелёнках. Тогда Аполлон отнёс его к Зевсу, и Гермес после расспросов отца показал Аполлону, где находятся коровы, а сам сел неподалёку и стал играть на лире. Аполлону игра на лире очень понравилась, и он предложил Гермесу обменять коров на этот дивный инструмент. Гермес согласился и стал пасти коров, играя уже на свирели. Аполлону захотелось иметь и этот инструмент, и он предложил свой жезл в обмен на неё.

Так у Гермеса появился традиционный крылатый жезл вестника — кадуцей, способный мирить врагов. В отличие от Аполлона Гермес использовал свой жезл для власти тайной — усыплять или будить людей, дабы во сне передать послание от богов кому-нибудь из смертных. Именно в кадуцее кроется символика аполлонической внешней власти, присвоенной хитростью и мастерством Гермеса, Великого Вора, который просто ради забавы украл также скипетр у Зевса, трезубец у Посейдона, золотые стрелы и лук у того же Аполлона и меч у Ареса. Кадуцей представляет собой скипетр, увенчанный крыльями и обвитый двумя змеями — они обвили жезл в тот момент, когда Гермес решил

³⁴ Только 3 месяца в году считались не посвященными Аполлону — пока он был «в отпуске», то есть в Гиперборее. В ряд его праздников входили *Boedromia*, *Carneia*, *Carpiac*, *Daphnephoria*, *Delia*, *Hyacinthia*, *Metageitnia*, *Pyanepsia*, *Pythia*, *Thargelia* — и это только число основных.

испытать его, поместив между двумя борющимися змеями, да так и остались на нем, насытив ее глубокой символикой. Взаимодействие двух змей традиционно интерпретируется как вечное начало противоположностей — инь и ян. В оккультизме кадуцей считается символом ключа, отворяющего предел между тьмой и светом, добром и злом, жизнью и смертью. Именно поэтому традиционный символ медицины имеет только одну змею, то есть Белое (здоровье, жизнь), отделенное от Черного (болезнь, смерть). В христианстве кадуцей становится атрибутом Софии Премудрости Божией. Известна, например, икона Софии Новгородской — в правой руке она всегда держит скипетр (кадуцей), изображенный в качестве длинного белого с заостренным концом древка.

Даже когда эра политеизма сдала свои позиции христианству, в своем агрессивном развитии всецело наследовавшему аполлонической традиции, Гермесу удалось избежать участи своих небесных собратьев быть выброшенным на задворки истории. В течение многих веков он был неизменным покровителем и символом всех начинаний разума, не вписывавшихся в официальную христианскую доктрину, и потому называвшихся оккультными (от лат. «темный, скрытый»)³⁵. Общий свод религиозно-философских течений эпохи эллинизма и поздней античности, носивших эзотерический характер и сочетавших элементы популярной греческой философии, халдейской астрологии, персидской магии и египетской алхимии, унаследовал имя Гермеса, и стал называться герметизм³⁶. Считается, что герметизм был предтечей того, что сегодня принято называть тайными обществами — движения иллюминатов, франкмасонства и розенкрейцеров. Даже если не исходить из современной теории мирового заговора, проблематика, поставленная в заглавие нашей статьи, остается открытой и актуальной. Аполлон и Гермес, власть явная и власть тайная — кто здесь царь, и кто здесь вор? Согласно герметизму, мир — это Великое Колесо, воплощающее собой непреходящую смену противоположностей, что обнажает великую истину Тождества. Ничто не избегает трансформации, все готовы лишиться своего мнимого статуса и поменяться местами в космическом карнавале, и образы Аполлона и Гермеса — яркий тому пример.

История полна подобных трагедийных переворотов, и особенно история русская, где строгая централизованная власть всегда носила ярко выраженный аполлонический характер. Упорно сопротивлявшаяся официальной власти оппозиция в итоге создала целое

³⁵ В алхимии имя Меркурия носит Философская Ртуть, символизирующая принцип текучести и изменчивости — обязательный компонент для алхимического процесса, так называемого Великого Делания.

³⁶ Согласно общераспространённой легенде первоисточниками герметизма являются труды, приписываемые легендарной личности — древнеегипетскому жрецу Тоту или Гермесу Трисмегисту (греч. «триждывеличайший»). Согласно традиции, герметизм — это учение о высших законах Природы, подчиняющейся как принципу причинности, так и принципу аналогии. Сторонники герметизма считают, что в силу принципа аналогии понимание той или иной причинной связи может дополняться магическим воздействием на действительность собственных желаний адепта тайного учения.

обособленное сословие — офеней (афеней), странствующих по деревням мелочных торговцев с галантерейным и мануфактурным товаром, книгами, лубочными картинками. Спектр деятельности офеней был поистине «герметическим» — торговцы были не только полупрофанными популяризаторами оккультных учений, но также искусными ворами, гадателями и шарлатанами, фокусниками-чародеями, шутами-скоморохами. Сословие офеней сформировало уникальную субкультуру, со своим собственным языком (феня, «блатная музыка»), инициатическими обрядами, традициями и понятиями. Однако многие века спустя это сословие из ордена рыцарей духа и свободных художников выросло в конце концов в строгую структуру с соответствующим уставом — Воровским Законом, по своему ригоризму намного превосходящий закон официального уголовного кодекса. В постмодернистском карнавале конца тысячелетия воины и воры, духовенство и торговцы перемешались, и когда коммунистический Аполлон пал, тайное тут же заняло место явного, лишь сменив свои маски и атрибуты. Оккультные науки также давно уже сбросили свой мистический флёр и практикуются вполне открыто, но несколько своеобразно — в виде алхимии банковских операций, где поистине магическое переливание из пустого в порожнее и порождает величественный пузырь современной мировой экономики, доказывающий, что превращение грязи в золото — вполне реально.

Мир как макросоциум, как человеческий муравейник в прочных сетях коммуникации какого-то верховного паука, не может жить без тайны, ибо нет света без тьмы. Так и любая внешняя, солярная власть, независимо от исторического периода всегда пользовалась силами тайного для достижения собственных интересов — развиваются ведь только приемы и атрибуты, принцип неизменен и цикличен, как астрология, с которой началось наше познание мира и определение места в нем. Только вот сегодня это тайное уже неотличимо от мнимого, а реальность неотделима от иллюзии — власть прибегает к любым магическим спецэффектам, от терактов до искусственных войн, которые при всех высокотехнологических приемах по-прежнему следуют древнему догмату — разделяй и властвуй, убивай своих, чтоб чужие боялись. Как и тысячелетия назад, Аполлон на время сходит со сцены и терпеливо выжидает подходящего момента, чтобы вернуться во всей красе и навести порядок после вакханалий. Напомним, что Аполлону изначально приписывались как благодетельные, так и губительные качества. Так и свет способен ослепить и задурманить в радужном мельтешении красок, если хотя бы на время не закрывать глаза — в нервном ли моргании, в блаженном ли сне, чтобы хоть как-то отделить свет от тьмы, и сообразить кто враг, а кто бог. Так и Аполлон с Гермесом по-прежнему продолжают незримый бой в ускользающих сумерках, в безуспешной попытке определиться, кто воистину есть Царь, и кто есть Вор.

Сакральная география Олега Фомина

Обращение к участникам Чтений

Отрадно видеть на Первых Фоминских Чтениях равнодушные лица участников, слушать их доклады и сообщения. Эта увлеченность – дань памяти нашего Большого Друга. Очевидно, что мысли, тексты, музыка, образ Олега так или иначе проросли в наших нейронных связях, обросли ассоциациями, сформировали общий тип языка, набор историй, которые можно бесконечно осмыслять и комментировать, и это, конечно же, хорошо, ибо, таким образом, и сотворяется та самая «Вечная Память» у живущих по ушедшим.

Данный доклад я составил на основе нескольких глав из своего исследования, посвященного сакральной географии. Очевидно, что подлинный интерес (равно как и исток этого интереса) к сакральной географии укоренен в традиционалистской среде. Весомый вклад в методико-теоретическое и практическое основание данной дисциплины был осуществлен О.В. Фоминым в его трудах и полевых исследованиях, посвященных поиску и обретению Великой Артании. Но прежде чем углубиться в фоминский *orbis mundi*, необходимо рассмотреть некоторые особенности традиционного термина в контексте «современной науки».

Сакральная география против «академического» прочтения

Сакральная география в ее различных проявлениях все чаще привлекает внимание отечественных исследователей. Широкий диапазон интересов здесь понятен: география сама по себе является одной из старейших отраслей человеческого знания, что, в свою очередь, определяет ее безусловное сакральное содержание и наполнение от Изначальной Традиции, стоящей, как известно, у истоков многовековой истории земных цивилизаций³⁷. Именно по этой причине в центре любой населенной земной области *всегда* существует свой «пуп земли», завязанный как «Центр Мира» с соответствующим набором мифов, знаковых систем и ритуальных практик. Мы разумеем времена (вернее, ситуацию отсутствия любых «времен»), когда грань между сакральной географией и просто географией отсутствовала. Точно так же в традиционном понимании и история является «целиком и полностью сакральной, имеющей нечеловеческий (божественный, ангелический) исток и нечеловеческую финальную цель»³⁸, и в этом смысле «круг земной»

³⁷ Отметим, что Рене Генон оговаривает особые случаи нетождественности понятий традиции и цивилизации: «Отождествление традиции с цивилизацией в целом является совершенно обоснованным тогда, когда речь идет о Востоке, поскольку любая цивилизация Востока, взятая в целом, может быть, в сущности, рассматриваться как традиционная по своему характеру. Что же касается цивилизации Запада, то она, наоборот, утратила свою связь с традицией, можно сказать, полностью, если не считать религиозного элемента, который лишь в самой незначительной степени эту связь еще сохраняет» («Очерки о традиции и метафизике»).

³⁸ Дугин А.Г. Конспирология. М., 2005. С. 26.

ойкумены всегда будет служить сценой для «основного Действа» (причем сцена эта отнюдь не декоративна, она, если угодно, «одушевлена»). Таким образом, понятие «сакральная география» сложно втиснуть в готовое определение, но как раз именно это и является наиболее привлекательным фактором для исследования. Логика сакральной географии определяется метафизической структурой бытия и законом Божественного Провидения и эту логику необходимо понимать, объяснять и разгадывать буквально с молодых ногтей. К счастью, до сих пор для многих наших детей Тридевятое Царство – не пустой звук. Русские сказки продолжают держать оборону от разрушительного воздействия Современности.

Затонувшие материки, остров Туле, Агарта и Шамбала, Terra Incognita с чудовищными автохтонами, антиподы на «другой» стороне Земли, Царство Пресвитера Иоанна и образ земного Рая на востоке в Эдеме – вот далеко не полный перечень круга вопросов, волновавших человеческую мысль на протяжении тысячелетий. Сюда же можно отнести уже упомянутые и знакомые каждому с детства Тридевятое Царство, остров Буян, Лукоморье. За каждым названием – целый пласт смыслов и символов, на эти темы существует огромное количество научной литературы, систематический анализ которой можно свести к утверждению, что эти труды, как правило, игнорируют и не говорят с позиций четкого позитива – Изначальной Традиции. Скорее наоборот, благоприятная конъюнктура для «академических» исследователей зиждется на полном отрицании оной и популяризации мер и методов антитрадиционалистской направленности. Это выражается, прежде всего, в том, что различные традиционные формы и элементы произвольно синкретизируются и рассматриваются с «исторической» точки зрения с преобладанием «светских» подходов, обеспечивающих якобы объективное «научное» представление.

Как следствие, увеличивается поток исследований, посвященных не критичным реконструкциям сакральной географии через региональную топонимику, в массовый оборот вводится понятие туристических «мест силы», составляются «атласы ментальных карт»³⁹. Сакральная география в этой искаженной оптике – не более чем занятный казус, основанный на старых легендах и вымыслах, но при должной («научной») обработке его можно приспособить к туризму или т.н. маркетингу территорий.

Основополагающий принцип «враждебных доктрин»⁴⁰ коренится в специфическом отношении к принципу сакральности: от полного непризнания существования данной сферы, до произвольного, фрагментарного смешения тех или иных сакральных элементов различных традиционных форм, что, конечно же, является одним из проявлений десакрализации. И дело здесь уже не в отсутствии особо трепетного отношения к такому

³⁹ См.: Регионы и города России: атлас ментальных карт / под ред. В.Н. Калуцкова. М., 2018.

⁴⁰ Враждебных, прежде всего, «традиционалистской мысли» («la pensée traditionnelle»)

понятию как «сакральное», а в отрицании самого принципа господства духовного порядка над всеми остальными, в сведении традиции к некоей усредненной совокупности социо-экономических факторов с элементами фольклора. Тем не менее, подчиняясь логике «царства количества» в науке, подобные исследования продолжают множиться, вызывая пессимистические оценки даже внутри «академического» сообщества: «...От массовой увлеченности проблемами классово-борьбы, политической истории, отчасти экономической истории мы сразу перешли к столь тонким материям как ментальность, психология масс и т. п.»⁴¹. Традиционалистская критика в данном случае выглядит менее политкорректной и более острой:

«В то же время, осознавая утрату своей актуальности, многие из ученых-модернистов начинают лихорадочно “наверстывать упущенное”, читают взахлеб Делёза и Фуко, Гваттари и Бодрийера. Обращаются к психоделическому опыту Лири, Арто и Хаксли. Я не стал бы вульгаризировать эту тему, намекая на желание модернистских ученых избежать утраты под собой не только “академической актуальности”, но и “академической кормушки”»⁴².

Данная установка призывает нас всегда использовать «защитные фильтры» от «спама» и оттачивать навык демаскировки многообразных синкретических «подделок под Традицию».

Сакральное краеведение Олега Фомина-Шахова

От внимательного читателя «Священной Артании», «Триад», «Ключей» не скроется тот факт, что «нелинейная география» – термин весьма условный, а Фомин, подобно древним космографам, чертит свою карту, используя такие материалы как антропогеография, геопсихология, философия пространства, сакральная геометрия и, конечно же, магическая география в том смысле, в каком ее понимал Евгений Головин⁴³. И эта карта, этот фоминский orbis mundi совершенно не обходятся без музыки. В своих музыкально-поэтических прозрениях Фомин преодолевал точку пересечения космоса вещей и космоса идей, воспаря выше звезд в Неведомые Миры.

Итак, философия пространства в представлении Фомина:

«Что касается философии пространства, то помимо сказанного следует обратить внимание также на мою теорию зон, согласно которой любую географическую

⁴¹ Ментальность и аграрное развитие России (XIX-XXвв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 5.

⁴² Олег Фомин. Энтропия спама. Отзыв на онтологию А.Нилогова. <http://www.artania.ru/content/oleg-fomin-entropiya-spama-otzyv-na-antologiyu-nilogova>

⁴³ Интересующихся аспектами таких традиционных терминов как «сакральная геометрия» (К.С. Грасе д'Орсе), «священная или жреческая география» (Р. Генон), «магическая или герметическая география» (Е.В. Головин), «геофания, геократия» (О.В. Фомин), «геософия» (А.Г. Дугин) отсылаем непосредственно к источникам.

протяженность можно представить как схематический условный круг с полюсами солнцестояния (север и юг) и равноденствия (запад и восток). Также очевидным образом обнаруживаются центр и периферия. Основные 9 зон (центр, север, северо-запад, запад, юго-запад, юг, юго-восток, восток, северо-восток) могут быть дополнены промежуточными по отношению к центру и периферии (всего 17 зон). Зная из компаративной Традиции символизм географических направлений, центра и периферии, можно создать идеально-качественную карту пространственной протяженности, которая, будучи наложенной на карту актуальную, – с учетом ландшафта (включая продукты человеческой деятельности), топонимики, легенд, истории – даст возможность «читать пространство» как связный мифологический текст. На «круг земной» возможно спроецировать и другие универсальные формы — сущности, формы и субстанции, фонемы, зодиак, рунический круг, герметические начала, что также дает дополнительные возможности для «чтения». Вся земная поверхность может быть представлена как круг, содержащий в себе бесконечное множество кругов (подобно иезекиилевскому «колесу в колесе»), что создает бесконечное множество пересечений, «размываемых» к тому же непрерывным воздействием вод меона. Однако система не обрушивается в абсолютную энтропию, поскольку остается более сильное эйдетическое воздействие «основных» полюсов земной поверхности, а также того, что в интегральном традиционализме принято именовать «духовными центрами». «Совместить» малые круги с большим кругом позволяет общая теория геодетерминизма (от Гиппократов до Карла Шмитта), сакральная география (Николя Лангле-Дюфренуа, Рене Бюшер, Гастон Жоржель), геополитика (в особенности ее общетеоретическая часть в том виде, как она содержится, например, в приложениях к “Основам геополитики” А.Г. Дугина)»⁴⁴.

Из сказанного явствует, что философия пространства конструируется в предельно подвижную, многослойную (в т. ч. и по смыслам) карту, состоящую из «условных кругов» подобно иезекиилевскому «колесу в колесе», где каждая деталь (от деревенской сказки на редком диалекте до зодиакальных соответствий и герметических начал) имеет свою ценность. Такая карта *Mundus Imaginalis*, помимо смысловой природы континентов и островов, показывает пространство свободного действия двойников людей, животных, «неодушевленных» предметов, точку пересечения космоса вещей и космоса идей»⁴⁵.

⁴⁴Русский поиск философского камня. Интервью с Олегом Фоминым // Кто сегодня делает философию в России. Т. 1. М., 2007. С. 343–344.

⁴⁵ Ср. с визионерскими строками из «Розы Мира» Д.Л. Андреева: «Начнутся странствия по иноматериальным мирам, по открывающимся слоям Шаданакара, то будет век Магелланов планетарного космоса, Колумбов духа».

Здесь имеет смысл пофантазировать. Вообразим некое подобие интерактивной гидрометеокарты (причем не на плоскости экрана, а проецируемой непосредственно в пространство), где вместо движущихся фронтов с осадками и потоками ветра видны «силовые линии активных теофаний» и где «бесперывная борьба, и переплетение стихий квинтэссенций порождают золото-перламутровые сосредоточия, называемые звездами»⁴⁶. Вы захотели активировать и посмотреть персонажей легенд маленького островка в балтийском море или восстановить имя колдуна стертой с лица земли деревушки в давно несуществующем государстве? Легко! Ткните пальцем в «облако» и на вас обрушится ворох визуальной, музыкальной и текстовой информации и, вероятно, обдаст терпким запахом иван-чая или соленой морской волны. Все это уже когда то было изобретено, достаточно вспомнить колдовской шар или палантир.

Надо отметить, что хорошие и подробные карты всегда были в цене. За ними охотились, за них убивали, пытались перекупить. Например, в Московии XVII века, по свидетельству иностранного купца, намерение приобрести карту русских земель было чревато обвинениями в измене и пытках⁴⁷. Границы Артании, как известно, охранялись невидимым обычному взору «лесным спецназом»: «В страну арса *никто не проникает*, так как они *убивают всякого иноземца*, вступившего на их землю»⁴⁸. Обязательным элементом сакральной географии, предваряющим точку перехода, являются «стражи порога». Генон пишет, что стражи не только ограждали «Святую Землю» от взоров непосвященных, но и осуществляли ее связь с внешним миром⁴⁹. Фомин, говоря об этих стражах, полагал, что они приводят в ужас недостойных и «ужас не обязательно – эманация какого-либо злого начала»⁵⁰.

В представленной Фоминым философии пространства нельзя не отметить связь «условного круга полюсов солнцестояния» с реконструкциями Германа Вирта. Это очень важный пункт, завязанный с идеей «Вечного Норда» и расходящихся от него «культурных кругов» (Kulturkreise). Идея Севера проходит плотно завязанными узлами сквозь полотно «Священной Артании». По-другому и быть не может, ведь колыбель человечества, исток Примордиальной Традиции – Север. Евгений Головин подчеркивал, что «активация северных созвездий» это не какая-нибудь там альтернатива силам дезинтеграции, а центр, для которого «актуальные нигилистические тенденции вообще не играют особой роли,

⁴⁶Головин Е.В. Некоторые особенности лабиринта.

⁴⁷ Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее назначения в России XVII века. М., 2012. С.49.

⁴⁸ Фомин О.В. СвященнаяАртания. М., 2004. С. 26.

⁴⁹ Генон Р. Символика креста. М., 2008. С. 293.

⁵⁰Фомин О. СвященнаяАртания. М., 2004.С.17. Там же (с.315-323) см. главу «Карусельный дед», полностью посвященную «Стражам Порога» и личному опыту автора.

<...> не касаются темы Севера, избегают ее, обходят стороной»⁵¹. Если универсальная жизненная константа в вашем «селфе» начинается с Севера, то вам доступно многократное ныряние в философский ледовитый океан на фоне фасцинаций северного сияния, и в этом абсолютном центре жизненности идеи смерти не будет как таковой. Но прежде надо «изведать свой край». Фомин раскрывает многомерную сеть смыслов «сакрального краеведения» прежде всего через игру слов, показывая, что значит «ведение края».

С одной стороны, край всегда родной (если не родной, то это чужбина), с другой, край – это предел, за границами которого (а граница проходит по линии соприкосновения земли и неба) начинается трансцендентное, т.е. запредельное. Наряду с этим понятие края рисуется как непрерывный пейзажный абрис, контур, схожий со строкой в тексте и этот текст «ведатель края» непременно обязан прочесть. Прочтению и осознанию подлежит не только «текст», но и тот самый неуловимый смысл между строк. Плиний Старший разъяснял, что «крайняя линия изображения должна поворачиваться и завершаться таким образом, чтобы создавать впечатление, будто за нею находится еще что-то, и даже показать, что она скрывает»⁵². Примечательно, что античные авторы связывали живописное понятие контура, крайней линии (*extrematis*) с риторическими приемами. То, что Плиний разумел под *extrematis*, Квинтилиан называл *circumscriptio*, что на языке риторики значит «период фразы»⁵³. В русских сказках «период фразы» мог означать, что «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», особенно если речь шла о долгих путешествиях *за край*.

Для Фомина чрезвычайно важен не только визуальный ряд красот русского пейзажа, но и взаимодействие всех его элементов, их переплетающиеся связи. Эта крепко сшитая ткань бытия позволяет русскому краю противостоять деформации (времени) и сдерживать натиск «нижних вод»:

«Русское небо вырисовывает русский край с его абрисом сосновых куколей, шатров, деревянных да древлеконечных крестов, вычитая, охватывая солнечными лучами все лишнее от не-сущего, от вечного потока всё размывающей истории. И ведающий такое вечное творение краевед, видит потустороннее присутствие в своем крае, где зодиак звездной ветвью стучится в окно, а “папоротник, леса капитан, произносит нечеловеческие имена”. Мистическое краеведение. Нелинейная география. Называйте это как хотите. Мистическое (или сакральное) краеведение знает отсутствующие даже на самых подробных картах топонимы. Оно ведает входы в иной край, Русь незаходящую...»⁵⁴

⁵¹ Беседа Головина Е. с Дугиным А. В поисках Вечного Норда.

⁵² Плиний. Естественная история, XXXV, 68.

⁵³ Киньяр. Секс и страх. М., 2005. С. 28.

⁵⁴ Фомин О.В. Указ. соч. С. 9.

Пейзаж здесь – не простой материальный субстрат со стихийными природными процессами (таким он окончательно станет сквозь оптику рационально-прагматического мировоззрения). Речь идет о необъяснимой гармонии мироздания, лестницы, иерархии, где наличествует соподчиненность элементов по принципу «всё во всём» – Ἐν τῷ πᾶν. Небо отражается в земле, а земля в небе и даже, как было объяснено царю Давиду, назойливый, казалось бы, шум лягушачьего кваканья является ликующим гимном Творцу. Приходит момент, когда же камни возопиют в стремлении спасти, одухотворить тяготеющего к ночи и хаосу человека. Фомин пишет об осознанном священнослужении силою Природы:

«...Материя наших лесов, рек и гор производит волшебные грезы, в которых воплощается – или недовоплощается? – вечный сон России-Руси-Гардарики-Артании. Природа становится Храмом, где вершат свое строгое таинство монашеские клобуки корабельных сосен, где клен, бывший по преданию валаамских старцев древом познания добра и зла, навевает непонятно откуда взявшуюся ностальгию»⁵⁵.

Постоянная склонность к созерцанию позволяет увидеть за деревьями не только лес, но целый архитектурный ансамбль:

«Я назвал бы это даже архитектурой леса. Да! Здесь были свои стены, подиумы, лестницы, форумы, анфилады, шаровые комнаты. Особенно сильно это было заметно осенью, когда торжество раскрашивало этот несуществующий город во все цвета, украшало его, готовя к несуществующему празднику. И повсюду были имена, которые только и ждали того, чтобы кто-нибудь их произнес. Но, видимо, это были несказанные имена...»⁵⁶

Современный человек, к сожалению, не видит ни леса, ни деревьев, ни уж тем более навеваемых ими величественных архитектурных образов. Проблема «несказанных имен» явилась следствием утраты Адамом способности творчески материализовывать свои эйдетические формы и существенно влиять на окружающие объекты. «Существенно влиять» означало «жить в животном мире, понимать душу и язык минералов, растений, зверей и, вступая с ними в магический контакт, сохранять органическую связь бытия»⁵⁷. Не случайно Всевышний вопрошает Иова: «Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле? Можешь ли возвысить голос свой к облакам, чтобы вода в обилии покрыла тебя? Можешь ли посылать молнии, и пойдут ли они и скажут ли тебе: вот мы?» (Иов 38:33–35)

Человеческая сущность «обособилась» от Логоса и претерпела череду абсолютно невыгодных сепараций: душа отделилась от сердца, сердце от мозга. Мозг пострадал

⁵⁵ Фомин О.В. Указ. соч. С. 331.

⁵⁶ Там же. С.334.

⁵⁷ Головин Е.В. Муравьиный лик: Якоб Бёме о грехопадении.

больше всего: перестал озаряться светом сердца (интеллектуальной интуицией) и стал впитывать отражения внешнего мира. Холодные ветра, острые зубы хищников, тотально твердые выступы скал – со всем этим теперь необходимо было считаться, а возможность что-то поменять «словесной магией» стала ничтожно мала.

На этом фоне крайне хлестко и радикально звучат слова святителя Василия Новгородского тверскому епископу Феодору (ок. 1347 г.): «Верь, брат Федор, не испытывай сомнения в этом утверждении: рай на востоке, созданный Адама ради, не погиб и ныне существует»⁵⁸. Фомин пишет, что очень часто наши грезы, тайные восторги, мечты не идут дальше внутреннего паломничества, однако бывает и так, что, вдохновившись чем-то вроде «Верь, брат Федор», наш «*сердечный*» путь воплощается в реальность, облекаясь в плоть реального путешествия»⁵⁹. И природа, кстати, всегда является соучастником этого живого процесса.

⁵⁸ Библиотека русской фантастики. Сказания о чудесах: Т. 1. Русская фантастика XI–XVI вв. М., 1990. С.100.

⁵⁹ Фомин О.В. Священная Триада. М., 2005. С. 356.

Беловодье — «Опоньское царство»

Версии происхождения мифа о Беловодье

С самых древних времен людям не дает покоя миф о Волшебном Царстве, где царит гармония, мир и справедливость. Это Волшебное Царство помещалось за границами обжитого пространства и цивилизованного мира — в непроходимых горах, на недостижимых островах. Эти Горы и Острова присутствуют во всех мифологиях и восходят к Примордиальной Традиции и Миру Архетипов. Тем не менее, с самых давних пор люди стремились проникнуть в эти волшебные края, дабы причаститься древней мудрости, сохраняемой там в первозданном виде. И не всегда безуспешно...

На Руси паломничество было развито с наидревнейших пор — наверное, каждый помнит былинных калик перехожих⁶⁰. Однако, начиная с XVII века, в связи с церковными и социальными реформами, скитания, сопряженные с духовными исканиями, приобретают массовый характер. Именно тогда русские люди, коих сегодня принято называть староверами, во множестве устремляются в Сибирь, на Алтай и далее — в Туркестан, на Тибет и Китай. В некоторых экспедициях, например в походе 1840 года, участвовало до 300 человек.

Документальная история таких вот поисков страны-мечты насчитывает практически столетие: самое раннее упоминание о них — «Донесение правительству крестьянина Дементия Бобылева» — относятся к первым годам XIX века, а самое позднее — к 1923 году, когда, согласно рассказу, записанному Николаем Рерихом, некая Соколиха *«поехала с бухтарминцами [крестьянами из долины реки Бухтармы на Алтае] искать Беловодье»*. Еще в начале 80-х годов на Алтае были живы люди, помнившие эти хождения и рассказывавшие о них этнографам. Об этих путешествиях известно из свидетельств самих их участников, записанных первопроходцами П.К. Козловым, Г.Е. Грум-Гржимайло, а также рассказов жителей Китайского Туркестана и Тибета, зафиксированных в ходе экспедиций Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, С. Гедина, Г. Бонвало, В. Рокхилла, уголовных дел о крестьянских побегах и других документов. Особое место занимают так

⁶⁰ В Древней Руси слово калика и калека обозначало не искалеченного, а человека, много странствовавшего и побывавшего в святых местах. Так, например, калика Карп Данилович предводительствовал отрядом псковских воинов в битве с немцами в 1341 г. Русские калики-странники, паломники, упоминаются в хождении Даниила игумена в Иерусалим и в записках Стефана Новгородца. Былины упоминают целые братчины калик, снаряжающиеся из Волынца-Галича, или из пустыни Ефимьевы, из монастыря Боголюбова в путь к славну городу Иерусалиму. Былинные калики — дородные добры молодцы, силачи, красавцы, одетые в шубы соболиные или гуни сорочинские, в лапотки семи шелков, с вплетенным в носке камешком самоцветным; костюм их дополняют сумки из красного бархата, клюки, иногда из дорогого рыба зубца (моржовых клыков? морского инь-рога?), и шляпы земли греческой. Таким образом, данная традиция восходит ко временам седой старины странствующих волхвов и магов.

называемые путешественники-путеводители в Беловодье, имевшие хождение среди староверов.

Но наиболее широкую известность легенда о Беловодье получила благодаря знаменитому русскому мистика и путешественнику по Востоку Н.К. Рериху⁶¹. «Алтай — Гималаи» — это книга, где Рерих описывает свое путешествие по целому ряду восточных земель: Цейлону, Гималаям, Сиккиму, Пир-Панджалу, Ламаюре, Леху, Хеми, Каракоруму, Такла-Макану, Карамару, Джунгарии, Тибету, Монголии. Алтай — это только одна из остановок на пути великого путешественника. Но именно на Алтае он встречает ссыльных старообрядцев — множества *«непонятных толков»*. В этом множестве есть радикальные толки — *«поморцы, нетовцы»*. Они-то и рассказывают Рериху о Беловодье: *«Беловодье! Дед Атаманова и отец Огнева ходили искать Беловодье. «Через Кокуши горы, через Богогорше, через Ергор по особой тропе. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят верхом на конях по особым ходам по Ергору. Также было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высокая, станом тонкая, лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан. Сроки на все особые»*. *«В 1923 году Соколиха с бухтарминскими поехала искать Беловодье. Никто из них не вернулся, но недавно получилось от Соколихи письмо. Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того и не пишет. Все знают о Беловодье»* <...> *«С каких же пор пошла весть о Беловодье?»* — *«А пошла весть от калмыков, да от монголов. Первоначально они сообщили нашим дедам, которые по старой вере, по благочестию»*. Этот центр был перетолкован староверами. Путь между Аргунью и Иртышом ведет к тому же Тибету. Мысли Рериха здесь, как ни странно, звучат в унисон с геноновским «Царем Мира», где подытоживаются сообщения о загадочной Аггарте (или Агартхе).

Итак, тибетские легенды об Аггарте проникли с помощью кочевых монголов и калмыков в Сибирь, там были подхвачены ссыльными староверами и легли в основу предания о Беловодье. Эта версия многократно была озвучена в наши дни. Например, она излагается Владимиром Ларионовым⁶². В частности, он пишет о том, что некоторые старообрядческие легенды помещали Беловодье в Индии, т.е. на родине буддизма, а также в соседних с ней землях, например, в Иране. Кстати, нагорье Чангат, являющееся последней точкой на пути в Беловодье, и впрямь, расположено у подножья Трансгималаев. Здесь следует отметить то, что с Рерихом категорически несогласен Александр Проханов,

⁶¹ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. М., 1937. С. 140–141, 143.

⁶² Ларионов В. Сокровенный путь в Беловодье. М., 2005. С. 388.

высказывавшийся, что вся романтика бегунов связана с Русским Севером и что Беловодье искали в Арктике, а не в Гималаях. И наконец, по версии старообрядческого начетчика Андрея Езерова, Беловодское Царство, именовавшееся то Опоньским, то Камбайским, искали в Восточной Азии: «Опоньское» происходит от «Япония», «Камбайское» — от «Камбоджия». Точно также понимает слово «опоньское» и Олег Фомин⁶³.

Волшебные царства доступны только мистикам

Из всех перечисленных нам представляется наиболее правдоподобной версия Андрея Езерова и Олега Фомина, так как легенды о Беловодье очень схожи именно с восточноазиатскими, в первую очередь, с китайскими легендами о волшебных странах. Во-первых, легенды о Беловодье гласят о «дедах», которые там побывали и которым было запрещено не только рассказывать о том, что они видели, но даже показывать дорогу. Если же этих дедов кто-то слишком настойчиво расспрашивал, как пройти в Беловодье, они нарочно неправильно называли географические названия этой дороги, чтобы излишне любопытные сбились с пути⁶⁴.

В легендах о Беловодье хребет Бурхан-Будда назван Богогорье (или Богогорше), хребет Кокушили — просто Кокушами, нагорье Чентаг — Ергором, а озеро Цайдам — просто соленым озером. В итоге путник дорого платил за свое любопытство: соляные испарения озера Цайдам ядовиты и, теряя в этом районе дорогу, любопытные назад более не возвращались. Бегуны знали, что делали, когда правильно указывали дорогу до «соленых озер» (надо было идти со стороны Алтая между Аргунью и Иртышом), а затем начинали путать названия... На старообрядческом Русском Севере до сих пор сохранилось много мест, куда нельзя показывать дорогу. А.Д.Синявский⁶⁵, путешествуя в этих местах, однажды услышал о том, что где-то в глухом лесу есть старинная часовня. Плутать по лесу, чтобы найти часовню пришлось двенадцать километров. Синявский встречал местных жителей, спрашивал дорогу, но ему отвечали, что показывать дорогу нельзя. большей частью там жили потомки ссыльных староверов. И эта часовня была для них частью Беловодья.

Та же самая недоступность характерна и для волшебных земель из китайских сказаний. Мы приведем эти сказания по «Азиатской Алхимии» Мирчи Элиаде⁶⁶. Китайские даосы верили в существование страны Пэньлай. Пэньлай, Фанчжан и Янчжень — это три волшебных острова посреди океана, где живут сянью, то есть бессмертные даосы, и где

⁶³ Фомин О.В. Священная триада и традиционная символика сословий // Бронзовый Век. 2006. № 24. С. 184–185.

⁶⁴ Рерих Н.К. Сердце Азии. Мн., 1999. С. 77–78.

⁶⁵ Синявский А.Д. Иван-Дурак. М., 2001. С. 302.

⁶⁶ Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1998.

растут алхимические травы. Однажды китайский император Цинь Шихуанди захотел сподобиться бессмертия и велел даосским алхимикам приготовить эликсир бессмертия, а за «*травами бессмертия*», которые понадобились алхимикам, был отправлен моряк Синь Ши, так как эти травы росли на острове Пэньлай. Моряки Синь Ши смогли только увидеть этот остров издали. Однако Цинь Шихуанди — император, построивший Великую Китайскую стену — был не из тех людей, которого останавливали неудачи. Вскоре на остров Пэньлай за «*травой бессмертия*» был отправлен новый посланник — моряк Синь Фу, о плавании которого повествует Сыма Цянь — «китайский Геродот». На сей раз корабль Синь Фу отнесло в какое-то тихое и плодородное место, где осев, Синь Фу стал царем.

Эти волшебные острова — острова-призраки — известны повсеместно. Знакомы были они и русским полярникам-первопроходцам. В Арктике самый распространенный мираж — теплая земля посреди снегов. Этот «мираж» сделался общеизвестен благодаря роману Обручева «Земля Санникова». Первопроходец и добытчик мамонтовой кости Яков Санников действительно существовал. Он много путешествовал по Арктике в начале XIX века. И однажды его взору действительно предстала теплая земля. Ее отличала от арктической ледяной пустыни обильная лесная растительность, из-за чего она и была заметна. Где-то за полвека до Санникова лесистая земля предстала взору другого арктического путешественника — Степана Андреева. И тот и другой пытались ее достигнуть, но не смогли, ибо она при малейшей попытке подойти к ней поближе исчезала. То есть это была земля-призрак, аналогичная городам- и замкам-призракам, появляющимся во всех частях света, где существуют входы в Потустороннее Царство. И Арктика — одно из таких мест. Перед русско-японской войной аналогичную призрачную землю — Землю Джиллеса — видел адмирал Макаров. Он планировал организовать туда экспедицию, но погиб в бою с японцами. И его планы пришлось реализовывать советским полярным летчикам. Но прорваться на Землю Джиллеса они тоже не смогли — эта волшебная страна всякий раз исчезала, когда к ней пытались подлететь.

Волшебные земли находятся в горах. Предания гласят, что Беловодье находится где-то на Алтае. Кстати, белые воды на Алтае и впрямь есть: реки, в чьих водах растворяются местные породы известняка, являются неотъемлемой частью любой горной системы. Для мистических движений, локализующихся в горных районах, это всегда что-то означает: для алтайских староверов — Беловодье, для кавказских молокан — «молочные реки» (отсюда и название секты). Беловодье находится в Алтайских горах, в пространстве между источниками горных рек Катунь и Бухтарма. Сегодня в этом месте — деревня Верхний Уймон. Ее основали путешественники-староверы. Они-то, судя по всему, и достигли

Беловодья, но об этом они не распространяются. Поиски Беловодья бегунами стали неотъемлемой частью освоения Сибири и Дальнего Востока. Забайкалье и Приморье были освоены именно радикальными староверами и именно в поисках Беловодья. Современные старообрядцы видят мистический промысел в том, что эти земли остались в составе России, а все завоевания никонианских царей Романовской династии потеряны: в Прибалтике, которую завоевал Петр, русских ненавидят, на Украине, которую присоединил Алексей Михайлович, и в Грузии, что когда-то сама присоединилась к Александру I, сегодня отношение к России достаточно сложное, в Средней Азии, которую присоединил Александр II, относятся хорошо, но объединяться не спешат.

Китайские волшебные земли также находятся и в горах. В Древнем Китае верили в существование волшебных гор, самой известной из которых является Куньлунь. Если даосский эликсир бессмертия изготавливался из нефрита, то это должен был быть нефрит горы Тяньшань, ибо божеством этой горы была Юй Нюй — Нефритовая Женщина. Обо всем этом рассказывают стихи Чао Цао «Песнь вырвавшемуся духу»:

*Запряг шесть драконов,
Оседлал ветер и тронулся в путь,
В путь — за пределы четырех морей.
Дорога внизу — через восемь царств,
Перебрался через высокие горы,
И вот прибыл к горному ущелью.
Оседлал ветер и тронулся в путь,
В путь — за пределы четырех морей.
На востоке добрался до Тайшань,
Где бессмертные с Нефритовой Женщиной гуляют.
Спустились вниз.
Мчусь в упряжке из шести драконов,
Пью нефритовую настойку,
Вечные воды сошли,
И не течь на восток.
Отделяюсь от бренного тела,
Пью нефритовую настойку,
Обретаю способность к движению.
На востоке добрался до Пэньляя⁶⁷.*

⁶⁷ Кравцова М.Е. История китайской культуры. СПб., 1994. С. 196–197.

Другой обязательный ингредиент алхимического эликсира бессмертия — волшебные грибы, обязательно должны быть добыты адептом на горе Тайпуа:

На белом олене святой человек.

Короткие волосы, длинные уши.

Меня он отвел на гору Тайпуа.

*Там красные зонты грибов долголетия*⁶⁸.

Так говорится об этом в поэме Цао Чжи «Песни о том, что бесконечно». М.Е. Кравцова полагает, что это не случайно, и что горы действительно имели сакральный смысл в даосизме⁶⁹. Во-первых, нам сразу же следует отметить, что даосы Древнего Китая селились большей частью в горах. А поскольку бессмертия даос мог достичь только после многих лет практики йоги, внутренней алхимии, дыхательных упражнений, а для всего этого требовались отшельнические условия жизни, в горах скорее можно было встретить настоящего сянь, чем где-либо еще, что в свою очередь приравнивало горы к острову Пэньлай. Сунь Чо именно с этой ассоциации и начинает свою «Оду о восхождении на гору Тяньтайшань»: *«Гора Тяньтайшань — божественное совершенство среди пиков. За море переплывешь — увидишь Пэньлай и Фаншан, на сушу взойдешь — там будет хребет Сымин»*⁷⁰.

С другой стороны, аскет получал бессмертие, когда сливался с Дао, и, если в горах с Дао можно было слиться скорее, чем на равнине, значит, оно в большей мере там присутствует. Поэтому, признавая, что вся природа Поднебесной является манифестацией Дао, даосские теологи подчеркивали, тем не менее, что в наибольшей степени это относится к горам, где Дао больше всего присутствует. В частности, Гэ Хун прямо перечисляет горы, которые *«для <...> приготовления снадобья бессмертия пригодны»*⁷¹, так как там больше всего присутствует Дао.

Малявин сообщает, что гор, где видели сянь, — «Провалов в небо» или «Пещерных небес», насчитывалось в Китае тридцать шесть, это и были самые знаменитые горы Гэ Хуна⁷². Наглядной иллюстрацией теории Гэ Хуна о «Знаменитых горах» служит помещенное в «Тайпин Гуан Цзи» «Жизнеописание девы из Яиду». Одним из героев сказания был аскет, который *«жил на горе Хэйшань», «постоянно собирал целебные древесные грибы с сосен и делал из них снадобья»*. Этот аскет давно уже слился с Дао. Поскольку Дао может проявляться в любых формах, слившийся с ним аскет получал иногда

⁶⁸ Там же. С. 198–199.

⁶⁹ Там же. С. 100–120.

⁷⁰ Религии Китая. Хрестоматия. М., 2001. С. 166.

⁷¹ Гэ Хун, Баопу-Цзы. СПб., 1999. С. 53.

⁷² Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 166.

дар оборотничества. В частности, герой данного рассказа *«то молодец, то старец, то был уродом, то красавцем»*. В «Тайпин Гуан Цзи» помещены жития только бессмертных. Данный бессмертный жил уже *«несколько сотен лет, и все уже забыли его имя»*. Он часто ездил верхом на теленке, поэтому люди прозвали его Господином Теленком (по-китайски Дуцзы). Именно Дуцзы делает героиню бессмертной, угощая ее эликсиром из персиковой камеди. Но важно отметить, что эта персиковая камедь растет на горе Хэйшань. В этой связи уместно вспомнить и «Жизнеописание Чжан Дина»⁷³, учителем которого был Ло — *«бессмертный с горы большого Пика — Хайлиншань»*. Слившись с Дао и став подобно ему текучим, о чем свидетельствует дар *«превращаться в других людей и животных»*, Чжан Дин *«ушел на гору Небесного Столпа — Чжанцицин»*. И лишь иногда прилетал оттуда, пользуясь способностью сянь летать. Весьма интересна также информация Торчинова⁷⁴ о том, что *«курильницы бошаньлу в Ханьскую эпоху представляли собой изображения гор-вулканов, в кратерах которых сжигались галлюциногенные и ароматические травы, чтобы <...> дышали ими и видели духов. Иногда на бошаньлу изображали горных отшельников — сянь и даже горных животных»*.

В волшебных царствах есть свои цари. Сиванму, из цветов которого приготовили эликсир бессмертия для Чан-Э, чтобы она могла улететь на Луну, является владычицей Волшебного царства, где алхимики готовили для нее эликсир. К Чан-Э же он попал через ее мужа — того самого стрелка И, который для того, чтобы получить из рук Сиванму эликсир бессмертия должен был совершить путешествие в ее царство. Эликсиры Сиванму настолько ценились даосскими алхимиками, что среди них бытовало предание⁷⁵ о том, как в ее царство, бросив все государственные дела, отправился сам Му-Ван — один из могущественнейших государей династии Чжоу. После долгих странствий Му-Ван находит Нефритовую Гору, где растет Нефритовое Дерево, и на нем цветы бессмертия, из которых готовят эликсиры придворные алхимики Сиванму⁷⁶.

Царство Сиванму воспевает поэма Ван-Чжуна «Путешествие к бессмертным»:

*Приказал мчаться к берегам Нефритового пруда,
По пути отдыхал в Башне прекрасной девы.
Ее длинные рукава — о, как они извиваются-развертываются. <...>
Свирели и флейты — звук их печален и чист.
Драгоценные врата вздымаются к хладной Луне,
По жемчужным палатам кружит осенний ветер.*

⁷³ Религии Китая. Хрестоматия. М., 2001. С. 134–135.

⁷⁴ Торчинов А.Е. Даосские практики. СПб., 1994. С. 46.

⁷⁵ Там же. С. 183–188.

⁷⁶ Там же. С. 188–194.

Синяя птица мчится на длинных крыльях.

Царица Запада стоит с нефритовой чарой.

Протянет руку, когда наступит время прощаться,

Через тысячу лет обязательно снова вернусь⁷⁷.

Царица Запада — это и есть Сиванму, синяя же птица — это ее прислужница и вестница Цинь Няо. Сразу же справедливо возникает вопрос: а есть ли царь в Беловодье? Старообрядческие предания гласят, что есть.

Миф в истории, или История в мифе

В русской истории рубежа XVII-XVIII веков обнаруживается один очень странный факт. После смерти царя Алексея Михайловича началась династическая борьба между его второй женой Натальей Нарышкиной и детьми от первой жены Марии Милославской — Федором, Иваном и Софьей. После смерти царя Федора Алексеевича в 1682 году между Нарышкиными и Милославскими фактически началась гражданская война. Пользуясь тем, что Иван был слабоумным, а Софья — женщиной, Нарышкины короновали четырехлетнего Петра под регентством царицы Натальи. А Милославские в ответ взбунтовали стрельцов. Стрельцы взяли штурмом Кремль, перебили всех Нарышкиных и принудили царицу Наталью к совместному правлению Ивана и Петра под общим регентством царевны Софьи. В высшей степени показательным то, что движущим мотором стрельцкого бунта были именно старообрядцы, включая, в частности, фигуру предводителя стрельцов князя Ивана Хованского. Однако правительство царевны Софьи не восстановило дораскольный чин. Князь Хованский, который фактически привел это правительство к власти, был убит именно потому, что требовал от Софьи ликвидации никонианской реформы. А заодно и потому, что он был естественным конкурентом нового фаворита царевны Василия Голицына. Софья и Голицын находились у власти до тех пор, пока их не сверг подросток Петр. После смерти Петра началась борьба между сторонниками (партия Меншикова) и противниками (партия Долгорукого-Голицына) его реформ. Меншиков был фактическим правителем страны при Екатерине I. А при Петре II, который был сыном казненного царевича Алексея, власть захватили Голицын и Долгорукий. После смерти Петра II они решили вернуть к власти милославскую ветвь, ибо понимали, что при детях Екатерины и Петра (Елизавете и Анне) будет продолжаться курс реформ. Дочь Ивана V Анну посадили на престол именно потому, что связывали с ее именем надежды на консервативное правление. Однако в сфере религии никакого консерватизма при ней не наступило. Наоборот, именно императрица Анна Иоанновна стала одной из самых кровавых

⁷⁷ Там же. С. 199–200.

гонительниц старообрядчества в истории послепетровской России. Судя по всему это было следствием воспитания в семье Милославских, так как слабоумный Иван V не мог воспитывать дочь. Такова оказалась милославская благодарность за услуги князя Хованского. Но ведь Хованский не мог ошибиться! Он ведь был одним из воевод Алексея Михайловича (в частности, его имя известно в связи с русско-польской войной за Украину 1598-1666 годов) и хорошо знал его придворную «кухню»!

Если Милославские не были порядочными людьми, Хованский этого не мог не понимать! Но, тем не менее, он все-таки возглавил стрелецкий бунт. Стало быть, он сделал это не ради Милославских, Софьи и Голицына. Судя по всему, у Алексея Михайловича и Марии Милославской был еще один сын, и этот сын был старообрядцем. Скорее всего царевича-старообрядца звали Михаилом: ведь кто-то же из сыновей Тишайшего должен был именоваться в честь деда, учитывая русские обычаи того времени. Старообрядческие предания и впрямь донесли нам имя царевича Михаила Алексеевича. На него-то, скорее всего, и ставил князь Хованский. Однако Милославские, вопреки расчетам Хованского, посадили на престол царевну Софью, а не Михаила, и приставили к ней Голицына, а Хованского убили. В лесной старообрядческий скит на берегу Светлояра, где согласно преданиям жил отшельником Михаил, послали стрельцов. И тогда Михаил принял старообрядческое «огненное крещение». Кстати, весьма интересно отметить и то, что князь Хованский повторил общую ошибку всех вождей консервативно-революционных движений (а старообрядческое повстанчество, несомненно, было именно таким). Этой ошибкой является доверие к обычному правому диктатору, который затем предает. В XX веке судьбу Хованского повторили самые выдающиеся консервативные революционеры Хосе Антонио Прима де Ривера и Корнелиу Зея Кодряну.

Первый стоял во главе Испанской Фалангидо тех пор, пока не попал в плен к республиканцам. А когда попал, Франко отказался его оттуда вызволить и республиканцы его расстреляли. А Корнелиу Зея Кодряну погиб в ходе преследований, которым его Железная Гвардия подверглась при Антонеску. Франко и Антонеску выступали именно в роли Милославских. Это были два предателя, которые погубили Консервативные Революции в Испании и Румынии подобно тому, как Милославские погубили древнерусскую Консервативную Революцию. И подобно тому, как для старообрядцев не было разницы между Софьей и Петром, для румынских гвардистов не было разницы между Антонеску и его демократическими предшественниками, а для испанских фалангистов — между Франко и республиканцами.

Однако, вернемся к расколу. Почему императрица Анна Иоанновна — воспитанница Милославских ненавидела старообрядцев? Не потому ли, что ее преследовал кровавый

призрак царевича Михаила? Если поэтому, то она просто не знала старообрядческих преданий, согласно которым душа царевича ушла в озерные воды Светлояра, и он стал царем Китеж-Града. На Алтае легенды о Китеже и Беловодье тесно переплелись. Здешние старообрядцы говорят, что царь Михаил не вернется из Беловодья до тех пор, пока миром правит Антихрист. А конец царству Антихриста согласно Библии может положить только Второе Пришествие Христово. То же самое гласят предания и про других исторических персонажей, которых старообрядцы считали царями Беловодья (Ермака Тимофеевича, Степана Разина и др.).

Кстати, выбор Разина и Ермака в данном случае неслучаен. Ермаку алтайская старообрядческая культура обязана самим фактом своего существования, ибо если бы Ермак не начал в XVI веке колонизацию Сибири, на Алтае не было бы не только старообрядцев, но и вообще русских. А восстание Степана Разина напрямую было связано со старообрядчеством: пока на Севере выдерживали осаду восставшие старообрядческие Соловки, с Юга ударило донское казачество под предводительством атамана Разина. Поскольку казачий Дон эпохи Разина, Булавина и Пугачева был местом прибежища всех обиженных, которые именно оттуда и шли бунтовать, а самыми обиженными были старообрядцы, то именно они выдвигались в атаманы. Неслучайно Пугачев был связан с черныбыльским согласом и заезжал туда перед восстанием. Не случайно Булавин величал себя воеводой китежского царя Михаила. Бунтарско-казачий Дон и ортодоксально-старообрядческие Соловки вкупе были тем, что Дугин называет *«клещами Консервативной Революции»*, когда ультраправое и ультралевое с двух сторон зажимают центр. Соловки и Дон действительно зажали Москву. В период, когда гражданская война бушевала и на Севере, и на юге, режим Алексея Михайловича был под угрозой свержения. К сожалению, ему удалось устоять. Однако, память о Разине, который фактически пришел на помощь соловецким монахам, старообрядчество сохранило светлую память о нем и потому Разин вошел в легенды о царях Беловодья.

Когда в 1937 году Китай захватили японцы, некоторые секты утверждали, что это потомки моряков Синь Фу вернулись из Пэньлая. А исповедующие бурханизм алтайцы⁷⁸ агитировали за переход под владычество Японии⁷⁹, ибо их древний царь — *«всадник на белом коне и в белой одежде»*, Хан Ойрот, земная ипостась Белого Бурхана, некогда

⁷⁸ Эту свою религию алтайцы называют «ак дьанг» или «сут дьанг» — «белой» или «молочной» верой, — в противопоставление «черной шаманской вере». См. работы А.В. Анохина: Бурханизм в Западном Алтае // Сибирские огни. 1927. № 5; Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л., 1924. С агитацией перейти под владычество Японии связаны местные репрессии 30-х годов, преобразование Ойротии в Горно-Алтайскую область в 1948 году и всеобщее осуждение белой веры алтайцев в СССР.

⁷⁹ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 403–404.

добровольно ушедший от своего народа за море, но обещавший вернуться, до сих пор жив и властвует как царь Японии и скоро появится на Алтае. «Япон-царь, Ойрот-царь», — зывали к нему алтайцы⁸⁰. Это говорит о том, что китайские и алтайские предания помещают Пэньлай и Беловодье в Японию. Опоньское Беловодское Царство...

⁸⁰ Мамет Л.П. Ойротия. Горно-Алтайск, 1994. С. 36.

Артания в древнееврейской повести об Александре Македонском

Введение

В ряде арабско-персидских исторических источников X века упоминаются три центра древних русов: Куяба (Киев), Славия (новгородские земли) и загадочная, недоступная путешественнику Артания или Арсания. Этимология и местонахождение третьего центра остаются до сегодняшнего дня загадкой. Сторонники северной гипотезы выдвигают предположения о связи этого названия с землями эрзян, древним Ростовом, изредка даже с мысом Аркона на острове Рюген, находящемся сегодня на территории Германии⁸¹. Южная гипотеза приближает легендарную Артанию к Хазарии и волжской Булгарии, к нынешнему Краснодарскому краю⁸².

Олег Фомин-Шахов, поэт, музыкант и исследователь эзотерических традиций, толкует легенду о загадочном древнерусском центре в своей работе «Священная Артания»⁸³ как обобщенный символ сакральной земли, сходный с легендами о невидимом граде Китеже, Беловодье и тибетской Шамбале.

Автор данного доклада обращает внимание, что название некоего города или страны, в точности соответствующее арабской Артании или Арсании, встречается в анонимном рукописном древнееврейском житии Александра Македонского, предположительно датированном XII веком. В докладе показано, что тезис Фомина о связи Артании со сказочными землями получает возможное подтверждение в этом средневековом источнике.

История рукописи

Первоисточником фантастических повествований о походах Александра Македонского считается неизвестный автор, называемый псевдо-Каллисфеном⁸⁴. Настоящий Каллисфен, родственник Аристотеля и прижизненный летописец царя, скончался в 327 году до н. э., и поэтому не мог писать о последующих событиях. Текст был написан не позже 338 года н. э., когда появился первый латинский перевод.

Начиная с IV века, разнообразные переводы и варианты сочинения псевдо-Каллисфена появились на коптском, эфиопском, византийском греческом, арабском, персидском, армянском, сирийском и других языках. Древнерусский роман «Александрия» встречается в пяти различных редакциях⁸⁵. Дополнительным источником древнееврейских

⁸¹ Paszkiewicz H. *The Making of the Russian Nation*. Westport: Greenwood Press, 1977. P. 156.

⁸² Вернадский Г.В. *Древняя Русь*. Тверь: ЛЕАН, 1996.

⁸³ Фомин О.В. *Священная Артания*. М.: Вече, 2005.

⁸⁴ Nawotka K. *The Alexander Romance by Ps.-Callisthenes: A Historical Commentary*. Leiden; Boston: Brill, 2017.

⁸⁵ Истрин В.М. *Александрия русских хронографов: Исследование и текст*. М.: в Унив. тип., 1893.

вариантов послужили талмудические легенды об Александре Великом, а также сочинения Иосифа Флавия. История походов великого греческого царя занимает значительное место в книге «Йосифон», написанной по мотивам Флавия. Изначальный вариант этой книги был написан, предположительно, неизвестным византийским евреем в X веке⁸⁶. Схожий текст, также приписываемый «Иосифу, сыну Гуриона» входит в ветхозаветный канон Эфиопской церкви. Мнение историков о том, что эфиопские христиане адаптировали этот средневековый иудейский текст, представляется автору этого доклада маловероятной. По моему мнению, вероятней адаптация более раннего неизвестного текста одновременно эфиопским и еврейским автором. История эфиопского «Йосифона» выходит за рамки доклада.

Еврейские повествования, связанные с походами Александра Македонского, можно включить в условную трилогию, состоящую из:

1. Так называемой «Книги Яшара», псевдоэпиграфической повести, посвященной истории человечества и древних евреев вплоть до эпохи библейской Книги Судей⁸⁷.
2. «Йосифона», в начальных главах опирающегося на «Книгу Яшара» или неизвестный прототип обеих книг.
3. Несколько малоизвестных рукописей, посвященных почти исключительно житию Александра, опирающихся на переизложения псевдо-Каллисфена, «Йосифон», Талмуд и арабско-мусульманские легенды.

Все тексты этой условной трилогии написаны на своеобразном языке, имитирующем библейский древнееврейский. Нас интересуют рукописи, именуемые «Толдот Александр» («Родословие Александра») и сохранившиеся в двух схожих вариантах, хранящихся в Национальной библиотеке Парижа (Ms. Heb. 671.5 Paris, далее ТАР) и Еврейском колледже Лондона (Ms. London, *Jew's College*, n. 145, далее ТАЛ). Сравнительный анализ обеих версий был проведен А. Берлинером во второй половине XIX века⁸⁸. Берлинер уделяет внимание, прежде всего, парижской рукописи, отмечая лишь самые существенные расхождения с лондонской. Достаточно подробное исследование ТАЛ было опубликовано, вместе с его полным текстом и английским переводом, бельгийским исследователем Ваутом ван Беккумом в 1992 году⁸⁹. Тот же автор опубликовал аналогичное исследование

⁸⁶ Dönitz S. *Historiography among Byzantine Jews: The case of Sefer Yosippon*. Leiden; Boston: Brill, 2012; Йосифон. Мантуя, 1474. Режим доступа: <https://hebrewbooks.org/22156>

⁸⁷ Книга Яшара / ред. Йосеф Дан. Иерусалим, 1986; Книга Яшара. Венеция, 1625. Режим доступа: <https://hebrewbooks.org/42359>

⁸⁸ Берлинер А. קובץ על יד (Сборник еврейских рукописей). Т. 2. Берлин, 1886. Режим доступа: <https://hebrewbooks.org/34789>

⁸⁹ Bekkum W.J. van. *A Hebrew Alexander Romance According to Ms. London, Jew's College, n 145*. Louvain: Peeters Press, 1992.

и перевод ТАР в 1994 году⁹⁰.

Из текста рукописей очевидно, что составители исходили из неизвестной рукописи на арабском языке, основанной, в свою очередь, большей частью на сочинении неаполитанского пресвитера Леона (*Historia Alexandri Magni de preliis*, X век). Арабский прототип содержал также заметное число персидских слов, сохранившихся в еврейской транскрипции.

Артания или Аркания?

Ниже приводится оригинальный отрывок лондонской⁹¹ [11, с. 116] и парижской рукописи⁹² [10, с. 26] с русским переводом. Речь идет о событиях после смерти Дария III и женитьбы Македонского на *Рушнан* (Роскане). Согласно исследуемому тексту, Роксана была дочерью Дария (что не соответствует историческим данным). ТАР и ТАЛ рукописи совершенно разным языком передают, что Александр затем послал письмо своей матери и своему учителю Аристотелю, в котором сообщает о победе над всей Персией и приказывает установить по этому поводу большой ежегодный праздник.

Македонский направляет возглавленные им персидские войска на новые завоевания. Название интересующей нас местности отмечено жирным шрифтом.

<p>ויהי אחרי כן ויצו את חיל פרס לצבא עמו ויצבאו עד ארכניה וילכדוה. ומשם עבר מקלאניץ, ומשם באריתיה, ומשם סאתיה.</p>	<p>ויהי אחרי כן צוה חיל פרס לצבוא ויצבאו על קרית ארתאניה ותבקע אליהם וישיבו אליו מס האורבנים והמקלאנים, ויסע משם אל קרית בארתיה, ומשם אל סיתיה וילכדם, לא שגבה ממנו.</p>
<p>(ТАР / Париж)</p>	<p>(ТАЛ / Лондон)</p>
<p>И было после сего: и приказал он войску персидскому воевать с ними, и пошли войной до Аркании, и захватили ее, и оттуда перешел в Макеланиц [из Макеланиц], и оттуда в Барифию, и оттуда в Сафию.</p>	<p>И было после сего: приказал он войску персидскому воевать, и пошли войной на град [страну] Артанию, и сдалась она им, и установили над нею дань урбанцев и макланцев, и отправился оттуда в град [страну] Барфию, а оттуда в Сифию, и захватили ее, не устояла перед ним.</p>

⁹⁰ Bekkum W.J. van. A Hebrew Alexander Romance According to MS Hébr. 671.5. Paris: Bibliotheque Nationale; Leiden: Brill, 1994.

⁹¹ Bekkum W.J. van. A Hebrew Alexander Romance According to Ms. London, Jew's College, n 145. P. 116.

⁹² Берлинер А. Указ. соч. С. 26.

Затем обе рукописи повествуют, различаясь лишь в некоторых деталях, как Александр отправился на восток (ТАЛ: «крайний восток»), где обнаружил страшное племя нечеловеческого вида, питающееся мышами и прочими зверями, насекомыми и гадами, поедающее собственных мертвецов. Вначале царь хотел его истребить (ТАЛ: «истребил некоторых из них»), но затем решил изгнать с «сей земли» (ТАЛ: «в самый южный предел»!), пока не изгнал до самого северного края земли между двумя горами. В ТАЛ эти горы названы Пронебтерос (פרונבתרוס) и Боранс (בוראנס), в ТАР — Перкатенхон (פרקתנחון) и Бораон (בוראון).

Тогда царь взмолился Богу, чтобы найти способ избавиться от страшных монстров, пока те не разрушили землю, и случилось чудо: горы сомкнулись, оставив лишь проем шириной в 12 миль (ТАР: 12 пядей). Он приказал залить этот проем «до самых вершин гор» особой смесью железа, меди и свинца, что неподвластна жару огня и удару молота. Так и обитает этот страшный народ в некоем запертом ущелье или подземелье, а залитый металлом проход именуется «заграждением Александра».

После этого повесть рассказывает о том, как царь посетил страну под названием Каспия. Ему она весьма приглянулась, однако местные жители предупредили, что в земле этой обитают огромные змеи. Всю ночь его воины воевали с великими драконами, «как человек со своим ближним». Возможно, автор нам хотел этой фразой сообщить, что драконы были разумными или человекообразными. После описания ряда событий в (кавказской) Албании и Каспии начинается длинный рассказ об индийском походе Александра.

Как мы видим, все события происходят в прикаспийском районе, в Парфии и Скифии, однако уже Берлинер отмечает, что таинственные горы — не что иное, как искаженное *promunctorium boreum* — Борецкий хребет, т. е. Урал⁹³. Ван Беккум приводит вариант *promuntorium*⁹⁴. Легенда о заточении Александром Македонским неких племен, часто ассоциируемых с Гогом и Магогом, в горах Северного Урала, известна русскому читателю из четвертой части «Повести временных лет», где упоминается нерушимый материал сунклит. Исследуемая нами рукопись, очевидно, сходится с 18-й сурой Корана, где утверждается, что великий «двурогий» царь Зуль-Карнайн, помолившись Аллаху, заточил дикие, бесчестные, почти бессловесные народы по названию Гог и Магог (Яджудж и Маджудж) до конца времен между двумя горами, заполнив проем расплавленным железом и медью или бронзой. Иногда слово قَطْرًا толкуется и как свинец, что в точности соответствует указанному в еврейской рукописи нерушимому составу. Комментаторы

⁹³ Берлинер А. Указ. соч. С. 66.

⁹⁴ Bekkum W.J. van. A Hebrew Alexander Romance According to Ms. London, Jew's College, n 145. P. 119.

Корана часто отождествляют Зуль-Карнайна с Александром (Искандером).

Автору данного доклада представляется весьма вероятным, что рецепт смеси связан с арабской алхимической литературой; средневековые металлурги знали, что в обычных условиях железо не смешивается в заметной мере с медью и свинцом. Стальные формы используются для отливки бронзовых и свинцовых изделий, не растворяя при этом сталь. Можно предположить, что, по мнению алхимиков, «философские», алхимические медь и свинец делают железо нерушимым, в отличие от обыкновенных мягких и хрупких медных сплавов. В латинских повествованиях нерушимый материал именуется *antichiton* – по-гречески «противопокрытие».

В античных и средневековых легендах врата Александра часто именуется Каспийскими (по-гречески Κάσπια πύλαι), и ассоциируются с прикаспийским регионом или Кавказом. Конкретные места установления врат указывают в Дербенте, Дарьяльском ущелье и в Горганской стене на северо-востоке Ирана, именуемой также валом Александра.

При сравнении обоих вариантов еврейской рукописи с латинскими сочинениями становится очевидным, что Артания или Аркания соответствуют Гиркании, исторической области вдоль юго-восточного берега Каспийского моря, большей частью входящей сегодня в иранскую провинцию Горган. Часть исторической Гиркании расположена сегодня на юго-западе Туркменистана. Древнеперсидское название Варкана, как и Горган на современном фарси, означает «страна волков».

Ван Беккум переводит «урбанцев и макланцев», без комментария, как гирканцев и «манглийцев» (*Hircanians and Manglians*)⁹⁵, что соответствует *Hircanos et Anglos* у Леона. Искажения здесь вполне типичны, в силу сходства еврейских букв. Однако, тогда непонятно, каким образом Македонский мог наложить «дань гирканцев и манглийцев» (монголов?) на саму же Гирканию?

Непонятно и явное орфографическое отличие Аркании в ТАР от «урканим» в той же самой фразе. По всей видимости, еврейский писатель не отождествлял захваченную землю или город с «Урканией» (или, в искаженном написании, «Урбанией»). Написание слова «Артания» в ТАЛ является при этом абсолютно точной иудео-арабской транскрипцией легендарной русской столицы из источников X века (ارتانية). Именно в это время, в X веке, среди иудейских жителей Аббасидского халифата распространяется единая традиция передачи арабских букв еврейскими, которая вскоре распространяется и по всей Европе, где в XII веке возникают крупные центры еврейских переводов с арабского – прежде всего, в Испании и южной Франции. Ван Беккум показывает, что не только первоначальный

⁹⁵ Ibid. P. 117.

вариант рассматриваемых нами манускриптов, но и их арабский первоисточник были созданы в Западной Европе.

Арабские буквы ت и ث одинаково передаются еврейской буквой ל, которая как у ашкеназских, так и у иранских евреев может означать «т» или «с». В случае неоднозначности может использоваться диакритический знак дагеш. Следует заметить, что по той же причине, под персидским индоевропейским влиянием, в арабских заимствованиях мусульманских народов России и Средней Азии исчезает ряд семитских фонем, а легендарный центр древней Руси читается однозначно как Арсания.

Еврейские варианты повествований об Александре Македонском пока еще мало исследованы. TAL и TAP заметно отличаются друг от друга и могут быть либо редакциями более ранней еврейской рукописи, либо независимыми парафразированными переводами. Тем не менее, TAL представляется в целом более подробным и точным. Мне, как профессиональному переводчику еврейских текстов, прямое превращение Аркании в Артанию представляется маловероятным в силу значительных различий между как еврейскими, так и арабскими буквами. Гораздо легче представить себе, что переписчик «исправил» неведомую ему Артанию на более привычную для европейца Арканию (от латинского *arsanum*).

Складывается впечатление, что еврейский автор или его арабский предшественник намеренно перемешивает арабскую и европейскую версию легенды об изгнании Гога и Магога (в нашей рукописи не упомянутых ни по имени, ни в будущем апокалиптическом ключе), совмещая район Каспия с крайним севером, а историю – с мифом. Нельзя исключать и знакомство автора с иранской мифологией. В частности, согласно зороастрийской традиции, в горе Демавенд, расположенной неподалеку от каспийских берегов и исторической Гиркании, прикован цепью упоминаемый в Авесте трехглавый дракон Ажи-Дахака или змеиный царь Заххак, сын самого прародителя зла Ахримана. Как и легендарные Гог и Магог, Ажи-Дахака, по легенде, выйдет из заключения в конце времен.

Польский филолог Александра Кленчар уже отметила, что оба варианта рассматриваемого нами еврейского повествования об Александре помещают Гирканию, вместе с другими окрестными местностями, «прочно на территорию волшебной сказки», подключая «экзотический, странный и неожиданный» сюжет о побиении монстров и изгнании их на край света⁹⁶. С некоторой натяжкой можно даже предположить, что составитель парижской рукописи намеренно назвал одну из упомянутых стран Арканией — «арканной», сказочной землей.

⁹⁶ Kłęczar A. The Gate of Alexander in Hebrew Alexander Romances // *Classica Cracoviensia*. Вып. XIX. 2016. С. 101.

Каспийская версия?

Если предположить, что TAL отражает один из арабских источников, сообщающих об Артании, южная версия ее местонахождения находит неожиданное подтверждение. Различные работы арабско-персидских историков и географов имели хождение в мусульманской Испании и были известны хорошо арабоязычным европейским евреям, о чем свидетельствует обильный исламско-арабский материал в «Книге Яшара» и «Йосифоне». К XII веку западноевропейский еврейский автор вполне мог узнать хотя бы само название Артании.

Любопытны и другие связи прикаспийского района с легендами и таинственных землях, порой напоминающих как скрытый от непосвященных земной рай каббалистов или Данте, так и Мордор Толкиена. Спящий вулкан Демавенд – не только обиталище закованного в цепи адского дракона, но и «крыша мира», символ независимости Ирана от легендарного враждебного Турана. Демавенд входит в горную цепь Эльбурс, где, по зороастрийской легенде, обитает со своими соратниками бессмертный Пашутан, современник Заратустры и будущий помощник мессии Саошьянта. Наконец, некоторые шиитские авторы сообщают, что в Каспийском мире расположен и легендарный зеленый остров, где обитает имам Махди, шиитский мессия, таинственно ушедший в 941 году в «иное измерение». Любопытно, что средневековые арабские авторы сообщают также о таинственном каспийском «острове русов», которые некоторые историки пытаются связать с Артанией.

Аналогичные и, вероятно, исторически связанные с Ираном легенды известны и на северных берегах Каспия. По одной из версий, зафиксированной в XVII веке, город Астрахань получил свое название от дракона Ажи-Дахака или Аждерха, побежденного смелым джигитом. Поэтому было решено назвать город в честь дракона – Аждерхан (Драконий)⁹⁷.

Берега Каспия связывают также с легендарным Беловодьем. Часть русских староверов считала, что тысячелетнее царство Христа будет создано где-то в районе Каспийского моря. У «бегунов» была популярная пословица: «Коль захочешь в камыши, так паспорта не пиши, а захочешь в Разгуляй, и билет не выправляй»⁹⁸. Разгуляем в народе именовалась Астрахань. В XIX веке между крестьянами Нижегородской и других приволжских губерний ходила утопическая легенда о реке Дарье с кисельными берегами⁹⁹. «Дарья» на фарси означает «море».

⁹⁷ Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Астрахань: ООО Типография «Новая», 2009. С. 22.

⁹⁸ Чистов К.В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Выпуск 35. 1962. С. 116.

⁹⁹ Кобко В. Беловодье: страна древнего благочестия. Режим доступа: <http://www.slovoart.ru/node/1735>

Нельзя исключать, на мой взгляд, не русский, но иранский вариант Артании. Из-за заметного культурного и даже языкового сходства славянских и иранских народов путешественники могли принять за славян, к примеру, асов – потомков алан и предков нынешних осетин. Горганская стена, впоследствии приписанная Александру Македонскому, была выстроена Сасанидами именно для защиты от аланских нападений. И эта Артания в представлении древних арабских географов могла изначально полагаться сказочной, ассоциироваться с «тайноземными» сюжетами иранского и прикаспийского фольклора.

Заключение

К сожалению, пока не будет обнаружен прямой предшественник рассмотренной нами рукописи, о возможной траектории заимствований и искажений топонимов можно рассуждать лишь гипотетически. Тем не менее, даже если Артания появилась здесь всего лишь по принципу «испорченного телефона», не имея отношения к истории древней Руси, лишь как искажение Гиркании переводчиками и переписчиками, она замечательно вписывается в мифопоэтический проект Олега Фомина-Шахова.

Словно бы ниоткуда возникает перед нами эта страна в контексте волшебной истории и географии, где греческий царь изгоняет «орков» в подземелье на краю света, закрыв «портал» алхимическим составом, на берегу Каспийского моря живут драконы, а дальше к востоку обитают гномы, вещи птицы и говорящие деревья.

Примечательно, что в работе Фомина многократно упоминаются каспийский берег и древний Иран. Владимир Микушевич в предисловии к «Священной Артании» предлагает добавить и слово «Аркиания»!

Нелишним будет вспомнить и то, что сказания о походах Александра Македонского вызывали живой интерес у русских поэтов Серебряного века. Михаил Кузмин посвятил этой теме сказочную повесть «Подвиги великого Александра», впечатлившую Кафку¹⁰⁰. В культуроведческом и литературном плане изучение «странных» деталей малоизвестных манускриптов не менее познавательно и ценно (вспомним бестиарий Борхеса!), чем привычное современному человеку «линейное» изложение материальной истории.

¹⁰⁰ Кафка Ф. Дневники. Режим доступа: http://www.vehi.net/kafka/dnevnik.html#_ftnref6

Изгнанник страны Гуррикапа, или об Урфине Джюсе замолвите слово

130-летию со дня рождения писателя А.М. Волкова посвящается...

Психологическая составляющая русской литературы разрабатывалась довольно плотно, начиная с XIX века. Русские писатели не избежали рассмотрения психологического явления демонизма, и некоторые из них даже разрабатывали в своих произведениях целые сценарии преобразования демонизма в человечность. Такой темой с наибольшим размахом занимались Н.В. Гоголь в многотомной прозаической поэме «Мёртвые души», повествуя о «рыцаре копейки» Чичикове, и тандем «Ильф и Петров» в дилогии романов о «великом комбинаторе»¹⁰¹. Однако в силу препятствий цензоров, которым была не нужна и опасна правда о преобразении демонизма в человечность, только в конце 20 века и в начале 21 века были изданы полностью их реконструкции¹⁰² в том виде, в каком хотели видеть их авторы¹⁰³. Но кроме этих произведений в русской литературе обозначается аналогичный по сюжету цикл сказочного характера, выросший на почве заимствованного сюжета. Его не коснулись запреты цензоров, потому что для них он выглядел безобидной сказкой. Но, как писал английский писатель Клайв Льюис в посвящении к роману «Лев, колдунья и волшебный шкаф» из цикла «Хроники Нарнии» своей крестнице, *«когда-нибудь ты станешь достаточно взрослым, чтобы вновь начать читать сказки»*.

Первая книга цикла А.М. Волкова о Волшебной Стране «Волшебник Изумрудного города» создавалась по мотивам «Волшебника Страны Оз» Френка Баума. Однако с каждой книгой история Волшебной Страны всё более и более приобретает самостоятельный сюжет. Если у Баума Дороти движется с Востока на Запад (по направлению американской экспансии), то у Волкова Элли идёт с Запада на Восток (как шли российские первопроходцы) в Зелёную страну. На картах Российской империи Россию изображали зелёной, а прочих цветов было мало: показаны были в цвете в основном крупнейшие европейские и азиатские державы¹⁰⁴. И Волшебная Страна у Волкова – это проекция части нашего мира на отдельную вторичную реальность, центром которого оказывается, как ни странно, Россия. А точнее, она – это проекция Евразии в отдельную вторичную реальность, так как пустынных земель Африки в Волшебной Стране практически нет, да и окружена

¹⁰¹ См. статью Т.С.Афанасьевой «Интеграция архетипов плута и демона в образе Остапа Бендера» (<https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-arhetipov-pluta-i-demona-v-obraze-ostapa-bendera>).

¹⁰² Попытку сделать реконструкцию второго и третьего тома «Мёртвых душ» Гоголя предпринял писатель и этнограф Юрий Авакян, и он получил если и не идентичный, то хотя бы близкий к замыслу Гоголя результат.

¹⁰³ См. издания романов Ильфа и Петрова литературоведов Михаила Одесского и Давида Фельдмана.

¹⁰⁴ См. статью М.А. Сухановой «Карта мира как картина мира» (<http://anthropology.ru/ru/text/suhanova-ma/karta-mira-kak-kartina-mira-konec-geografii>).

Волшебная Страна Гибельными Песками. Кто же тогда антагонист Волшебной Страны, Урфин Джюс?

Перед нами нередко бросается в глаза двусмысленность англоязычных имён персонажей Волкова «В обратном переводе» на английский оно может значить, между прочим, «добрая надежда» («good ween»), а может и что-нибудь вроде «добрый прохвост» или даже «хорошая сволочь» («good weenie»), - комментирует имя «волшебника» Изумрудного города литературовед М.С. Петровский в статье «Правда и иллюзии Страны Оз». Теперь посмотрим и на имя Джюса. Волков в его имени «Урфан» поменял одну букву, и оно, созвучное английскому «orphan» (сирота), превратилось в «Урфин». Далее он наделяет его фамилией Джюс и поясняет, что оно значит «завистливый». Но Волков был полиглот и изучал английский, и потому, как и в случае с Гудвином, он вкладывал несколько смыслов в одни и те же имена собственные, обрубая в какой-то их части конец. Поэтому имя Урфина Джюса можно прочесть и как «осиротелый завистливый» («orphan jealous»), и как «завистливый волчонок» («Ulfin¹⁰⁵ jealous»). Есть ещё одна, добавочная трактовка имени Джюса, которая тоже имеет право на существование. Имя ключевого антагониста Волшебной Страны также переводится неожиданно как... «осиротелые евреи» («orphanJews»). Мы можем увидеть такое созвучие, которое сперва может показаться надуманным и просто совпадением.

Вместе с тем нам известно, что продолжение задумывалось вместе с переизданием «Волшебника Изумрудного города» зимой 1958 года¹⁰⁶. Волков мог бы и вполне ограничиться «Волшебником Изумрудного города», отказавшись от продолжений историй о Волшебной Стране. И тем не менее, всё произошло иначе. Поэтому, рассматривая также трактовку имени Урфина Джюса как «осиротелых евреев», можно выдвинуть смелое предположение о том, кто был его прототипом.

А таковым был не кто иной, как... Остап Бендер Ильфа и Петрова. Почему так? Оба персонажа, движимые мотивами обогащения и зависти, стремятся к наживе в разной форме, и что характерно, прилагаемые к их наживе мечтания связаны с городами-идеалами: Бендер мечтает обогатиться и уехать за границу в Рио-де-Жанейро, Урфин Джюс – захватить власть в Изумрудном городе, в котором когда-то побывал в молодости и проникся от него незабываемым для себя впечатлением. Обоим присуща хитрость, сила воли, каковую они используют не единожды ради достижения своих целей, корыстолюбие и алчность, что предопределяет и их способы достижения, и характер их целей (что как раз описывает

¹⁰⁵<https://www.behindthename.com/name/ulfin/submitted>

¹⁰⁶См. монографию Т.В. Галкиной «Незнакомый Александр Волков в воспоминаниях, письмах и документах» (<https://archive.org/details/galkina-t-v-neznakomy-alexandr-volkov-2006>).

исчерпывающе наличие личностного демонизма). Оба также бродяги-скитальцы, неоднократно терпящие фиаско в попытках осуществления своих вожделий. Оба персонажа обретают на некоторое время компаньонов, которых со временем теряют. И наконец, вернувшись к толкованию имени Урфина Джюса как «осиротелых евреев», мы убеждаемся в наличии такой аналогии и в происхождении Остапа Бендера. Причём нужно сказать, что Ильф и Петров его не особо стремились скрывать в романах о «великом комбинаторе».

Можно предположить и мотивы наделения антагониста Волшебной Страны чертами Остапа Бендера. Вполне возможно, что А.М. Волков, который следил за тем, что происходило в писательских и издательских кругах в течении двадцати лет после издания «Волшебника Изумрудного города», был хорошо знаком с романами Ильфа и Петрова о «великом комбинаторе». Вероятно, что он знал и о неоднократном запрете их изданий, которые, как мы знаем, были укорочены в угоду цензуре. И вполне понятно, что его мог не устроить в душе изданный драматичный финал «Золотого телёнка», в котором Бендер теряет всё – даже девушку, которую он когда-то отверг. И потому-то писатель решил создать аналогичного Бендеру персонажа, связанного с волшебством чисто случайно. Получается странный парадокс: персонаж с чертами Остапа Бендера пытается захватить власть в Волшебной Стране, которая является иносказательным образом Евразии. И этому способствует странный оживляющий порошок из колючего сорняка. Надо сказать, что Волков намеренно умалчивает о происхождении семян растения¹⁰⁷. Но чтобы разобраться в том, какое иносказание могло быть заложено здесь, необходимо сделать экскурс в историю создания европейских идеологий.

В XIX веке Россия и Запад находились в одном информационном поле. Тому способствовали как торгово-экономические связи, так и увлечение привилегированными слоями общества культурными связями. Им предшествовало Смутное время и его длительные последствия в виде бунтов, крестьянской войны Степана Разина и продвижение никонианства-новообрядчества¹⁰⁸. Но даже в XVIII и XIX веках, несмотря на увлечение привилегированными слоями общества культурными связями Запада, для кураторов и исполнителей колониальной и неоколониальной политик Запада Россия по-прежнему оставалась глухой периферией, обладающей огромными ресурсами, которую следовало поставить под более жёсткий контроль. Неудачная экспансия Наполеона в Россию 1812

¹⁰⁷В книгах Фрэнка Баума живительный порошок был создан Доктором Пиптом-Кривым магом по сложному рецепту.

¹⁰⁸См. статью историка А.В. Пыжикова «Киевские корни московского раскола» <https://web.archive.org/web/20180707191911/https://profile.ru/obsch/item/126132-kievskie-korni-moskovskogo-raskola>) и монографию С.А. Зеньковского «Русское старообрядчество» (в 2-х т.).

года явственно показала, что военным путём достичь этой цели невозможно, и потому в ход пошло создание ложной идеологии, которой можно было увлечь все общественные слои населения. Такой идеологией стал... утопичный социализм. Ещё с XVI века утопический социализм (он же коммунизм) являлся уделом утопичных мечтаний привилегированных слоёв общества Запада¹⁰⁹. Он продолжал оставаться в таком виде и в XIX веке. В России в это время была попытка грезить об этом и даже реализовать утопичный социализм, чему свидетельством является повесть масона-дворянина М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую», ставшая руководством к действию по созданию военных поселений А.А. Аракчеева при Александре Первом и потерпевшая со временем неудачу.

Но уже в тот момент времени за рубежом на Западе под коммунизм уже готовили сборку идей философии и политэкономии. Проблема заключалась в том, что сборка идей философии и политэкономии осуществлялась в пределах культурного влияния масонства, ставшего в XIX веке распространителем «окна Овертона» демонизма¹¹⁰ и породившего в лице своего философа Гегеля¹¹¹ ложную гегельянскую логику, отрицающую творческий потенциал, интуицию¹¹² и совесть. Она её кураторам была удобна хотя бы потому, что позволяла не акцентировать внимание на противоречиях конфессиональных христианских канонов¹¹³, предоставив философскую форму заблуждений, которые сами состояли из

¹⁰⁹См. статью Ф.А. Селезнева «Коммунизм: призрак, забредший с Запада»(http://www.moskvam.ru/publications/publication_924.html).

¹¹⁰ «Благородство и добросердечие масона сосредоточены на абстрактном человеке, моделью которого становится обычно сам благодетель, но к реально живущим людям и обществу, которые являются «низкорожденным быдлом» и только мешают достижению благородных целей, масон безразличен, а чаще суров или даже жесток» (В. Н. Еремин «Тайны смерти русских писателей» «Глава 3. Кондратий Рылеев, или Казнить нельзя помиловать (1795—1826)» (<https://www.proza.ru/2013/05/08/738>)).

¹¹¹ См. статьи «Гегель между масонской ложей и прусской монархией» Жака д'Онта (<https://istp2012.livejournal.com/22486.html>) и «Знакомый Гегель с незнакомой биографией» Андрея Тесли (<http://www.russ.ru/pole/Znakomyj-Gegel-s-neznakomoj-biografiej>).

¹¹² «Окончательной формулировкой различия между воображением и фантазией мы обязаны Гегелю. По его мнению, и воображение, и фантазия суть свойства ума, но ум, наделенный воображением, просто воспроизводит, а ум, наделенный фантазией, творит. В таком, начисто поделенном виде эти два понятия заняли свое место на иерархической лестнице и стали исправно служить оправданием чуть ли не расового, физиологического деления людей» (Джанни Родари «Грамматика фантазии»).

¹¹³См. цитату из книги немецкого историка христианства и одного из инициаторов движения старокатоликов Игнаца фон Дёллингера (1799 – 1890) «История гностико-манихейских сект в раннем средневековье» (<https://search.rsl.ru/ru/record/01004450958>) о различии между Ветхим и Новым Заветом, переведённую историком Л.Н. Гумилёвым в эссе «Зигзаг истории»: «Первый позволяет евреям ростовничество (т. е. капитализм), а второй запрещает присваивать не заработанные деньги (военная добыча в то время рассматривалась как оплата доблести риска). В Ветхом Завете – облако темное и огненный смерч, в Новом – неприступный свет. Ветхий Завет запрещает касаться ковчега Завета и даже приближаться к нему, т.е. принципы религии – тайна для массы верующих, в Новом Завете – призыв к себе всех».

противоречий и, что самое худшее, её обосновывали и представляли¹¹⁴ как спасительное общественное средство. Причём гегельянство после смерти своего создателя было расколото на правую идеалистическую и левую материалистическую ветви, к последней из которых принадлежали Маркс и Энгельс и из которой появился материалистический атеизм.

Проблемы генезиса марксизма не замедлили сказаться в дальнейшем: приверженность гегельянству Маркса в меньшей степени и Энгельса в большей степени, благодаря которой было отвергнуто последним в итоге обоснование экономического понятия энергостандарта, описанное в статье экономиста-естествоиспытателя С.А. Подолинского «Труд человека и его отношение к распределению энергии» и предложенное им самим, практически свела на нет всякую возможность для развития экономической науки в рамках марксизма. Несмотря на то, что царское правительство наложило запрет на распространение марксизма, оно и консервативные политики того времени не увидели опасность в гегельянстве, которое породило марксизм, и вопрос о критичности наличия альтернативы ему и марксизму для них не стоял, как и вопросы кадрово-образовательной государственной политики, из-за чего впоследствии социальная катастрофа крушения Российской империи оказалась неминуемой. Само же правое гегельянство в XX веке отметилось статьями философа и публициста И.А. Ильина, автора монографии «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918) и сторонника фашизма, о чём свидетельствует его красноречивая статья «О русском фашизме», и утверждением фашизма в Германии: показательно, что за три года до утверждения власти нацистов в Германии там создаётся «Гегельбунд» в 1930 году — так называемое международное объединение гегельянцев, причём многие положения гегелевских штудий легли в основу идеологии немецкого фашизма. Соответственно, можно смело утверждать, что гегельянство фактически стравило между собой Германию и Россию во Второй мировой войне и подготовило гражданские войны во всём мире. Оно, став костяком для фашизма и марксизма в двадцатом веке и являясь, по меткому выражению философа М.К. Петрова, «знаковым фетишизмом», экстраполировавшим абстракции естественных наук на социологические, оставалось вне критики благодаря своему официальному статусу, а его оппоненты умалчивались¹¹⁵.

¹¹⁴ «В «Науке логики» (1816) Гегель научно обосновал и закрепил относительность полярных ранее понятий. Закон о необходимости, неустранимости и неизбежности их взаимопревращений (“единство-и-борьба-противоположностей”) поставил окончательный крест на метафизике. <...> “Такой пустоте, как добро ради добра, вообще нет места в живой деятельности” - его приговор» (Л.А. Романчук «Демонизм. Зверь апокалипсиса (мифы, версии, реалии)»).

¹¹⁵ О критике гегельянства см. статью философа-богослова А.С. Хомякова «Мнение русских об иностранцах», сборник статей философа М.К. Петрова «Судьба философа в интерьере эпохи»

Противоречия в марксизме породили большевизм, тяготеющий к русской культуре, и троцкизм, тяготеющий к экспорту мировой революции, соответственно. Так как, несмотря на временную победу большевизма в 1929 году с высылкой Троцкого за границу, положения марксизма тоже, как и гегельянства, оставались в официозе и не подвергались какой-либо официальной критике (за исключением фигурировавшей в «Экономических проблемах социализма в СССР» И.В. Сталина, да и то никогда не рассматривавшейся до конца существования СССР после его смерти из-за политических кампаний по очернению его политики), деградация государственности СССР и дальнейший этап превращения России в криптоколонию Запада с его апогеем в 1990-х годах в этих условиях оставался лишь вопросом времени. Чем тогда являлся виносказание Волкова порошок из иноземного оживляющего сорняка, попавший в руки Урфина Джюса? Он является иносказательным образом философско-идеологического «посева» инструментария закабаления общества, каковым было гегельянство и в правом, и в левом видах. Ожившие деревянные солдаты — это люди, оболваненные «посевом». А Урфин Джюс — это диктатор-носитель личностного демонизма, воспользовавшийся выгодой от «посева». В Германии от правого гегельянства таковым стал Гитлер, в России таковым от левого гегельянства мог стать Троцкий при условии прихода к власти.

В итоге Джюс выигрывает свою войну, а его деревянные сообщники добывают ему господство над Зелёной страной. Далее писатель описывает жизнь в Зелёной стране под властью Джюса. Сам Джюс стал богат и всевластен, но по-прежнему несчастлив, боится всего, не доверяет своим солдатам, чувствует ненависть местного населения. Тогда он создаёт и своих деревянных шпионов, назначает своих приближённых, провозглашает себя монархом (первоначально Волков даже издал отрывок «Президент или король» с изложением демократического перехода к его монархии¹¹⁶). Осмысляет Волков и коллективную вину общества в установлении власти Джюса над Зелёной страной, делает наблюдение за разворовыванием накопленных поколениями богатств. Но важное послание зашифровано и в описании сподвижников Урфина Джюса.

Это, к примеру, деревянный клоун Линг (видимо, от английского слова «link» («связь»), или от латыни («lingua» — «язык»)). Он, несомненно, изображает журналистику Джюса. Он исторически является первым солдатом Джюса, именно на нем он отработывает свои приемы управления людьми. Пусть у него нет пальцев, и он не может держать саблю — зато он дал Джюсу необходимый опыт управления. Но главное же его назначение —

(<https://www.klex.ru/oed>) и статью В.П. Гриценко «М.К. Петров и конец немецкой классической философии» (<https://cyberleninka.ru/article/n/m-k-petrov-i-konets-nemetskoj-klassicheskoy-filosofii/viewer>).

¹¹⁶<https://vladmama.ru/forum/viewtopic.php?p=18846243#p18846243>

налаживать связь между Урфином Джюсом и сочувствующими Джюсу элементами в осажденной Джюсом стране. Именно Линг посылается лазутчиком в Изумрудный Город, и там он находит изменника в виде всем недовольного Руфа Билана. В духе времени, полагавшегося в деле установления власти более на дуболомов, клоун в «Урфине Джюсе» – фигура не основная. Тем не менее, характер, приемы, назначение либеральной журналистики весьма точно отражены в фигуре деревянного злого клоуна, у которого руки заканчиваются кулаками без пальцев. Другой важной фигурой является Руф Билан – вечно всем недовольный либеральный интеллигент, с готовностью идущий в услужение к Джюсу. Именно в нём находит деревянный клоун изменника, недовольного существующим государственным строем и готового открыть ворота Джюсу. И опять, даже внешнее сходство в иллюстрациях поразительно – это вылитый Мальчиш-Плохиш из сказки Аркадия Голикова (Гайдара) про Мальчиша-Кибальчиша.

Ключевой, хотя и туманной фигурой в книге является Мудрый Филин. Как изображает дело Волков, Джюс не слишком силен в волшебстве, и во всех трудных случаях ему подсказывает Филин, воспитанник злой волшебницы Гингема. Филин хорошо осведомлен о «чудесах»живительных сорняков. Трудно сказать, что именно имел в виду Волков под филином, но некоторые черты очень характерны для масонства. В частности, на это указывает то, что Филин постоянно настаивает на том, чтобы Урфин Джюс соблюдал определенные таинственные ритуалы. Обряды эти, однако, кажутся Джюсу нелепыми и обременительными, и он соблюдает их только постольку, поскольку нуждается в помощи Филина. Заметим, что по мере развития сюжета Джюс начинает играть всё более самостоятельную роль. В целом отношения между Урфином Джюсом и Филином могли быть скопированы с той среды, которая скрывалась за масонскими регламентами.

Но как же видит Волков будущее избавление Зелёной страны от власти Джюса? Избавление видится ему в комбинировании усилий зарубежья, восстания опомнившихся жителей внутри страны и – что немаловажно – в переделке дуболомов, которым свирепые рожи перерисовывают на весёлые лица. Вернувшуюся в Волшебную Страну девочку Элли, которая помогает изгнать Джюса, сопровождает моряк Чарли Блэк с его сухопутным кораблём. Немало важно отметить, что имя моряка Чарли Блэк расшифровывается как... Карл Маркс: «Мавр» (по-гречески «черный») было домашним детским прозвищем Маркса, имя «Чарли» – английская транскрипция имени «Карл». Но это была уловка Волкова сделать положительного героя тёзкой левого гегельянца, направленная на милость цензоров-издателей. К тому же цензоры ясно представляли себе аналогию Джюса и его деревянных сообщников с немецкими фашистами, и потому у них вопросов не возникло по книге даже насчёт имени «великого комбинатора» Волшебной Страны. Между тем, Чарли

Блэк обозначает не идеологию, а конкретно Сталина, который фанатиком марксизма не был, как это известно из его статьи «Экономические проблемы социализма в СССР» 1952 года, ответом на вопросы которой оказывается статья С.А. Подолинского об экономическом энергостандарте.

«Урфин Джюс», несомненно, лучшая книга сказочной серии Волкова. Всё, что описано там, про нашу историю. «Урфин Джюс» во многом отражает видение событий 20 века человеком, выросшим в России дореволюционной в семье со старообрядческими корнями. Некоторые вещи, которые нам кажутся обыденными и понятными, представляются новыми и отвратительными человеку «прежних времён» и фиксируются как ужасы правления Джюса. Волков с поразительной художественной силой отразил своё видение гегельянских изуверств как прихода к власти носителей личностного демонизма, а также того, что они делали в Зелёной стране (да и в Германии тоже). Уловки в связи с переизданием «Волшебника Изумрудного города» и его продолжением усыпили бдительность цензоров, и когда новое переиздание вышло, оно только подлило масла в огонь популярности сказки, и писатель стал получать письма с просьбами написать, что же дальше случилось в Волшебной стране. Писатель стал в точности повторять литературный путь своего англоязычного коллеги Баума и, вняв просьбам, стал писать дальше историю Волшебной Страны.

В 1967 году он, отходя от иносказательности, описал историю, связанную с бегством сообщника Джюса Руфа Билана в страну Подземных Рудокопов, и назвал её «Семь подземных королей». Однако, ведя вновь речь об Урфине Джюсе, в «Огненном боге марранов» автор описывает, как он захватывает иное общество – Страну прыгунов, называемых... марранами. Исторически марранами называли крещёных евреев в Испании. Но под марранами в книге понимается, по-видимому, западное общество вообще. Джюс при помощи ловких трюков овладевает их умами и строит типичное капиталистическое общество (как это виделось Н.Н. Носову в 1960-х годах в «Незнайке на Луне»). Общество марранов расслоилось, и простолюдины стали страдать под гнётом Джюса и местной знати. Он направляет их недовольство своим тяжелым положением на соседние страны, захватывает их и устанавливает там свои порядки. Но когда они пошли в очередной поход на соседей, то увидели их игру в волейбол и тут же поняли, как обманул их Джюс. Война исчезает под влиянием плоскости спортивных соревнований, и Джюс терпит поражение – на этот раз идейное.

Описание Волкова общества Запада как управляемого Джюсом в противоположность управляемой народом Зелёной стране, по-видимому, связана с событиями помощи Запада (марранов) Джюсу и поддержкой Зелёной страны

противостоящих ему сил. Исход борьбы Зелёная страна/марраны виделся Волкову в ключе сказки Родари о Джельсомино – в изгнании марранами Джюса (как до того его выгнали из Зелёной страны) и в вечном мире. Интересно, что сами по себе марраны вызывают у Волкова скорее симпатию, как обманутые Джюсом, но хорошие люди. Путём объяснений и общения можно объяснить им всю ложь, которую несёт им Джюс и его сообщники, и тогда они придут к правильному заключению. А он тогда снова побежит, как побежал прочь в сказке Джанни Родари после крушения своего дворца пират Джакомон от голоса Джельсомино – голоса правды. Так Волков сначала (в «Деревянных солдатах») описывает общество, контролируемое Джюсом, а впоследствии (в «Марранах») противостоящее ему. Что, конечно, отражает наблюдения Волкова на протяжении его жизни за эволюцией современности¹¹⁷.

Также писатель обозревает, как Джюс фактически приходит к искреннему покаянию. Предварительно он раздавлен и унижен, его карикатурная внешность стала ещё более отталкивающей. Волков, тем не менее, определяет, что после освобождения от его ига жители Волшебной Страны должны при определенных условиях простить Джюса за два вторжения – во главе с дуболомами в XX веке и во главе с прыгунами впоследствии в XXI веке (западные либеральные ценности, продвигаемые Джюсом через захваченных им марранов). Вот условия, после выполнения которых такое примирение, с точки зрения Волкова, возможно: носители личностного демонизма должны переосмыслить своё прошлое, пересмотреть свои поступки, которые причинили зло, вернуться к труду и главное – делом продемонстрировать отказ от участия в новых кровавых социальных экспериментах. Следовательно, носители личностного демонизма должны искоренить в себе самую жажду к деструктивной деятельности, сопряженной, как хорошо знал Волков, с кровью, слезами и страданиями, и стать настоящими людьми. И постепенно Урфин Джюс становится полноправным обитателем Волшебной Страны, вовлекаясь в борьбу с новыми нашествиями на неё и нравственно преображаясь. При этом следует отметить, что если это видится Волкову возможным, то аналогичный процесс с либеральной интеллигенцией, олицетворяемой Руфом Биланом, Волкову представляется недостижимым. Руф Билан охотно идёт на сотрудничество с великаншей-колдуньей Арахной и, влекомый глупостью и тщеславием, совершает новое предательство. А после победы над ней его усыпляют сонной водой Подземных Рудокопов и окончательно перевоспитывают.

¹¹⁷ Стоит отметить, что раз Зелёная страна может ассоциироваться с Россией, тогда марраны-прыгуны оказываются ещё и на месте украинизированных малоруссов с лозунгом бандеровских майданов «Кто не скачет, тот москаль». Комментарии о том, кто является Урфином Джюсом бандеровских майданов, излишни.

В последних книгах о Волшебной Стране Волков рассматривает новые нависшие, но преодолеваемые ею опасности, а иносказание исчезает окончательно из описываемой им истории В «Жёлтом тумане» появляется волшебная угроза – проспавшая по воле Гуррикапа и сбежавшая от матери великанша-колдунья Арахна с её гномами и Жёлтым Туманом (гибридом климатического и химического оружия), списанная с колдуньи Джадис «Хроник Нарнии» Клайва Льюиса. «Тайна заброшенного замка» явно навеяна общей тягой писателей СССР к научной фантастике под влиянием творчества И.А. Ефремова и интереса к НЛО, но даже здесь Волков оказался новатором – сопротивление Волшебной Страны инопланетному вторжению и их инициаторам выглядит как предшественник фильма «Аватар» Джеймса Кэмерона.

Как видно со страниц сказочного цикла Волкова о Волшебной Стране, возникнув из пересказа иноязычной сказки, первой в её цикле, он перерос изначальный замысел, захватывая влияние современности. Вместе с тем несмотря его популярность, прочие произведения Волкова и его архив остаются неизвестными широкому кругу читателя, и они ожидают своего часа, чтобы добрые руки издателей смогли их подготовить к печати для широкого круга читателей. И никому не поздно попробовать их открыть и снова прочесть историю Волшебной Страны, возвратившись оттуда и проделав то же самое, что сделал Урфин Джюс, увидев вновь колючие живительные сорняки. И внять совету Клайва Льюиса стать по-настоящему взрослыми, начав вновь читать сказки, узнавая себя в их зеркале, подобно королевской чете у вод Урдар – страны гофманиады, и нравственно преобразившись.

Последнее интервью Олега Фомина газете «Завтра»¹¹⁸

Вопросы задавал Алексей Изуверов

25 октября после продолжительной болезни умер Олег Фомин-Шахов — основатель и лидер фолк-группы «Злыдота», мистик, поэт, философ, футуролог, доказавший себе и другим: возвращение к истокам национальной идентичности — не догма, но средство самопознания и строительства будущего.

В 90-х пытливым юношей изучал историю религий и алхимию, издавал альманах «Бронзовый Век». В начале нулевых открыл прародину Руси Артанию, стал провозвестником крестьянской автаркии и просемейного движения. Издавал газету «Вифлеемский глас». Возглавлял организацию в защиту традиции и семейных ценностей «Третий Муром», а в наши дни руководил Центром биополитических экспертиз. Был арт-директором Международного фестиваля социальных технологий «За жизнь». Это последнее интервью Олега.

С его балкона видна стремительно подобравшаяся к Красногорску в последние годы Москва. Метрах в ста гудят и грохочут навшинские электрички. За окном панельной башни-многоэтажки стынет бескрайняя даль парка. Стены «кельи» украшают орудия творческого труда — гусли, лютня, дудки, рожки, била... А над всем этим инструментальным великолепием возвышается бородатый двенадцатипудовый богатырь в народной рубашке, подпоясанный поясом с кистями. Энциклопедически подкованный и улыбчивый хозяин заваривает чай, а я затеваю неспешный разговор о вечном и злободневном.

«ЗАВТРА». С чего начинается ваша Родина?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. С деда, заслуженного артиста России, режиссёра передвижного Литературного театра, действовавшего при Ростовской областной филармонии в 70-80-е гг. Человек-праздник, душа компании, прекрасный певец-баритон, веселый и сердечный, он жил эмоциями, называл себя вольным художником. Начиная с шестилетнего возраста и лет до двенадцати с его маленькой труппой я исколесил всю Ростовскую область. Театр играл и в больших залах, и в «красных уголках» на заводах, и часто просто где-нибудь в Калмыцкой степи, используя в качестве декораций только стулья. А в качестве бутафории — лишь шапки, обозначающие персонажей. От деда я усвоил как выстроить мизансцену, написать инсценировку, вести читки и репетиции. Полученный опыт, помню, пытался

¹¹⁸ Изуверов А. Царствие небесное, «Злыдота»! Последнее интервью Олега Фомина-Шахова об Артании, алхимии, деурбанизации и русском цивилизационном стиле. Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/tcarstvie_nebesnoe_zlidota

применить еще в детском саду. (*Смеется.*) Также у деда было около пяти тысяч открыточных репродукций, много передвижников, русской классики. Он натаскивал меня по истории искусств, много времени отдавал архитектурным стилям, исподволь готовил к работе в театре. Я тогда мечтал стать режиссером.

«ЗАВТРА». Дед был вашим учителем?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Да. Родители развелись, когда мне был годик, деда одно время даже выдавали за отца. Потом появился отчим, пропадавший на секретной службе. Позже выяснилось, что он сидел на ядерной «кнопке» в Карталах. Потом отчим получил квартиру в Красногорске. Его позвали военпредом на КМЗ и я переехал к ним, в Подмосковье. Я тогда увлекался астрономией, космонавтикой. Отчим много рассказывал мне об этих вещах. Рисовал? как устроены спутники, баллистическая ракета, командный пункт, научил меня программировать.

«ЗАВТРА». И мечтал стать...

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Конечно, космонавтом! А понесло меня в путешествия совсем по другим «планетам». Прежде чем пришел к православию... Картина мира у меня начала формироваться лет с четырнадцати. У отчима был компьютер БК-0010-01, в просторечии «бэкашка». Я тогда изучал бейсик, пробовал писать игрушки, посещал первые компьютерные клубы. Однажды попал в гости к такому же юному фанату компьютеров. Просто хотели обменяться игрушками. Мы загрузили с магнитофона — тогда это так было — какой-то каратэшный боевик. И там на заставке был символ инь-ян. Папа этого мальчика спросил меня, знаю ли я, что это такое. Я не задумываясь сказал: «Ну, это символ карате и кунг-фу...» Тогда он мне объяснил, что это не просто символ восточных единоборств, а нечто большее. Я ушел от него с книжкой базовых упражнений по йоге и очень быстро перешел от хатха-йоги к радже-йоги — осознанным сновидениям, путешествиям по «планетам», духообщению. Я к тому времени уже вовсю писал музыку, стихи. Вся эта восточная мистика отразилась на них. К этому же времени я захипповал. Увлёкся музыкой Джими Хендрикса, «Лав», «Вельвет Андеграунд», «Пинк Флойд», «Кинг Кримсон», «ЭЛП», «Джетро Талл». Сам пытался сочинять концептуальные альбомы. Мне подарили синтезатор ТОМ-1501. И я на нем «ваял» рок-оратории с соответствующими названиями: «Дождь изменил все планы», «Ирреалии», «Мнемозина», «Музыка снов», «Инь-Ян», чуть позже был альбом «Супер-гнозис». С этим всем я выступал по школам. Помню, еще тогда проходил большой конкурс «Юные таланты Московии». Я в нем по Красногорску третье место занял. Дали бы, возможно, и повыше, но передо мной были группы, а я все-таки в

одиначку выступал. Группу тогда пытался собрать, называлась сначала Rainman, потом Transcendental Meditation, но из-за моей социопатии всё кончилось скандалом и рукоприкладством. Тексты у песен были в основном астрально-фантазийные.

О будущем не задумывался. Бабушка, оперная певица, прочила мне вокальную карьеру годам к сорока. Говорила — в любой момент можешь пойти петь в церковь и этим жить. Но рос я довольно трудным ребенком, любил быть в центре внимания, вел себя резко: училка за ухо схватит, а я ее ногой в живот, другого учителя в лицо ударил, когда он меня из драки вытаскивал. Засветить горшком с цветком в кого-нибудь — вообще проблем не было. С палкой ходил как неандерталец, всех лупил. Стекла в школе и не только в школе бил. Если какого-то обидчика не мог догнать — я в него из шприца или из клизмы плевался. В общем, весь класс меня ненавидел. Я был один в один Эрик Картман из «Южного Парка». Даже внешне был похож. Бабушкой также манипулировал, как Эрик своей мамой. Со мной общался специально вызванный психолог и сообщил руководству школы, что я — социопат. Так оно и было. Из-за постоянных конфликтов с классом, с учителями я заканчивал школу на домашнем обучении. Родные считали, что я «морально деградирую». В те годы мама связалась с протестантами-харизматами. И она мне однажды расписала всю мою неприглядную суть, что я, дескать, хулиган, непослушник, сквернословлю, патлы отрастил, хожу с ножиком, палкой и цепью, в нашивках, феньках, пиво пить начал и даже портвешок, курить, травку в том числе. В общем, поймала меня «на раскаяние». Так я попал на протестантские радения с их глоссолалиями. Всё это проходило по крупным кинотеатрам. Это было модно в начале 90-х. Два года так вот я «голосил», песни соответствующие писал:

Над землей, над страной, над бедой

Иисус! Свет изольется рекой!

Надо мной, над тобой, над судьбой

Иисус и вечный покой!

Но нет худа без добра. Позже, когда я стал изучать религиоведение, всё это мне пригодилось. Вообще же я много раз менял в жизни мировоззрение, вплоть до диаметрально противоположных. Помню, одно время шутили: у Фомина восемь голов. Спрашиваешь одну, отвечает другая, пытаешься говорить с ней, отвечает третья, с третьей заговоришь, а уже первая вернулась. Во мне много от Протея. С раннего детства я воспринимал всё происходящее со мной как некий эксперимент инопланетян. Это состояние в психологии называется синдромом «шоу Трумэна».

«ЗАВТРА». Но это же классический солипсизм...

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Ну, солипсизм ведь не катастрофа... Философы Беркли и Юм были солипсистами. И никто ведь их не тащил в дурдом. Просто взгляд на мир. И он может хорошо сочетаться с любой другой философией, с любой религией. В том числе и с православием. В какой-то момент мой мистицизм, впрочем, дал сбой, и я пережил глубочайший экзистенциальный кризис. Выходом из него для меня оказался традиционализм. Под влиянием книг Рене Генона, идей традиционализма, я принял православие. Несколько позже я увлекся старообрядчеством, начал ходить на единоверческие службы. Параллельно изучал историю и символику алхимии, думал об алхимическом преображении своего существа. Речь шла, конечно, не о колбах-ретортах. Я сам себя воспринимал как атанор, алхимическую печь, и представлял свое преобразование через имагинацию, то есть концентрацию внимания на символических образах. При этом стимулировал себя многодневным голоданием. В 1999-м г. Великим постом 24 дня проголодал. После Пасхи было ощущение, что я сейчас взлечу, мир вокруг меня плыл, пел, радостно и радужно пылая. Меня тогда коснулась благодать, но я не оценил этого, оказался неблагодарным. Бог дал мне то, чего я хотел, но не «алхимическим» путем, а по Своему бесконечному милосердию. Я же ожидал, что полностью избавлюсь от своих человеческих страстишек, обрету ясновидение, левитацию, телекинез и начну «восхождение в высшие миры», уподоблюсь ангелам, просто в своем теле улечу в ангельские миры. Эта моя наглость обернулась, естественно, разочарованием. Была жуткая депрессия, потом ропот и хула на Бога. Если Он хочет наказать, то лишает разума. Два года прожил я во мраке отчаяния как бесноватый. Мне тогда помог очень близкий друг, недавно ушедший историософ, православный мыслитель, публицист и поэт Владимир Карпец. Он посоветовал мне обратиться к старообрядчеству. Вернее, единоверию, которое находится в лоне РПЦ. Он говорил, что только здесь я смогу найти источник духовной трезвости и здоровья. Это был второй этап моего вхождения в православие. До этого я прошел чин отречения у о. Олега Стеняева ото всех своих оккультных и восточно-эзотерических увлечений юности. В то время к единоверию пришел и глубоко мною уважаемый философ Александр Дугин, у которого я позже работал редактором. В мировоззренческом, литературном и музыкальном плане меня образовали поэт и философ Владимир Микушевич, композитор-мультиинструменталист Борис Базуров, поэт Сергей Юрьевич Преображенский и критик Лев Аннинский.

«ЗАВТРА». Не планировали поступать на театральную режиссуру? По стопам деда?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Да, но не на режиссуру, а на актёрское. Еще в юности. Потом и в театре играл и даже немного в кино снимался. Однако я тогда испугался, ведь училище —

это «секта», круглосуточное промывание мозгов. А я уже фактически был к тому времени сложившимся литератором и музыкантом. Потом увлекся традиционалистскими исследованиями, религиоведческими штудиями, изучал алхимию и она «коротнула» с историей.

Мой покойный друг Карпец — заядлый грибник — постоянно ездил за грибами во Владимирскую область, в Вековку, это между Гусем-Железным и Гусем-Хрустальным... Я уже понимал, что значат эти символы в контексте алхимии. Гусь — это символ первоматерии Великого Делания. Путь от железа к хрусталу — путь с юга на север — это символ трансформации от низшего состояния к высшему, очищенному. А ровно посерединке между ними находится как раз деревня Вековка, куда ездил Карпец. А неподалеку — урочище Ермус. В тех краях, по местным преданиям, находилась Артания, которой со слов жителей тех мест, правило три брата, цари-волхвы Касым, Кадм и Ермус. Я понял тогда, что пространство, карта может представлять собой код. Но кто его составил? Полез в Большую советскую энциклопедию и выяснил, что согласно персидским и арабским географам VI-XII вв., русы тогда делились на три «разряда»: Славия (Словенск, предшественник Великого Новгорода), Куяба (Киев) и Артания. Скандально известный историк Фоменко посоветовал мне прочитать про Артанию источники в переводах Гаркави. По уши погрузился в тему, провел ряд журналистских расследований по Золотому Кольцу России, где по одной из версий находилась Артания, собирал местные легенды, публиковал очерки в журнале «Наша школа», потом в других изданиях, защитил в Институте журналистики и литературного творчества при «Литературной газете» диплом об Артании. Мне хотелось показать Золотое Кольцо России, которого никто не знает. Позже в издательстве «Вече» вышла моя книга «Священная Артания». Это, конечно, фолк-истори, но параллельно я работал над диссертацией на ту же тему. Точное название: «Мифологические экспликации дописьменной истории». Кандидатские сдал, аспирантуру закончил, а защититься не успел — научный руководитель умер.

«ЗАВТРА». Артания — больше чем страна?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Есть мнение, что Артания — то же самое, что и легендарный «остров русов», три дня пути в длину и ширину. Я вслед за другими учеными предположил, что это остров-междуречье — междуречье Оки, Москвы и Волги, с Плёмсом на севере, Касимовом на юге, Москвой на западе и Нижним Новгородом на востоке. Но высказывались предположения, что «остров русов» — это Сааремаа на Балтике, другие называли Тамань. Есть также мнение, что это Крым, Ялта — это фонетически та же самая Арта, хотя это и в противоречии с официальной лингво-исторической точкой зрения. Но

для меня Артанья — это Русь, которой никогда не было, но которая должна была быть. Это Русь Вечная. Прообраз и Китежа, и Третьего Рима. Большая часть песен «Злыдоты» — это артанская мифология.

До этого, занимаясь Артаньей, я параллельно писал музыку в духе минимализма, психоделического арт-рока. Но я уже всё это внутренне перерос. Меня стала интересовать античная музыка, орфика, тетрахорды, музыкальные теории Архита и Евдокса, пифагорейство. Я даже подумывал, что мне нужна арфа-арта, чтобы стать Орфеем-Артеем. Или даже архаичная форминга — древнейшая четырехструнная лира. Я начал тогда играть музыку фактически без авторства. Четыре ноты в различных последовательностях. Менялись тембры, в разных «вещах» были разные пропорции, расстояния между нотами. Играл в основном на синтезаторе. Это был своего рода сверхпанк, попрание всей современной культуры, неоварварство, ультимативно осознанное невежество. Это всё перекликалось с моим изучением истории алхимии. В этом же «бульоне» плавала мифология Артании. Нужно было чтобы в этот «бульон» попала соринка, букашка, заквасочка, так сказать. И вот, это случилось. В 2000 побывал на спектакле «Четвертый сон Елизаветы Бам», поставленный на сцене Института философии РАН. После поехали в гости к режиссеру, Оксане. Она мне сказала: «Вот, у меня тут есть гусли, может починишь и забирай себе». Я очень обрадовался. Но это, правда, не гусли были, а маленькая немецкая цитра. И меня коротнуло: вот она, моя арфа, лира, форминга! Я довольно быстро с ней разобрался, подкрутил что там надо было. Так родились первые песни будущей «Злыдоты» на «псевдоарийском» — некой вольной поэтической реконструкции праязыка. Но цитры мне оказалось мало. Мастер Виталий Галицкий, художественный руководитель фолк-ансамбля «Русичи» сделал мне потрясающие гусли, лютню, гудок, колесную лиру, потом еще бас- и контрбас-лютню. И понеслось! Я стал покупать редкие инструменты, аппаратуру. До этого я играл на клавишных, гитарах, ударных, блок-флейте... А сейчас уже на тридцати инструментах. В последние годы тяготею к традициям Мусоргского, Римского-Корсакова, Стравинского, Гаврилина. Причем я часто обращаюсь к монодии — унисонной музыке, к знаменному пению в том числе. Разнообразие звучания возникает в основном за счет аранжировки. Есть и некоторая перекличка с экспериментами арт-рока и минимализма.

«ЗАВТРА». Но в целом вы ушли от прежней стилистики?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Мне представляется, что история академической музыки в привычном смысле закончилась, значит нужно возвращаться к архаике. Об этом, например, и современный композитор-минималист Владимир Мартынов говорит. С самого начала в

новом проекте я отказался от нот, работал с «попевкой», с тетрахордом — традиционной доавторской ладовой системой. Для меня это был спуск в долину с вершин арт-рока, неоклассицизма и минимализма. Это был поиск соответствия простоты музыкального ряда, аранжировки и презентации. В каждом инструменте имплицитно заложена та музыка, которую на нем можно сыграть. Мне нужно лишь смиренно расслышать ее в своей потенции и извлечь.

Так я открыл и обрел свою духовную Родину, ставшую для меня образом мира — *imago mundi* — и картой мира — *mapa mundi*. Национальное возрождение начинается с краеведения и освоения древних ремесел, преданий, песен. Сначала я видел в архаичном мелосе ритуальную функцию, связанную с годовым циклом и даже участников подбирал в соответствии с ключевыми точками года: у меня день рождения приходится на летнее солнцестояние и инструмент мой «водный», гуси-гусли, у родившейся 5 января Маши Лушниковой — зимний, «земной» инструмент — бубен, флейта Данилы Бублиевского — это осень, бас Мирона Кравченко — весна. Первый состав «Злыдоты» просуществовал года три. Из него остались только мы с Машей. Теперь на басу играет Коля Омельченко, а на гудке, древнерусской скрипке, моя жена Татьяна.

«ЗАВТРА». Обретение духовной Родины помогло преодолеть солипсизм?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Солипсизм ли это — считать, что всё, что ты видишь и есть «ты»? Для меня нет «других». Есть единый Адам. Да, люди могут ненавидеть друг друга не понимать друг друга. Но всё это дано для того, чтобы преодолеть в себе любую нелюбовь. Надо научиться любить всех. Понимать, что каждый — это «ты» и нет никаких «инкарнаций». Реинкарнировать нечему, но мы можем вспоминать якобы «прошлые жизни» — это все единая жизнь одного Адама, простирающегося как древо через миры. В последние годы я перестал считать Модерн и Постмодерн самостоятельным злом, чем-то «иным», внеположным тому, что было в замысле Бога. История Бытия — нарратив, переданный Богом Адаму. Но Человек бросился искать покемонов. «Люди, которые играют в игры. Игры, в которые играют люди». Бог Адаму о Теосе, Антропосе, Биосе. Человек Богу о Религии, Науке, Игре. Бог предлагал Человеку свободу, но он выбрал рабство.

А впереди нас ждет впереди бесконечная брачная ночь Христа и Церкви, но я жажду, чтобы ночь в конце концов закончилась и запылал Рассвет слияния Бога с Человеком. «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом», — сказал св. Афанасий Великий. Перед этим придет момент и энтропия обратится в свою противоположность, Адам начнет возвращение к Богу. Каков будет этот момент «у светлого яра Вселенной» можно только догадываться. Наверное, есть соблазн назвать всё это «космизмом». Но я точно не космист. Космические

метафоры — всего лишь язык, на котором может быть выражено несказанное. Ибо всё это столь велико, что язык богословия и поэзии уже недостаточен, нужен язык физики. Я понял лишь, что очень опасно признаваться Богу в любви, особенно в стихах. А то ведь испытает и отречешься от всего и от Него, всё проклянешь. У испытаний ведь конца и края нет.

«ЗАВТРА». А почему не назвали группу Артанией?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Не хотел профанировать это сакральное слово. Другие не смущались — вскоре появилась металлическая группа, есть еще футбольный рязанский клуб. Мы обсуждали с Карпцом, автором ряда текстов нашей группы, названия «Пимен Карпов», «Изуверы», «Мракобесие», даже «Раса» предлагал Мирон... А назвались «Злыдотой». В мистическом романе Пимена Карпова «Пламень» так называется голтымба — те, кто терпят зло, но и сами от этого злятся и могут примучать кого-нибудь, чтобы еще больше помучиться угрызениями совести и покаянием в Рай вползти. У нас целая фолк-опера об этом есть — «Баташов и злыдота».

«ЗАВТРА». В 2009 вы исчезли из Москвы на два года. С чем был связан переезд в Нижний Новгород?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Старец благословил сменить место жительства чтобы помочь другу Сергею Чеснокову, организовавшему движение против аборт — «ЗА ЖИЗНЬ». Меня тогда многие отговаривали — мой друг Карпец, мой учитель Владимир Борисович Микушевич. Защита диссертации тоже откладывалась. Жалко, что в Нижнем мое музыкальное творчество никак не пригодились движению. Но за семь лет удалось сделать очень много — охвачены 150 городов, у нас три тысячи добровольцев, тысячи спасенных детей, десятки сетевых сообществ. Если девушка сомневается — она обязательно попадет на кого-то из наших и мы отговорим ее, поможем, поддержим — проживанием, работой, гуманитаркой.

С 2010 в гостинице «Салют» на Юго-Западе Москвы проводим Международный фестиваль социальных технологий в защиту семейных ценностей «ЗА ЖИЗНЬ». Это не только концерты и просмотры фильмов, спектакли, прежде всего — симпозиумы, лекции, круглые столы, коучинги, семинары, разборы акций, мастер-классы. К нам едут из Штатов, из Южной Америки, из Европы, даже из Африк и стран постсоветского пространства.

Мы апеллируем не столько к религиозным, сколько к биоэтическим, биополитическим, медицинским аргументам. С точки зрения науки, аборт — это убийство, что признала фундаментальная эмбриология, вот только официальная медицина пока коснеет в устаревших догмах начала прошлого века. Конвенция по правам ребенка

гарантирует его право на жизнь с момента зачатия. Но это право у нас не соблюдается. Признавая приоритет международного права, мы почему-то следуем ему там, где нам невыгодно, а где выгодно — не соблюдаем. Биополитический аргумент состоит в том, что аборт это настоящий геноцид, уничтожающий страну. Медицинский аргумент состоит в том, что аборт убивают здоровье женщин. Есть в том числе и психические травмы. Например, с третьей годовщины у пресекших беременность женщин начинаются муки совести, нарастающие год от года... Приходит понимание страшного греха — безрассудного, бессмысленного и безнаказанного убийства.

«ЗАВТРА». В чем корень этого зла?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Причин много. Но главная — зажрались. Не случайно большая часть тех, кто делает аборт — не молодки-залетухи, а обеспеченные матери за сорок лет, выбирающие между покупкой авто или поездкой на Кипр и жизнью нежеланного ребенка.

«ЗАВТРА». Признаете ли вы телегонию?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Я — безусловно. Хотя официальной позиции у движения по этому поводу нет. Но начинать надо не с целомудрия, лежащего в основе телегонии, а с изменения уклада, сугубо на мой взгляд. Город порождает негативные семейные сценарии. В нашу жизнь аборт, контрацепция и нецеломудрие вписаны. Стоит это осознать, а осознав — преодолеть, и тогда жизнь и самоощущение человеческого рода необратимо изменится. Россия — самая лучшая страна для этого прорыва. У нас вся страна — непаханное поле. Это на Западе всё уже поделено, разграфлено, мало пространства, всё прописано, прошито насквозь десятью швами. У нас же много хаоса, хаотичной земли, «нелинейной географии». Землю эту русским людям можно брать голыми руками. Просто семейные должны научиться кооперироваться. Нам необходима народная, а не майданная, безкровная революция против мировой системы капитала. Мы можем сломать хребет паразитарной системе. Нам нужен не капитализм, не социализм и даже не корпоративизм. Нам нужен кооперативизм. Именно он органичен для нашей страны. Это артель, семейное хозяйство, любовь внутри семей и христианская любовь между семьями. Уважать соседей, трудиться семьями в различных составах, не из-под палки, но и не под гнетом капитала, а в интересах семьи и общины — это и есть наша национальная скрепа, наш устой. Для это не надо воевать, не нужно насилия, тем более бунтов, необходим тотальный дауншифтинг, массовый исход из города на село. Не в какие-то деревни старые, прошлые. А всё с нуля, с чистого листа. Сразу в шестой зеленый уклад. Ни с кем ни воюя, ни кому не противодействуя, повернуться к городу, к системе, к власти спиной. Создавать

параллельную цивилизацию жизни. Рано или поздно государство осознает эту силу и наоборот будет ей помогать. У нас есть здоровые тенденции во власти. Но паразитарному капитализму, мировой системе зла необходимо сломать хребет.

Сегодня деревня в упадке. Правительство пытается помочь семье. Власть заинтересована в количестве граждан. Но как она помогает? Все эти застройки квадратно-гнездовым методом в плохо доступных районах без развития малой авиации, автожироостроения, прокладки трасс на магнитной подвеске — это работа вхолостую. Антисемейный проект. А ведь сегодня можно очень дешево строить, если использовать 3д-принтеры. Квартирный вопрос, городская теснота убивают семьи, радикально проблему решит лишь изменение уклада. Наш путь — деурбанизация, кооперативизация, самоколонизация просторов Сибири и Дальнего Востока. Необходимо внедрять передовые технологии шестого уклада, прежде всего альтернативную энергетику. Но чтобы этот проект заработал, необходимо выстраивать систему ценностей будущего.

«ЗАВТРА». И учиться у прошлого?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. В том числе. В прошлом не было идеологий, но были ценности. Нам нужны ценности, а не идеология. Я много об этом писал. Потом было смешно слышать, как это по телевизору озвучивали уже в пересказе из четвертых рук. Но это не играет значения. От Византии мы взяли основы культуры, от Орды — хребет государства, ярлык на княжение, властную вертикаль. У нас есть и мощное индо-иранское наследие. Представление о правде, противостоящей кривде. Это русский цивилизационный стиль, факт идентичности, который невозможно отменить. Но благодаря ему у нас есть уникальные ценности. Например, та же правда — нельзя ее напрямую соотнести с истиной, нельзя ее перевести и как «справедливость», это понятие не имеет прямых аналогов в иных языках. На Западе культ права. А у нас значима Правда. Нам нужна Правда вместо прав. Труд, а не бизнес или работа, от слова «рабство». Нам нужен не какой-то там свободный выбор индивида, а совет, собор, союз, семья. Осознание, принятие и культивирование этих ценностей как раз и дает почву для русского будущего.

«ЗАВТРА». Вы чувствовали, что ваши идеи меняют мир?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Да, особенно в последние годы. Я много печатался в журнале «Развитие и экономика». Он идет в Администрацию Президента, разные серьезные политические клубы, его многие эксперты читают. Поэтому какие-то мои идеи получили продолжение в правительственных программах. Это касается и дальневосточного гектара, хотя я предлагал в своих статьях раздавать по гектару всем многодетным не только на

Дальнем Востоке, но с него, конечно, начинать, чтобы демографически защитить восток нашей страны от Китая. Я много писал про внутреннюю колонизацию — освоение востока как часть семейной политики. Я чуть ли не первый писал о необходимости частичной автаркии, импортозамещения. Говорил о желанности западных санкций для развития сельского хозяйства. Кооперация в духе Чаянова против агрохолдингов, экожилье на 3D-принтерах, круговая застройка, пассивные, активные, умные дома, тепловые насосы, альтернативная энергетика, агроботы, харвестеры. Целый круг идей... Одна моя статья так и называлась «Русский уклад в XXI в.». Это большая программная статья, фактически книга, она есть в сети. И правительство к нам прислушивается, взять хоть майские указы...

«ЗАВТРА». Какие большие задачи стоят перед современным человечеством?

Олег ФОМИН-ШАХОВ. Слово «человечество» очень неточное. Его придумал Данте в трактате «Монархия». Человечество — это некое калькулятивное понятие. Есть Адам и у него свои цели и задачи. Ему нужно идти в космос, заполнять собой звезды. Я как Циолковский — фанатик освоения космоса. Он говорил: «Земля — колыбель, но нельзя вечно жить в колыбели». Я всё дальше ухожу от традиционализма в сторону православного космизма, не в смысле Вернадского, а гораздо дальше. Это именно постнеклассический традиционализм. Если мы запрещаем аборт, ничем не ограничиваем рождаемость, то рано или поздно люди должны будут отселяться во внеземные колонии. Бог ведет Адама в космос. Или вы думаете, Бог создал все эти мириады галактик, квазаров, звездных туманностей, черных дыр просто для того, чтобы мы в радиотелескопы на них любовались? Бог — величайший математик, физик, биолог, архитектор Вселенной. У Него нет случайностей. Всё создано промыслительно. Всё Адамов дом. Но это не его Родина. Родина Адама — вечное небо, Небеса, а не преходящий космос. Адам, Церковь движется к браку с Богом, к своему теозису, обожению. И весь мир с ним, вероятно, тоже будет обожен. Всё зависит только от Человека. Описанное в Апокалипсисе — это не абсолютная данность, иначе у Адама не было бы свободы воли. Как ниневитяне покаялись и Бог отложил проклятие, изреченное на них пророком Ионой, так и события Апокалипсиса могут никогда не наступить. Откровение Иоанна Богослова — это памятка о том, как делать не надо и что может наступить, если Человек пойдет по этому пути. Только Отец знает сроки.

ТАМ

ТАМ! ТАМ! ТАМ! ТАМ!

ТАМ! ТАМ! ТАМ! ТАМ!

За нами, дураками,

За волками,

За их вожаками,

За белыми клыками,

За белыми клюками,

За вОлоками-векАми,

За вОлотами-облаками

С поднятыми руками

Синие ГОРЫ! ГОРЫ! ГОРЫ! ГОРЫ!

ГОРЫ! ГОРЫ! ГОРЫ! ГОРЫ!

В вечной охоте,

Стрельбе по пехоте,

Распростертые

Из памяти полуистертые

Живые и мертвые,

Жидкие и твердые.

ТАМ! ТАМ! ТАМ! ТАМ!

ТАМ! ТАМ! ТАМ! ТАМ!

За облаками

Неистовый камень,

Пылающий пламень.

Прямо над нами.

С косыми углами.

СВЕТ! СВЕТ! СВЕТ! СВЕТ!
СВЕТ! СВЕТ! СВЕТ! СВЕТ!

Проблески, звездные взблески,
Крыльев хлопают занавески,
Знаменья и фрески,
Знамен во всё небо всплески,
Знаменные крюки, подвески.

СИЛЫ! СИЛЫ! СИЛЫ! СИЛЫ!
СИЛЫ! СИЛЫ! СИЛЫ! СИЛЫ!

Сердце насквозь пробито светом,
Радостным вечным советом,
На все вопросы ответом,
Необременительным обетом,
Безконечным летом
Слезами и кровью пропетым
Ушедшим от нас поэтом.

ТАМ! ТАМ! ТАМ! ТАМ!
ТАМ! ТАМ! ТАМ! ТАМ!

За нами, дураками,
За волками,
За их вожаками,
За белыми клыками,
За белыми клюками,
За волоками-веками,
За великанами-облаками
С поднятыми руками...

сентябрь 2015 г., опубликовано 25 января 2017 г.

ПОДАРКИ ДЛЯ ДУРАКА

(поется на мотив «Облака, белогривые лошадки»)

От восточного серпика луны,
И от звездно-полосатого заката
Нам дерзят погибели сыны.
В остальном — отличные ребята!

Ах, Эрдоган!
Ты решил, что на лошадке.
Ты хулиган
И с башкой не всё в порядке.
Не смотри на нас, пожалуйста, свысока.
Есть у нас подарки для тебя, дурака.

Мы пульнем в заоблачную даль.
Пустяком тебе покажется Чернобыль.
От серпа отколется звезда.
И падет к нашим ногам Константинополь.

Ах, Эрдоган!
Ты решил, что на лошадке.
Ты хулиган
И с башкой не всё в порядке.
Не смотри на нас, пожалуйста, свысока.
Есть у нас подарки для тебя, дурака.

27 ноября 2015 г.

ПОЕЗДНО

Мы мчимся в бездну в поезде ночном.
Вода движеньем поезда согрета.
Когда мы видеть этот сон начнем,
Не будет нам в свидетельство поэта.

Мелькнет сквозь храм чумазая родня.
Участок тела свиснет с третьей полки,
Где слышится косматая возня,
Как будто там дерут друг друга волки.

То там, то там, то здесь опять, то там...
Уснула голова, но спит рассудок.
Он видит, будто он гиппопотам,
Чей мрачный ужин сторожит желудок.

Он любит нас, но мы всё спим да спим.
Он ждет в саду, всё так же ждет рассвета.
Мы в поезде в ГУЛАГе чьих-то спин.
Отвернуты и в хлам полураздеты.

Горит в ночи о чаше проводник.
Вода согрет сумрака движением.
Он говорил, всё что-то говорит,
Но слышится жужжание и жжение.

* * *

Поздно. Поезд на станции Дно.
Чаша выпита, гаснет огонь.
Это было недавно. Это было давно.
Гробовое к звездам окно.
Звездный всадник и звездный под всадником конь.

5 января 2016 г.

БЕЗКОНЕЧНАЯ СУББОТА

Я хотел бы покойником стать.
Я всегда был большой безпокойник.
Уж давно бы позвал подоконник,
Если б вечная темени стать
Стала мне и досуг и кровать,
Чтобы кровь под покровом скрывать.

Мне ни Рая не надо, ни Ада.
В тишине, в нижине мне награда.
Если жизнь я тужил, но служил,
Вырываясь из жил, заслужил,
Раньше сроков себя не изжил.
И благой мне удел уготован,
Пусть никто б не спросил Тебя, кто он.

Схорони меня в тихом Раю,
Хоть на самом последнем краю,
Самом жалком его уголочке,
Где ни памяти нету, ни строчки,
Только мирный скелет
Спит сквозь тысячи лет,
Безконечной субботой покоен,
Где не мчит благовест с колоколен.
Где немислим погост,
Где нет слез, где нет звезд.
Где ни жизнью, ни смертью не болен.

6 января 2016 г.

СОСЕДКА

Андрею Чернову

"Всё, кричит - пиздец розетка!",
Вынув пальцы из страны,
Охувшая соседка,
Родственница сатаны.

"Как ты ж, мать, туда попала?"
"Не твою ж... мать-перемать!
Спотыкнулась с одеяла!
На вот!" И туда опять...

Волосы взметнулись дыбом,
Глазки выкатились на...
Изошла предсмертным лыбом
Белопенная слюна.

Ридна нэнька Украина,
Ты чудесная страна,
Отпусти, маманя сына,
Сын сегодня сатана.

20 сентября 2016 г.

На маленьком плоту,
Костями распротертый,
Я плыву навстречу смерти,
Рыб хватая на лету.

Но мой плот
По Амазонке плывет.
Всем дикарям назло
Есть у меня весло.

Весна-лето 2016 г.

ПОДРАЖАНИЕ ХОРТИЦЕ

Либерал, либерал
Пил, ел, спал, жил, был, срал
При кормушке «ЮКОС» и «РусАл».

Кардинал, кардинал,
Криминал и анал,
Жаль, что в этом он не маргинал.

Люфицер, люцифер,
Староверу пример,
Что не нужно собой так гордиться.

Тамплиер, тамплиер,
Изуверам – рейхсвер:
«Нам поможет только заграница».

Весна-лето 2016 г.

НЕ ХОЧУ В ПИТЕР

«А надоест – поеду в Питер». *М.Е.*

Запела птичка на окне.
Поехать, что ли, в Питер мне?
Я Питер не люблю, он чужд мне.
Из нас чужд каждый коемуждо.

Бог Петербурга – часовщик,
Идет, схватившись за парик
Сквозь мрак партикулярных улиц,
Как Император Петр, сутулясь.
Шаг шестерней – оргазм и спазм.
Болот как регулов миазм.
Окровавленный род и рот.
Упырь и климовский урод.
Луна как бледное пятно –
В Европу чертово окно.
Лилит такая здесь Лилит –
С менорой по небу летит.

Средь шуб встает Шубнигурат,
Как меднолобый зиккурат.
Уперся в небо агрегат.
Ударят в полдень аккурат.
А вы поедете на бал?
Там будут Керн и Нибаал,
И доктор Лектор Ганнибал,
Ингерманландии Ваал,
Ялдабаоф с елдой во лбу:
Всё бубубу да бубубу.

Он там в России, бабий век,
Чужой, как Мекка и Квебек.

Хоть было то во время оно,
Еще задолго до Генона...

Пускай ежжует Елизаров
В вертеп разврата велиаров!

Я ж...
Москвою стану я гордиться.
Люблю тебя, моя столица!
Хоть не отсюда я совсем.

В Москве имеются Мытищи,
Живет в Москве Лука Мудищев.
(Он, к слову, мой сосед.)

Вы ж, вандерфогели, летите!
Всяк гол сокол, играй в «Зените».
Хоть хакенкройц вам, хоть эстамп...

Вот почему криптофашисты
Чтят Елизарова Сид Вишесом,
Не отличая от «Майн кампф»¹¹⁹.

Весна-лето 2016 г.¹²⁰

¹¹⁹ *Первоначальный вариант концовки:*

Вот почему криптофашисты
Все елизаровские выдристы
Не отличают от «Майн кампф».

¹²⁰ *Комментарий Олега Фомина:* Меня Елизаров подбешивает. Выскочка. Я не отрицаю его таланта, но у меня же и музыка на порядок лучше, и вокал. А текст – не хуже.

КОТЯТКИ РУССКИЕ БОЛЬНЫ

Котятки русские больны.
Спроси у звезд, у тишины,
Зачем животное болеет
И как его Господь жалеет.

Зачем зверье во дни скорбит,
Терпя до тысячи обид?
В раю возляжет ли ягненок
Со львом, что ликом, как ребенок?

Собачка мудрая была.
Она в клыках несла яичко
И хищно улыбалась личико,
Хотя, конечно, не со зла.

Задумчив, Иванов летит
Спасать кита и нянчить тигра —
Об этом сообщил в субтитрах
Нам беглый новостной петит.

Зверюшкам незачем креститься,
Добавим честно: и поститься.
Они дыханьем хвалят Бога.
Что жизнь, что смерть — одна дорога.

Нас учит Церковь: ни души
Не встретишь ты в лесной глуши.
Душа животных таковая...
Ну, что-то, типа, Мировая.

Котятки русские больны...
Мы про скотов понять должны:
Души хотя и не имеют,

В нас пробудить ее умеют.

P.S.

Коты на Страстной седмице

Навряд ли станут поститься.

Коты ваш пост имели под хвост.

Да хоть на какой седмице.

15 января 2017 г.

ОГНИ ПЛЫВУТ

Матушка родимая,
Звездные глаза!
Ты теперь незримая,
Как моя слеза.

Звезды за туманами,
Как огни плывут.
Чудеса с обманами
В светлый край зовут.

Может, там, далекая,
Где текут огни,
Матерь синеокая,
Будем вновь одни.

15 января 2017 г.

СВОБОДА

Я предлагал тебе свободу.
Но ты выбрал рабство.
И вот ты идешь, насвистывая.
В руках донос на самого себя.
Донос, полный клевет.

Я предложил тебе жизнь.
Но ты выбрал смерть.
Никто на тебя не кричит.
Ты сам кричишь на себя.
Сам себя обездолил.
Нету в тебе ни любви,
Ни утешения.

Я предложил тебе сад.
Но ты выбрал ад.
Труд, в поте лица твоего.
Работай же, раб, работай.
Солнце еще высоко.
Долго будет клониться к закату
Солнце твое.

Я предложил тебе выбор.
Ты сам выбрал эти цепи.
Я бы с радостью освободил тебя.
Я главный аболиционист
На твоём пути.
Но что это за свобода,
Если ты сам выбрал цепи?
Рабом справедливо назван.
Выбор твой
Между пепси-колой и кока-колой.
Майклом Джексоном

И Джорджем Майклом.

Я предлагал тебе свободу,
Но ты выбрал рабство.
Возможно, когда-то ты вспомнишь
Эти слова.
Выбор всё еще за тобой,
Мое предложение в силе.

Я создал тебя свободным,
Но ты сам выбрал рабство.
Я создал тебя
От неизбывной любви
И одиночества, черного,
Как эта беззвездная ночь.

15 января 2017 г.

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ

Мне б и впрямь полюбить как Россия
Безконечной медвежьей тоской.
Полз к России б весь век от Руси я
С гробовой, но почетной доской.

Полюби же меня, о Россия!
Смертной любжей до мглы зоревой!
Не бежит по Руси парусия,
Зверь не рыщет сквозь рев и сквозь вой.

Лик невесты весь обезображен,
Восхищенный рукой палача.
«Бог не нужен и образ не важен», —
Плачь, палач, бормоча, хохоча.

Ноздри вырваны, выдраны зубы,
Ослепительно выдавлен глаз,
Щипотцами искромсаны губы,
Разворочен под брюхом лабаз.

У Микулы впечатано в скулы
Исступление тяги земной.
Всё гудят Святогорovy гулы
Из гробов, что плывут подо мной.

«Не поддержишь ли сумочку, братец?»
«Что там?» «Тяга земная, мой свет.
Но тебе ли за сумочку браться,
Если русской любви в тебе нет?»

Словно в сумку, вцепился я в слово,
Мать Сыра Земля, вот и любовь.

По колено, по пояс, по голову.
Где в руду превращается кровь.

20 февраля 2017 г.

МЕЧТА

Но то был сон...

Гейне

Забыть себя и маяться похмельем,
А не житейской гордостью людей,
Не ждать ни чьи-то письма на e-мейле,
Ни озарений пламенных идей.

Уснуть на век и век не просыпаться.
Проснуться в той единственной стране,
Где цель и факт в непостижимой грации
Слились, как то бывает лишь во сне.

Как было б хорошо, но время века
Имеет свой навязчивый резон —
Мучительно умучать человека,
Как будто он сатрап и фармазон.

И у меня была мечта когда-то,
Я был поэтом будущих времен,
Но то был сон, но то был сон, ребята...
Прекрасный, но неисполнимый сон.

20 февраля 2017 г.

УГЛЬ И ГУСЛИ

Я хочу умереть, восхваляя Христа,
Палачей и наветчиков слава.
«Да, теперь моя совесть почти что чиста», —
Говорю я почти не лукавя.

Ведь страстей-то пока еще целая рать.
Всё играешь ты с ними, да граешь.
Умереть-то не страшно, страшней умирать.
Ты по сути весь век умираешь.

Не успел ты о Боге хороших стихов
Написать, как хотел, без изъяна.
Лишь дидактика, шутки да тени грехов.
Обезьяна и есть обезьяна.

Вопию, словно червь я к Тебе от земли:
«Дай мне уголь во уста, дай мне гусли!
Дай успеть мне воспеть Твой чертог издали
Безо всяких там "если" да "пусть ли"»!

Возгуди к небесам, о псаломстий сосуд
Недостойного блудного сына!
Сын достойный, Твой радостен Суд!
Вот он, Твой заплутавший детина!

24 мая 2017 г.

ВЕКОВСКИЙ ЧАП-ЧАП

Памяти В.К.

Чешет вековский чап-чап
По-над Гусь-рекою.
Бородат и величав
Машинист с клюкою.

— Кличут как тебя, мой свет?
— Кличут Володимер...
— Вот как... Ну, тогда привет.
А сказали — умер.

— Говорят, что кур доят...
Только кто ты, братец?
Стал я памятью помят.
Помню только праотец...

Помню, как еще бродил
Над Забыть-рекою...
Словно пращур-крокодил
Пил чужой рукою.

Перевозчик звал тогда,
Кочегар нахальный,
Переехать навсегда
В вечный Гусь-Хрустальный.

Вроде лодка, все дела...
Тесная келейка.
Но взамен ей поплыла
Вдруг узкоколейка.

Сквозь туманы черный бор
Манит в перегонах.

Паровозик-духобор —
Ни души в вагонах...

Говорят, душа что пар.
Выдохнул — и нету.
И везет вас кочегар
За одну монету.

Вишь там черный кочегар
Вынимает душу?
— Вижу... Что за кочегар?
— Так... Зовут Карпуша...

2 июля 2017 г.

Пью с Фоминым

Жил сумасшедший царь. Его Фомин прозвали.
Жил Носов — Фомина покорнейший слуга.
Введенский их потец, и не его слова ли
Географическ лик взнесли на берега?
Где явлен лик земной, где спрятан средь лесов скит,
Там, время, прочь лети, ату, ату его! —
Взорвали времена Фоменко и Носовский,
Но le moujik сказал, что это ничаво.
И впрямь ведь ничаво, конечно, блин, ваще, но
Дивитесь, недруг Буш и друг наш Цзянь Цземин.
Пришла, пришла пора Артании Священной —
На карте наших снов открыл ее Фомин.
Фомин — он молвь, он миф, а говорят, и нимфа.
В сей пакостный навет я верить не хочу —
Пока весь падший мир читает «Скорость-Инфо»,
Я твой урок, Фомин, как азбуку, учу.
Пред Фоминым, как лунь, бледнеет Багдасаров,
Покорный ваш слуга и даже Головин.
И в Кремль шлет злыдота народных комиссаров.
Фомин — он всем им фон, на то он и Фомин.
Еще, гласит молва, — жила такая гнида
По имени Фомин — он предал комсомол.
Фадеев описал отброс такого вида.
Не будь как он, Фомин, а то башкой о мол...
И все ж, какой ни час, но Батюшков неточен:
Не царствуйте, вожди, вино вдвойне окно.
Ковшарь нам царь и псарь, лесник, увы, замочен.
Из люков, глюк да глюк, всплывает, что черно.
А впрочем, что ни дивь — гвоздица-птицельвица,
Не всяк же косн косарь, прах по полю постлав.
Моя кума чума, сестра моя брусница,
И жница мне не брат, и Брут не братислав.

Ну, ладно, спи, Фомин, и ты дормир, о Носов.
Вон ту главу, Фомин, ты дочитал? Камин
Уж догорел. Я пьян. Все на хрен. Нет вопросов?
Один вопрос, один — где Носов твой, Фомин?

Около 2009 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ ПАМЯТИ ОЛЕГА ФОМИНА

Валентин Чередников

Памяти Олега Фомина-Шахова

Когда реки впадают в свои мосты,
В Рифейские горы, в ветра-плотины,
Они тоже доходят до той черты
Из красного дерева с белой лепниной,

За которую заплывать нельзя,
Если хочет река остаться собою:
С лодками, тинной, небесной скользя
Змеёй, брюхатой рыбьей икрою.

Краткая вертикаль волны
Восьмилучевой архикрасной башней -
Кораллом мечется в глубины,
Рифно цветя на разбитой барже.

Расплескалась направо и выше вверх,
Истекает налево и вниз всё ниже -
Уже не река, а почти твой смех
Был бы, пустишь по ней вплавь мальчишки.

Реки бегут в острова-мосты,
В колодец-смарагд, зелен-ал калиной,
Соком небесных ягод. Цветы
В лодке из досок materia prima.

Кратким бывает и «Влажный Путь»;
Всё, вплоть до капель, здесь из древесины:
Соль дождевая, речная ртуть.
Ксилема и луб – это наша глина.

Кольца – отметы прожитых лет.

Есть они и у книг, у песен,
У отражённых в реке планет.
Круг всегда бесконечен и тесен.

Красного дерева с белой лепниной
Мост. – Ты всё знаешь об изображениях.
Чей это символ с той стороны?
Чьё к Небесным Вратам приближение?

Ты же знаешь, что значат Ворон,
Гусь-Лебедь, Алый и Белый Львы,
И Феникс, живущие по ту сторону
Вытоптанной Тельцом травы.

Наш общий друг написал, каким он видел тебя
В последний раз: в гнойном отделении,
После реанимаций, ампутаций, в ужасе... Комкая слова, любя
Тебя и расставшись с чувством освобождения.

И река твоя впала туда, где до самых Небес её гора
(Наподобие Эльбруса или Монблана),
На берег выбросив это тело Гаргантюа
В хирургических ранах.

Ты же знаешь, что значат сети
Для ловли рыбы и короба.
В первых бьются нашего света
Искры. А в других – хлеба.

Импровизация памяти Олега Фомина-Шахова

Умирают люди с детскими глазами,
Тучи плачут детскими слезами
В серую землю, вокруг пустота,
Что ограждает окружье Креста,

А одолеешь ее и теплей:
Россыпи звезд и мильоны людей.
Тут коридоры крадутся как воры,
Лают собаки, скрежещут затворы,

Что заржавели, унылая ржа
Все покрывает: и жало ножа,
И двоебокие серости улиц,
Что, как столбнячные, перегнулись.

Но не смутит сё в уныния час:
Детскость слезами стремится из глаз,
И процветает сквозь сей окуляр
Доброй души оцененный товар.

Добрый товар прикупает Купец,
Мех горностаевый, злато сердец,
И расточает по воле Своей
Россыпью звезд над челами людей.

Памяти Фомина

Напрасно впитывали памперсы
без консервантов эскимо
уменьшена до койки в камбузе
сдаваемой почасово

чужая жизнь как алиментщица
разыскивая муженька
казалось мечется и мечется
в балетной пачке мотылька

дрожали стрелки тонконогие
как поводок поводыря
дрожали ветви одинокие
в листву роняя якоря

но вместо шума их падение
сопровождала тишина
как на экране появление
еще живого фомина

и как в финале фильма ужасов
колористически верна
над ложем пестрого супружества
должна быть радуга черна.

Памяти Олега Фомина

в старинной готической кирхе Понарта
я к другу
рассматривал
тонкую карту
следы этой карты
вели через сон
и под потолком
улыбнулся
мне
он
сознание наше
вовек
трансцендентно
забыли
об
этом
мы
одномоментно
так
вот же
они
жернова
бытия
в довременном сне
снова
знают
тебя.

Памяти Олега Фомина-Шахова

Во граде светофоровом,
Двух слов не проронить,
Жил человек, которому
Вчера мог позвонить,

И в трубке будет музыка
И песенка звучать
Космическими гусями
вся радость и печаль

О выходах и входах,
И стражах у ворот,
Об узах и свободах
Невиданных пород...

Тот человек, которому
Вчера мог позвонить,
Отправился на скорых
В неведомую жизнь,

В заоблачный ансамбль
Примите гусяра,
Которому, казалось бы,
Мог позвонить вчера.

**Куда уходят скифы?
(На смерть Олега Фомина-Шахова)**

Куда уходят скифы?
К далеким берегам,
Где в море скрыты рифы,
Те, что не видны нам.

Куда уходит племя
Героев и вождей?
Туда, где скрыто время,
В края иных людей.

Куда уходят скифы?
К невиданным мирам,
Где ангелы и нимфы
Рисуют новый храм.

Куда уходят души
Титанов волевых?
Туда, где звезды кружат
Над душами живых.

Куда уходят скифы?
В края степных богов,
Там, где рождались мифы
И дикая любовь.

Олег Фомин-Шахов. Сонет-акростих

О чём ты нас учил, забыли столь жестоко,
Ложь затопила мир, который ты любил.
Ещё немало есть взрастивших недалёко
Гад против тех, кто смог сберечь твой юный пыл.
Фигура красногорского пророка
Опять страшна тем, кто заголосил:
Мерзавцам в силу приговор вступил.
Иван Артанский, ты ушёл до срока,
Но поднятый тобой несём мы стяг,
Шаг сделан, и никто не бросит камень.
Артанцы выстоят под шквалом всех атак.
Христос воскрес! Уходим в чёрный рамень
О том молить, чтоб нам был послан знак,
Возжён в сердцах вновь пименовский *Пламень*.

Памяти Олега Фомина-Шахова

Свершается в лицах деяние,
Исполнив извечный закон.
Плывет чудо-остров Артания
За звездную кромку времен,
А нам завтра в школу изгнания
Изгоями – на поклон.

Железно, хрустально, игольчато
Звенит, затихая волна
До синего плеса, где отчего
Заветного слова немолчного
Превечная песня слышна.
Где умысел чудного зодчего –
узоры и письмена.
Где так самоцветна, яровчата
Лазурная суперструна.

На бреге летучей Артании,
Где бьют птицерыбы хвостом,
Где в вечноприсущем сказании
Слагается песенный дом,
Свершается в лицах деяние
Без всякого «здесь» и «потом».

На крыльях летучей Артании,
Опознанной сквозь облака,
Оставив вериги страдания,
Душа отлетает, легка.
Над веткой железнодорожной
Молочная плещет река,
И Солнце песчинкой ничтожной

Вращает века.

От Павшина в Вековку скорый
К рассвету. Не в бездну, не в ночь.
А провожающим споры
Да мятые разговоры
С платформы пешком под гору
Прости же всю нашу свору
А нам – не свернуть бы прочь...

29 октября 2017 г.

Православие и «Гиперборейская теория» (памяти Олега Фомина-Шахова)

Я строитель тьмы среди белого дня,
Я учитель тех, кто мудрей меня,
Я наследник брошенных в общий ров,
Созидатель гнезд на краю миров,
Собеседник тех, кто рожден немым,
Созерцатель всех, кто давно незрим.

Ю.Н. Стефанов

В 94-м году мне в руки попала небольшая книжка А.Г.Дугина – «Гиперборейская теория». В ней очень кратко и ясно были изложены основные идеи Германа Вирта (Herman Wirth), человека посвятившего свою жизнь реконструкции мистерии Великого Юла, Зимнего Солнцестояния, точки в которой умирает и вновь возрождается Свет Севера. В своем главном труде «Происхождение человечества» сам Вирт говорит об этой мистерии такими словами: «Не существует более великой тайны в бытии человека, чем тайна жизни и смерти, умирания и становления. [...] Волшебный, глубочайший образ является нам в природе – это Год Божий. Много дней составляет Год, и в каждом из дней снова открывается образ Года: рождение Света, из которого происходит вся жизнь, его подъем на высшую вершину, и его спуск, смерть, нисхождение, чтобы снова восстать. [...] Круговращение, движение по кругу, вращение само по себе является высшим космическим законом Бога, этическим Основанием Вселенной всего бытия. На этом принципе основывается всякое Богопереживание и всякое правосознание» (цит. в пер. А.Г. Дугина). Для меня эти строки несли (и несут до сих пор) Откровение. Если всё это так, думал я, то мои предки не были звероподобными дикарями, но уже со времен своего начала, ещё на землях Прародины, знали о Логосе мира и о Его грядущем Воплощении. И если это так, то сама человеческая природа Спасителя присутствует в мире сначала как грядущее, потом как настоящее или прошедшее. Присутствует никуда не исчезая, но являя себя во всех трех измерениях линейного времени, т.о. как бы «продолжается наравне с вечным, как бы некое временное движение и протяжение, которое тянется подле и вместе с тем что — Вечно», как говорил св. Иоанн Дамаскин («Точное изложение православной веры», 2, I). А значит и христианская Традиция – не нечто, привнесенное моему народу извне, но то что присуще всем без исключения народам в разное время в разной степени ясности.

Если есть книги, которые способны управлять судьбами, то для меня «Гиперборейская теория» оказалась именно таковой. Начав читать её, я не узнавал что-то совершенно новое, я просто узнавал своё. Она заполняла те пустоты и лакуны души, которые как раз для этой теории и были предназначены.

Говоря о книгах вообще, следует ещё добавить вот что. В 90-е книги ещё «прочитывались». Их было мало, они были очень труднодоступны. Поэтому читающему хотелось получить из книги всё вложенное в текст, включая и то, о чём сам автор предпочел умолчать. Эпоха электронного диагонального чтения ещё только начинала вступать в свои права. «В диалоге Джордано Бруно "Ужин в пятницу" один из участников спрашивает: зачем вообще писать книги? Эффективна лишь устная передача знания, эффективно лишь содержание. Ему отвечают: книги пишутся не для запоминания, а для напоминания», – так говаривал Е.В. Головин (о котором я тоже вскоре узнал), и добавлял: «Вполне платоническая мысль».

Так я начал, наконец, понимать, что в мире интеллектуальных дорог и тропинок – «моё», а что «не моё», и, разумеется, погрузившись в тему глубже, после сайта «Арктогея», набрёл и на «Артанию». Возникло желание узнать имя автора проекта. Им оказался Олег Фомин. Надо сказать, что политика сайта была очень открыта. И когда я набрался смелости, и в первый раз в жизни, на совершенно незнакомый ресурс предложил выложить свою статью, то она появилась почти немедленно. Открытость вообще была присуща Олегу, он вполне свободно общался с совершенно разными людьми. Как-то раз мы зашли с ним в отделение телекомпании НТВ, где все сотрудники оказались почему-то кришнаитами и приветствовали его появление своим мистическим слогом. Олег очень быстро сообразил, что «Аум» очень напоминает дораскольную знаменную распевку «Хом», чем и отвечивал русским неоиндуистам, салютуя им специфическим жестом древнеиндийского приветствия. Станным образом эта открытость не размывала ареола некой тайны, и как потом мы шутили – «искривления пространства, вызываемые феноменом Фомина». Разумеется, таинственная составляющая была и в моем с ним «онлайн» знакомстве. Очень скоро мною были получены права модератора (к сожалению, по моей нерадивости и сложному периоду жизни, практически не освоенные). Почему всё случилось так быстро? Пока что об этом я предпочту умолчать. Скажу только, что мне это известно, и это было, разумеется, не случайно.

Что мне нравилось в «фоминском» прочтении традиционализма? Это сочетание глубокого эсхатологического переживания (а он вообще всё переживал очень глубоко!) и русского космизма с его бесконечными неисследованными возможностями реализации.

«Мы ещё будем строить храмы на Марсе и крестить в его реках, которые потекут после «терраформирования» наших русских детей», - заявлял он.

В своём последнем интервью газете «Завтра», он говорит об этом более серьёзно и более пространно: «Есть Адам и у него свои цели и задачи. Ему нужно идти в космос, заполнять собой звезды. Я как Циолковский — фанатик освоения космоса. Он говорил: «Земля — колыбель, но нельзя вечно жить в колыбели». [...] Бог ведет Адама в космос. Или вы думаете, Бог создал все эти мириады галактик, квазаров, звездных туманностей, черных дыр просто для того, чтобы мы в радиотелескопы на них любовались? Бог — величайший математик, физик, биолог, архитектор Вселенной. У Него нет случайностей. Всё создано промыслительно».

Это довольно сильный теологический аргумент. Если мы вспомним, что Христос сошел только на Землю (а это именно так, ведь у Него, как Богочеловека, возможна только одна мать, единственная и исключительная – Богородица) – то, разумеется, встает вопрос о том, для кого он оставил все иные миры? Такая постановка вопроса возможна единственно в рамках христианской ортодоксии. В жестко креационистских доктринах Вселенная – это только акт демонстрации всемогущества Абсолюта, который показывает человеку ничтожность его сотворенной природы, полностью отличной от Божества. В христианстве Вселенная – акт любви, и её природу частично несёт сам неотмирный Христос. Следует добавить, что с двумя этими фактами – наличием огромного количества планет, многие из которых не могут не напоминать Землю; и отсутствием на них жизни – согласно и подавляющее большинство серьёзных представителей академической науки.

Всё творчество Олега (за исключением поздних сухо-деловитых и «теологически стерильных» публикаций в жанре т.н. «пролайфа») пронизано идеей Священного Севера. Этот Север входит в мир под разными именами и в разных схемах терминологии – это «Артания», «Третий Муром» и много чего ещё. И здесь всплывает тема об «ученичестве» Олега у поэта-мистика Е.В. Головина. «Возродите легенду о Севере...» призывал в одной из своих песен, под названием «Черные знамена» Е.В. Головин. Тему «чёрных знамен» и «древнего тевтонского мифа» можно конечно было бы обойти стороной, но как говорится – «из песни слово не выкинешь». Поэтому пару слов следует сказать и об этом. Надо понимать, что Головин был человеком, живущим в поэтическом поле алхимии. Всю провокационную политизацию, которая звучит и в тексте этой его безусловно концептуальной песни, разумеется, адекватно может воспринять только тот, кто волею судьбы также погружен в поле этой «весёлой науки». Один из алхимических адептов Гебер, резюмируя в своей "Summa" средневековую алхимию пишет о ней так: «Не надо писать о магистерии совсем загадочно и не надо также объяснять слишком ясно и доступно. Я

предпочитаю излагать так, чтобы мудрые поняли, умы посредственные заблудились, а дураки и безумцы сломали головы». Мудрец в данном случае не тот, кто знает больше остальных – подобные вещи вообще невозможно «хорошо знать». К ним можно только находиться в определенной степени приближения. Мудрец – тот, кто сумел приблизиться и не заблудился. Он хорошо знает о недостаточности человеческого знания и недоверие к «великим учителям современной духовности», о котором говорил Р. Генон, обязательно должно быть свойственно такому человеку. А ещё мудрец знает, что есть вещи очень серьёзные и не очень. И лучше к очень серьёзным вещам подходить с простотой и смирением, – теми качествами, что рождают детский смех. Фомин умел смеяться и смешить. Поэтому понял, а приблизившись, не заблудился.

Правда, незадолго до смерти Олег публично отрекся от ученичества у «язычника Головина». «Отрёкся»..., но ведь он никогда никакого «язычества» и не принимал! Это был самый настоящий ортодокс, глубоко и очень серьёзно верующий человек. Ну а ещё «закоренелый Злыдеарх Крутицкий, как ни Крути, и Староканавинский, курлыка Красногорский, великомяученик пролайфа и Всея Сети», – как он сам себя называл. Я вспоминаю сейчас день нашего личного знакомства – праздник Пасхи в Нижнем Новгороде 2011 года. Тогда по непонятной ни для кого причине в кафедральном соборе в крестный ход вышла лишь малая часть присутствующих на службе людей. Этот, с т.з. большинства «воцерковленных» прихожан «незначительный эпизод», был воспринят Олегом как собственная сердечная рана. Когда мы вышли из храма он сказал: «Знаешь, а ведь если мы не видели хода, это не значит, что его не было». Я не стал тогда переспрашивать, почему так... На следующий день состоялось выступление Олега Фомина под несколько эпатажным названием – «Слава Русской Пасхе». Оно сопровождалось бесплатной раздачей пасхальных яиц и проходило в обрамлении красно-черных стягов. Оба эти цвета символически изображают Смерть и Воскресение, что как раз и соответствует православному пониманию Пасхи. Но не у всех, конечно же... Охрану торгового центра, который находился неподалеку, несмотря на наличие официального разрешения, это мероприятие повергло почти в шок. Также недоверчиво озирались и его «добропорядочные посетители» – законопослушные потребители материальных благ. Иначе и быть не может. Символика мира Традиции, врываясь в повседневную секуляризованную реальность всегда вызывает у граждан этого посюстороннего мира ступор и частое моргание глазами. Черный и красный цвета вообще очень любимы русским народом. Чёрная форма была у ордена опричников во времена Ивана Грозного, в черном ходил и сам Фомин. Посвящения в этот «чёрный орден», гордым возложением руки на правое плечо, был удостоен и я, грешный. Так он передал, посвящение, полученное им самим ранее от другого человека. Кто знал

Олега хорошо, или внимательно слушал его лекции, зачитанные в рамках проекта «Новый университет», тот поймёт, о чем речь. На этом, думаю, разговор об «ученичестве у Головина» можно и завершить.

Моё знакомство с Олегом, как я уже сказал, пришлось на его творческий период, который можно обозначить как «нижегородский». Хотя правильнее было бы говорить – «муромский». Если иметь ввиду не исторический Муром, а «Третий Муром». Словосочетание, которое обозначает не только одноименную общественную организацию, но и реальность, находящуюся «по ту сторону звезд». И эта реальность связана как с нами, обычными людьми, так и с личностями святых. Я знаю, что Олега отговаривали от поездки в Нижний, но мне также известно, кто привел его туда. Это святые, которых он очень почитал. Если в том мире есть то, что можно назвать «дружинами праведников», то он – представитель святых муромских князей Петра и Февронии. Он много о чём просил и многое получил, но это не тема общедоступных публикаций. Итак, почему Муром Фомина – Третий? Потому, что был первый и второй. Первый – тот, в котором царит наивность юности. Где в силу беззаботной простоты бывает очень легко дотянуться до звезд. Где многое прощается и где на очень многое есть силы. В этом Муроме и венчалась святая чета. Но наступает время второго Муромы – время гонения, презрения, отчуждения. Время расчета и время нужды. Муром, из которого Феврония изгнана, а сам Петр сомневается в правоте Божьей воли. Но и это время проходит. И когда оно проходит, мы слышим звон колоколов Третьего и последнего Муромы. Это Град покаяния, и град возвращенной любви. Это и есть Артания, Арктогея и то Царствие, где, верю, ныне пребывает и сам Олег.

Олег Фомин уникален. Он воплощал очень специфическую, тонкую метафизику русского православного традиционализма. На самом деле все Традиции народов Земли, все версии «язычеств» – это не самодостаточные доктрины, но искажение и разные формы уклонения от единой Изначальной Традиции, существовавшей со времен Адама и Евы, которую сегодня мы знаем под именем Православия. Во время нашей последней с ним встречи он напомнил такую историю из Агады. Когда царь Давид (после падения последнего бастиона индоевропейской монотеистической Традиции – Троянского царства), получил право на царский титул, и в искупление своего греха с хеттеянкой Вирсавией (матерью Соломона), приступил к созданию Псалтыри, с ним приключилось одно очень любопытное событие. Итак, ночью, перед предстоящим сражением, находясь в шатре посреди войска, он пребывал в молитве. Но была весна, и его постоянно отвлекало кваканье лягушек. Тогда он вышел и приказал одному из своих подчиненных как-нибудь «заткнуть им рты». Вернувшись, он увидел лягушку, на листе пергамента, которая спросила его человеческим голосом: «По какому праву, о великий Царь, ты запрещаешь славить нам

Бога, так как нам это дано Им самим?» Тогда Давыд взял перо и записал: Всякое дыхание да хвалит Господа (Пс. 150:6). Именно эта история, по мнению Олега Фомина, вдохновила создателей фресок знаменитого Дмитровского собора во Владимире, стены которого изобилуют «звериными мотивами». Изучая эти и подобные им изображения, он пришел к выводу о том, что на рубеже XV – XVI вв. внутри русской церкви, ещё почти за двести лет до трагического Раскола, происходил процесс выхолащивания древней изобразительной традиции, который практически не нашёл отражения в памятниках историографии. С точки зрения философии традиционализма иначе и быть не может, ведь основным содержанием истории этого мира является энтропийный распад и повсеместная десакрализация. Единый народ, язык и Традиция распадаются на множество частей и теряют свою былую чистоту, извращаясь в язычество, суеверия и местечковые культы. Поэтому, например, в Благовещенском соборе Московского кремля, который был построен в конце XV века, над древней темперной уставной надписью «Сивилла» позже было надписано непонятое уже древним реставратором и поэтому искаженное при подновлении масляной краской имя «Сакалам». Так со стен наших храмов сошли и канули в лету Сивилла и Гермес, Гомер, Платон, Аристотель и другие «внешние мудрецы». Так же, как ранее это случилось с сиринями и грифонами, уроборосами и Китоврасом.

Вопрос «о магии». Олег был абсолютно чужд магии. Исключения составляли разве что сны и сильные чувства. Но они ведь и есть та самая «алхимическая вода», о которой говорил Головин. Отношение к ним всегда было осторожным, как и у всех, кто задет нервом традиционализма. На несколько десятилетий ранее Ю.Н. Стефанов в своём стихотворении «Навсегда» писал: «Сны темны, сны чудны. / Но лучше ли, хуже ли / Яви, да и существует ли явь —/ Не сужу. Кто меня поумней, обнаружили, / Что шутить с ними — Боже избавь...».

Для того, чтобы объяснить, к примеру, просто любовь, догматов и аристотелевской логики хватит лишь абсолютному дебилу или человеку, который никогда не любил. Поэтому отсутствие магического дискурса у нормальных людей объясняется вовсе не их «ортодоксальностью», а полным нежеланием или неспособностью объяснять. Остальным некий здоровый магизм присущ. Когда мы виделись последний раз, и Олег вышел из дома (он был болен, и ему было очень тяжело), навстречу выбежал чёрный кот. Он просто прямо норовил перебежать дорогу человеку, идущему в машину кардиореанимации. Я, разумеется, увидев это, попытался отогнать его, так, незаметно для всех. Фомин это всё же заметил и сказал: «Вот, когда, дед мой умирал, также пришел черный кот. Но вы не волнуйтесь – каждому своя мера испытания и утешения»...

Мы не случайно упомянули здесь стихи Стефанова. Олег был лично знаком с ним. И здесь следует сказать несколько слов и об этом человеке, который, по его же собственным

словам, «в телевизоре папоротники выращивал». Юрия Николаевича Стефанова, более известного своими потрясающими переводами и стихами, в первую очередь всё же следует определить как яркого представителя русской ветви традиционализма, причем традиционализма православного. Будучи лично знаком с Е.В. Головиным, являлся довольно ярким представителем московской мистической субкультуры 1960-80-х гг., и один из первых (а скорее даже первый!) переводил труды Рене Генона и его учеников, вводя их в контекст русской позднесоветской культуры. Из библиографических данных известно, что в детстве, находясь в городе Орле, в период оккупации, был контужен взрывом бомбы и был вылечен в немецком госпитале. Это, несомненно, сказалось на его независимой позиции в оценке общепринятых клише, свойственных т.н. "народной массе". Эта нетривиальность касалась и восприятия Традиции. В первую очередь Стефанов и подобные ему люди не воспринимают чудо как «нечто из ряда вон выходящее». Чудо естественно вплетается в ткань Вселенной, представляя собой не нечто случайное и необязательное, но её неотъемлемую часть и в конечном итоге её основу и смысл. Космос пронизан Богом, а Бог им. Только так может быть понимаема мистерия Боговоплощения во всей её полноте. Иначе мы получим лишь пустыню современного научного мировоззрения, возведенного в ранг религии. Мне рассказывали, что одну стену кабинета его московской квартиры занимали иконы северного письма, а на другой красовались многочисленные «языческие» артефакты, которые на самом деле являются такой же легитимной частью единой Традиции христианской ортодоксии, той, что началась с Адама и была преисполнена Христом, и той что не имеет никакого отношения ни к квазихристианскому протестантизму разных изводов, ни к какой-либо иной из «авраамических традиций». Это иная логика, иного мира и иных людей.

Раз уж мы заговорили об этих «иных». Невозможно не упомянуть и В.И. Карпца. Лично мы почти не были знакомы. По публикациям он известен мне как поэт, философ-традиционалист, талантливый переводчик, писатель... Но даже это – не главное. Прежде всего, В.И.Карпец был глубоко верующим человеком, сердце которого болело и жило Русью-Россией и её народом. Своё завещание он оставил нам в неизданной книге – «Царский Род». Во время конференции в 2011 году, понимая, что у меня мало времени и надо задать вопрос поважнее, я спросил его, не без шутки: «В качестве правителя, нам подойдет Меровинг?». «Безусловно, – ответил он, – нам подойдет даже Ахеменид, просто думайте, где его взять». Думаем, Владимир Игоревич, но пока не знаем, – отвечаю сейчас вполне серьезно. Как жалко, что нельзя спросить Вас ещё раз...

И Головин, и Стефанов, и Карпец, и Фомин воплощали посреди нашей секуляризированной действительности этих «иных», людей средневековья или, говоря

иначе, человека Традиции. По крайней мере, пытались это делать в силу таинственного и неуловимого зова, который возникает в душах людей по одному Ему известным причинам.

Олег Фомин рано ушел из мира, но пришел он в него вовремя. Именно и только сейчас нам выпала задача превратить то, во что наши предки молчаливо, в простоте сердца, верили всегда, в рационально-опознанную и интеллектуально-институализированную метафизическую позицию. Можно сказать, что в гуще переплетения вселенских ангелических влияний Олег Фомин опознал и показал нам ту тропинку, по которой ранее уже прошли Ю.Н. Стефанов и В.И. Карпец и которой в будущем, даст Бог, суждено превратиться в широкий, долгий и славный путь Православной русской цивилизации. И тогда, те, кто пойдут позже, вспомнят добрым словом его, а он поможет не свернуть им.

Русский Моррис. Слово об Олеге Фомине-Шахове

И что такое слуги Господа, как не скоморохи Его,
которые должны растрогать сердца людей и
направить к радости духовной?

Франциск Ассизский

7 июля 2018 года – первый день рождения Олега Фомина, который мы встретим без него. Прошлой осенью автор этих строк не присоединился к многочисленными авторам некрологов – настолько неадекватными были бы любые слова, сказанные тогда о нашем великом друге, настолько неточно они передавали бы для незнакомых читателей реальность. Олег не хотел, чтобы о нем начинали говорить в энциклопедическом формате, излишне «систематизируя» и «схоластизируя» его подчас несистематичное наследие, чтобы из его живой фигуры создавали забронзовевший памятник. Пожалуй, сейчас наступило время, когда можно высказаться чуть более внятно, дав некоторые первичные ориентиры для почитателей и ценителей наследия Фомина на будущее.

Олегу нравилось, когда его сравнивали с Уильямом Моррисом, как в плане внешности, так и в плане содержания. Фомин во многом считал его образцом для себя. Он гордился тем, что Моррис первым придумал слово «дизайнер», и применял его к себе. О деле Морриса и его связях с Россией мы уже писали два года назад (<http://katehon.com/ru/article/uilyam-morris-i-rossiya-k-genealogii-konservativnoy-revolyuicii>).

Позволим себе, однако, раскрыть данное сопоставление несколько подробнее. Безусловно, оба героя – творцы, художники, поэты универсального профиля, широчайшей палитры интересов: музыка и политика, поэзия и философия, декоративно-прикладное искусство и проза. Диагноз причин смерти Морриса, поставленный врачом – «работал за десятерых» – может быть применим и к Фомину. С той важнейшей оговоркой, что жизнь Олега была в полтора раза короче – 41 год вместо 62 лет у Морриса. И это объясняет различие в объеме осуществленных замыслов. В конце концов, едва ли не две трети, а то и три четверти, наследия Морриса приходятся на последние два десятка лет его жизни. Остается только в изумлении разводиться руками, когда думаешь о том, сколько замыслов и планов Фомина могло бы быть реализовано за следующие двадцать лет. Но теперь они останутся на непроявленном уровне, за исключением тех немногих набросков, которые еще могут увидеть свет. Увы, самые главные замыслы не были реализованы даже в черновике...

Если попытаться сузить определение, то и Морриса, и Фомина можно назвать поэтами, вынужденными всю жизнь отвлекаться на другие виды творчества, подчас надолго забрасывая любимую поэзию. Это объясняет и специфику их социально-

политической позиции, и их отношение к крупным метафизическим концепциям. Для Морриса на первом плане всегда была помощь беднякам, рабочим, ближним, в которых он видел главную аудиторию высокого искусства, и случайно подвернувшийся ему под руку марксизм он в последний период своей жизни использовал лишь как инструмент для реализации своих совершенно неэкономических, романтических, художественных идеалов сторонника традиционного общества. Для Фомина главной сферой прикладной борьбы за устои традиционного общества стало пролайф-движение, понимаемое весьма широко: это была не только борьба против аборт, но и целый спектр других проблем, объединяемых под названием биополитики. Многим известна одноименная книга Мишеля Фуко, но мало кто знает, сколь существенный вклад в последние годы жизни Олег Фомин внес в серьезную разработку темы биополитики «не по Фуко», в раскрытии механизмов манипуляции биологическими процессами ничего не видящих и не понимающих толп. В этой борьбе Фомин обращался к попавшей ему под руку еще в молодости доктрине Рене Генона – автора, который до последних дней жизни был крайне значим для него, хотя он всегда отказывался причислять себя к традиционалистам-генонистам в точном смысле этого слова. Взлелеянный великими мастерами слова и духа: Юрием Стефановым, Владимиром Микушевичем, Владимиром Карпцом (<https://politconservatism.ru/blogs/uroki-lesnogo-mudretsa-pamyati-v-i-karptsa>), Александром Дугиным – Олег Фомин синтезировал эти подчас разнородные влияния и сумел сказать свое собственное, неповторимое, глубоко личное слово, нашедшее путь к сердцам тысяч людей. Скорее даже спеть, чем сказать, ибо стихия музыки была для него приоритетом.

Фомину, как и Моррису, не удалось при жизни осуществить глубокое преобразование общества. Однако если мы вспомним, что Моррис сумел радикально изменить вкусы публики, представление об искусстве, полностью преобразить подходы к реставрации зданий, к производству мебели и других предметов ремесла, к архитектуре и вышивке гобеленов, к нормам написания романов и поэм, то мы поймем, что его невероятные усилия действительно привели к настоящей культурной (контр)революции в обществе его эпохи, за которой затем последовали и долгожданные социально-экономические реформы. А ведь Моррис не был даже композитором или музыкантом, хотя и сочинял песни. Творчество же Фомина как уникального композитора-экспериментатора, как необычайного вокалиста вполне способно стать импульсом к культурной (контр)революции внутри современного общества. Для этого достаточно широко распространять его уже существующее наследие. И этот перелом в эстетической реальности вокруг нас неизбежно станет важным камнем на чашу весов истории, склонив ее и в сторону реализации социально-экономических замыслов Олега, в сторону создания

иногo принципа сети городов и сел с высокотехнологичным укладом аграрной экономики, со сверхинтенсивным земледелием и многодетными семьями и т.д. Чаемый «уклад» не может быть осуществлен без красоты в искусстве и в быту, которую и стремился создавать Фомин – как лично, так и поощряя другие музыкальные коллективы, других поэтов и писателей к сотрудничеству, к распространению близких ему по духу произведений. Издавая на протяжении ряда лет альманах «Бронзовый век», Олег выражал надежду на то, что вслед за взлетами русской культуры в ее Золотом и Серебряном веке начало XXI века станет ее Бронзовым веком. Еще не всё потеряно, еще рано считать эту надежду преждевременной...

В жизни человека нет по сути ничего случайного. В жизни знаковых, ключевых фигур эпохи – тем более. День рождения Олега (в крещении – Иоанна) Фомина – 7 июля, Иванов день – всегда отмечался необычно, не так, как у других, в силу исключительной значимости данной даты. Христианский годовой круг делится ровно пополам двумя датами, Рождеством Христовым 7 января (к которому на Западе крайне близок праздник апостола Иоанна Богослова, «Иоанна зимнего») и Рождеством Иоанна Предтечи 7 июля (днем «Иоанна летнего»). Это – солнечные врата года, обозначающие две противоположные фазы единого движения солнца, начало его восхождения и начало нисхождения. Гвидо де Джорджо указывал на наличие данного символизма еще в римской Традиции, в образе двуликого Януса, позже адаптированного к христианскому календарю.

Рене Генон в главе «О двух Иоаннах» (Символы священной науки. М., 2002. С. 275–278) пояснял, что речь идет о летних «вратах людей», связанных с аспектом милосердия, жалости к ближним, плача о людях, и зимних «вратах богов», связанных с аспектом прославления Бога, Его хвалы, радости о Нем. Не будем здесь называть имена как минимум трех-четырех ключевых фигур XX – XXI века, чье рождение или уход из этого плана бытия приурочены к «зимнему Иоанну». Ибо «был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн» – это слова, применимые ко всем, кто шел по пути и прообразу любого из двух Иоаннов.

Но бросается в глаза, сколь точно Олег-Иоанн Фомин соответствовал своему призванию на этой земле, определенному аспектом «летнего Иоанна». Его бескорыстная любовь к отверженным, нищим, убогим, к беззащитным младенцам, его жалостливые, слезные, покаянные песнопения к Богу были проявлением именно этого аспекта. Именно через спуск вниз, к тем, кого хозяева современного мира обрекают на уничтожение, через их защиту, через печалование и глубокое покаяние и лежал путь Фомина – вниз и снова вверх, к воскресению. Как говорится в одном из его стихотворений:

*Не за пиджачников прошенье –
За плач божьей придет, как встарь.*

*Пусть трудно сердца сокрушение –
Но только им воскреснет Царь.*

«Здесь очесам телесным во усладу неложно явлен Олег Фомин, искатель, любитель науки колбягов». Автопортрет Олега Фомина из «Священной Артании», 2004г.

Научное издание

Первые Фоминские чтения
Сборник по материалам конференции 1 августа 2021 г.

**Под редакцией Максима Медоварова, Максима Борозенца,
Люка Ключаря**

Компьютерная верстка *В.А. Мясников*
Художник *Люк Ключарь*

Подписано к печати 00.00.2021.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 00.00. Уч.-изд. л. 5.2.
Тип. зак. №

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского».
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

И все-таки Олег Фомин — первооткрыватель. Если бы Америку открыл Колумб, я бы уподобил Олега Фомина Колумбу. Но Америку по всей вероятности открыли викинги, родичи арсов, или те же арсы. Колумб открыл не Америку, а Новый свет. Олег Фомин открывает Старый свет. Вопреки островам, отторгаемым глобализацией от мира Божьего, Священная Артания - поистине часть света.

Владимир Микушевич

Фомин отвергает «мир» как почти полное зло, как наваждение и ужас. И в то же время хочет в нём устроиться. Он хочет, чтобы его все любили - и друзья, и государство (которое всегда ускользает), и духовенство церковное... Он «любит праведность, но странную любовью». В нем уживаются глубиннейший «имморализм» и мощнейший морализм.

Владимир Карпец

У меня странное чувство, что Олег пошёл на разведку. Когда умер его и мой друг Володя Карпец, я в церкви, которую он вплоть до смерти посещал, во время службы остро ощутил его присутствие. И спросил его: как, Владимир Игоревич, у вас там, на том свете? И услышал странный ответ: а здесь война, Александр Гельевич... И сейчас Олег и разведка... Что-то покоем и не пахнет... Говорят, война...

Александр Дугин

